

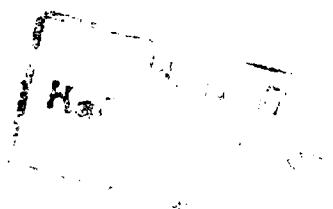
БОРЬБА

КЛАССОВ № 3 МАРТ 1935

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5-й год издания

Вл. Сорин

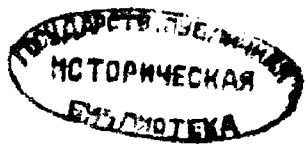

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПАРТИИ

История партии является наиболее важным, существенным элементом в политическом образовании, просвещении и воспитании молодых кадров нашей партии, строителей социалистического общества, борцов за победу коммунизма во всем мире. История партии—одно из важнейших и острейших орудий в борьбе за генеральную линию партии. В своей пропагандистской деятельности изучению и преподаванию истории большевизма партия всегда, на всех этапах своего развития, отводила исключительную роль. Интерес к истории партии, сознание необходимости самого тщательного изучения этой науки в огромной степени возросли особенно в наше время.

Изучение истории партии имеет не только чисто теоретическое, познавательное, но и глубоко практическое и политическое значение. Ленин подчеркивал, что без знания истории революционного движения нельзя быть сознательным рабочим, нельзя быть сознательным, выдержанным, боеспособным членом партии, не усвоив себе всего богатейшего опыта борьбы нашей партии на всем протяжении ее развития. Именно при Ленине было положено начало систематическому накоплению и разработке материалов по истории партии путем организации сети истпартов. Точно так же Сталин неизменно уделяет громадное внимание вопросам истории партии, а его известное письмо в редакцию «Пролетарской революции» явилось поворотным пунктом в развитии истории партии как науки, как научной дисциплины. В работах Ленина и Сталина—лучших историков нашей партии—содержатся многочисленные ценнейшие исторические очерки, без знания которых не может и не должен обойтись ни один историк.

Было бы чрезвычайно вредным и недопустимым относиться к изучению истории партии как к такому делу, которое может интересовать только архивистов—любителей «древности» и «старины». Изучение истории партии способствует более глубокому пониманию современной политики партии; более глубокой ориентировке в той грандиозной строительной работе, которая ведется нашей страной, более глубокому уяснению тех громадных, всемирноисторического значения задач, которые стоят перед коммунистическим пролетариатом всего мира. Изучение грандиозного опыта борьбы

самой революционной в мире партии—партии пролетариата—укрепляет в членах партии сознание правильности нашей политики и помогает им с еще большей уверенностью и твердостью идти по тому пути, который указан партией.

Одной из особенностей большевизма является преемственность и неизблемость его политической линии. Наша партия не принадлежит к числу тех партий, которым в ходе их развития приходилось отказываться от своих прежних взглядов, «разочаровываться» в них, ломать их прежнюю линию и заменять ее новой. Вся история большевизма представляет собой непрерывное, неуклонное развитие одной и той же идеи, одной и той же линии, впервые намеченной Лениным еще в 90-х годах (борьба за диктатуру пролетариата, за коммунистическую революцию, борьба за свержение самодержавия, за победу буржуазно-демократической революции как переходную ступень к революции пролетарской) и затем постоянно и систематически развивавшейся Лениным и Сталиным на всем протяжении истории нашей партии.

Ход исторического развития целиком подтвердил правильность революционной теории большевизма, его политической стратегии и тактики. Большевистская партия, правильно анализируя ход и перспективы объективного исторического развития, на всяком новом этапе борьбы выработала ту именно тактику, которая, как часто говорил Ленин, «предписывается» всей совокупностью общественных условий.

Замечательно верно и глубоко определяя объективное соотношение классовых сил и все особенности политической обстановки в целом, наша партия, взвешивая творческие силы пролетариата, рабочих масс, ставила перед ними самые смелые и в то же время глубоко реальные задачи, осуществимость которых обуславливалась всей совокупностью общественных условий.

«Марксизм,—писал Ленин,—отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Объективно верное определение партией, опирающейся в своей деятельности на гранитный фундамент марксизма-ленинизма, особенностей империалистического этапа в развитии капитализма и тех задач, которые в эту эпоху стоят перед рабочим классом, а также методов его борьбы имеет своим следствием то, что партия с момента своего возникновения вплоть до сегодняшнего дня идет единственно исторически правильным путем. Конечно, это не значит, что путь партии представлял собой сплошное триумфальное шествие. Самая лучшая тактика не может гарантировать от поражений, если на стороне противника громадный перевес сил². Поэтому наша партия тоже знала периоды, когда ей приходилось временно отступать (эпоха реакции, например, или период Бреста; 1921 год), но, тем не менее, объективная верность однажды взятой партией политической линии приводит к тому, что несмотря на временные поражения все развитие партии, взятое в широкой, всемирноисторической перспективе, представляет собой неуклонное поступательное и победное движение вперед, от одной победы к другой. Только история большевизма за все время его существования может объяснить, как и почему партия достигла таких замечательных успехов, как свержение самодержавия, победа Октябрьской революции, разгром всех врагов в гражданской войне, создание фундамента социалистического общества (индустриализация страны и победа колхозного строя), громадный

¹ Ленин. Т. XII, стр. 32.

² См. И. Сталин «Об оппозиции», стр. 624—625. 1928.

удельный вес Советского союза в области международных отношений, руководящая роль большевиков в революционном движении пролетариата всего мира.

Современная политика большевиков всеми своими корнями вырастает из предшествующего хода развития партии, рабочего класса, всей страны в целом, вытекает из всей предшествующей деятельности партии, изо всех ее прежних «установок», являясь их продолжением и дальнейшим развитием в новых условиях борьбы. Вот почему история партии — сугубо политическая наука. Вот почему неверные, ошибочные оценки прошлой деятельности партии, извращение и искажение взглядов партии, ее стратегии и тактики, деятельности ее вождей ведут к подрыву той политики, которую сегодня осуществляет наша партия, ведут к подрыву ее идейно-политических позиций в классовой борьбе сегодняшнего дня.

Прошлая деятельность партии тесно связана с настоящей. Прошлое в известной степени определяет настоящее. Характерен поэтому метод Ленина и Сталина, которые, обосновывая тот или иной поворот в политике партии, формулируя новые задачи, подходят к ним исторически, выводя их из всей цепи предшествующего развития и прослеживая этапы и ступени борьбы за те или иные цели.

Поскольку история партии является глубоко политической наукой, поскольку правильное изображение предшествующего развития партии имеет громадное значение в вопросах классовой борьбы, постольку неизбежны настойчивые попытки врагов партии исказить ее историю, перекроить историю партии, ударить по партии с ее исторического тыла. Поэтому партия с такой твердостью и остротой неизменно ставит вопрос о решительной борьбе со всякого рода искажениями и извращениями истории большевизма.

В своем письме в редакцию «Пролетарской революции» товарищ Сталин особенно наглядно показал то огромное политическое значение, которое имеет история партии, и тот громадный политический вред, который приносят борьбе за социализм всякие фальсификации и искажения истории большевизма. Отсюда требование товарища Сталина «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

История большевистской партии должна быть марксистской, большевистской историей. Историк партии должен давать строго научное, следовательно, основанное на точно установленных фактах и обобщениях, изложение возникновения и развития партии, ее теории, программы, тактики, стратегии, организации в строго последовательном порядке, по этапам, прослеживая закономерность развития партии и сочетая это изложение с конкретным, наглядным показом самой партии как замечательно организованного, дисциплинированного, непрерывно развивающегося, всегда борющегося, непримиримо революционного человеческого коллектива, как совокупности живых людей: пролетарских революционеров, борцов, строителей, неутомимо идущих вперед, борющихся и побеждающих. История партии, сохраняя высокий идейно-теоретический и политический уровень, должна в то же время в живой, наглядной, образной форме показать, как, в каких условиях зарождалась наша партия, как она развивалась и крепла, какие бои и с какими врагами она вела, какие методы и формы борьбы на разных этапах своего развития она применяла, как искусно маневрировала в самой сложной обстановке, как умела сплачивать под своими знаменами все революционные элементы различных классов, которые способны были под руководством партии пройти тот или иной этап борьбы; как неуклонно вела борьбу за чистоту марксистско-ленинской линии, как вела борьбу против всяких отклонений от нее, против всяких уклонов; как она в этой борьбе не останавливалась перед разрывами и «расколами» с неисправимо оппортунистическими элементами, беспощадно изгоняя их из своих рядов;

как она не опьянялась успехами и не падала духом от поражений; как она неуклонно, твердо и выдержанно вела и ведет пролетариат к одной основной цели—к победе коммунизма во всем мире.

История партии должна показать роль в ней ее великих вождей—Ленина и Сталина. Изображая весь героизм и все мужество нашей партии в великих классовых боях, история партии должна дать в то же время галерею замечательных, беззаветно преданных делу освобождения рабочего класса великих революционеров, рожденных нашей партией; она должна показать также и скромных, невидных, не бросающихся в глаза рядовых борцов нашей партии, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть борьбы с самодержавием и буржуазией. Перед слушателями должны встать образы героев разных периодов в истории нашей партии: рабочего-подпольщика, баррикадного бойца-дружинника, пролетария-красногвардейца в дни великого Октябрьского социалистического переворота, рабочего-комиссара эпохи гражданской войны, строителя социализма наших дней.

При изучении и преподавании истории партии необходимо избегать следующих двух неправильностей: во-первых, сообщения слушателю множества фактов, имен, дат, без обобщений, без руководящей идеи, без показа внутреннего единства и последовательности в развитии партии (к числу таких беспринципных, немарксистских работ, извращающих историю партии, принадлежат, например, «труды» Невского). С другой стороны, было бы неправильно представлять слушателям историю партии только в виде истории принципов, идей, программных и теоретических установок без конкретного показа живой, действенной, борющейся партии. Если в первом случае мы имеем беспорядочное скопление фактического материала, то во втором—голый схематизм и неизбежно связанное с ним упрощенчество, бесцветный чертеж вместо полной жизни, движения и борьбы действительной истории партии, не знающей себе равных по богатству и разносторонности содержания.

История партии не может быть понята как следует, если она не дана на фоне всего революционного движения в целом, на фоне борьбы классов в нашей стране и в международном масштабе. История партии должна показать борьбу, которую она вела против самодержавия, феодалов-крепостников и буржуазии. Она должна показать ту борьбу на два фронта, которую вела партия внутри рабочего движения с организациями и течениями, являвшимися проводниками буржуазного влияния на пролетариат (меньшевики, троцкисты, эсеры и др.).

Если в настоящее время партия пользуется безраздельным влиянием в среде рабочего класса и крестьянства, если в нашей стране нет других партий, кроме партии большевиков, то это явилось результатом той длительной и напряженной борьбы, которую наша партия вела против меньшевиков, эсеров и других буржуазных и мелкобуржуазных партий, шаг за шагом вытесняя их с тех позиций, которые они занимали внутри рабочего движения или в крестьянстве, пока она не добилась полной утраты ими всякой почвы, всякой опоры в трудящихся массах. Весь исторический путь большевиков усеян осколками и обломками разбитых наголову нашей партией враждебных ей организаций и группировок.

Были в истории многочисленные организации, течения, группы и группочки, которые претендовали на звание «рабочих» и даже «марксистских» и которые с большим шумом и треском подвизались на исторической арене, стремясь подчинить своему влиянию рабочий класс. Таковы легальные марксисты, «Рабочая мысль», «Кредо», «Рабочее дело», «Борьба», «Свобода», меньшевики в разных облачениях: меньшевики «официальные», троцкисты; меньшевики-интернационалисты, «об'единенцы», «новожизненцы»; «впередовцы», анархисты и т. д. Их нет больше, этих партий, организаций и течений. В ожесточенных политических боях они разбиты и уничтожены большевиками, ибо только наша партия является действительной вырази-

тельницей интересов пролетариата, и поэтому только она сумела сплотить вокруг себя рабочий класс.

Были в истории многочисленные организации, течения, группы и группочки, которые считали себя представителями интересов крестьянства. Таковы народники, эсеры правые, эсеры «центра», левые эсеры, максималисты и т. д. Их тоже нет больше, этих партий и течений. Они разбиты и уничтожены в политических боях большевиками, сумевшими доказать и показать крестьянству, что только в союзе с рабочим классом и под руководством коммунистической партии оно сможет добиться светлой жизни, и сумевшими поэтому сплотить крестьянские массы вокруг нашей партии. История партии не мыслима без показа той разносторонней борьбы, которую вела партия против классовых врагов пролетариата и их агентуры в рабочем классе и трудящихся массах вообще.

Наконец, особое внимание в изучении и преподавании истории партии должно быть уделено борьбе партии со всякими оппозиционными течениями, фракциями и группировками внутри ее: правыми, «левыми», примиренцами. Партия сейчас едина как никогда. В ее рядах нет ни одной, даже ничтожной по своим размерам, оппозиционной группки, которая попыталась бы оспаривать линию партии. Это единство является результатом той непримиримой, беспощадной борьбы, которую партия на всем протяжении своего развития вела за чистоту и незыблемость большевизма.

Рабочий класс и его партия не отделены каменной стеной от окружающей их общественной среды, от других классов капиталистического общества. В лице некоторых своих прослоек рабочий класс многочисленными нитями связан с враждебными пролетариату классами и испытывает давление со стороны буржуазии, мелкобуржуазных слоев общества, феодалов, клерикалов и т. д. «Давление буржуазии и ее идеологии на пролетариат и его партию выражается в том, что буржуазные идеи, нравы, обычаи, настроения нередко проникают в пролетариат и его партию через известные слои пролетариата, так или иначе связанные с буржуазным обществом»¹.

Влияние буржуазии захватывает наименее устойчивые, наименее идеологически выдержанные элементы в партии, не порвавшие идейной связи с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, не ставшие целиком и полностью на точку зрения пролетариата. Это по преимуществу недавние выходцы из крестьянства, мещанства, интеллигенции, выходцы из других партий либо обуржуазившиеся рабочие (рабочая аристократия). Этот слой и представляет собой наиболее благодарную почву для возникновения всяких «оппозиций», ту среду, которая питает оппортунизм—открытый, «правый», или маскирующийся, «левый», безразлично.

Всякая оппозиция внутри нашей партии, возникавшая при том или ином крутом повороте истории, является проводником буржуазных или мелкобуржуазных влияний на пролетариат. Она всегда представляет собой в том или ином облачении агентуру классового врага, орудие в его руках в целях разложения и ослабления пролетарской партии. Поэтому партия всегда решительно и беспощадно боролась со всякими оппозициями, укрепляя тем самым свои ряды.

В истории партии было немало антиленинских, антимарксистских группировок, которые пытались навязать партии свою линию, которые пытались убедить рабочий класс в неверности политики партии и от которых в итоге непримиримой борьбы против них большевиков ничего, говоря словами Ленина, «кроме дыму» (т. XXII, стр. 324) не осталось.

Отсутствие какой-нибудь явной оппозиционной группировки внутри партии не означает, разумеется, того, что в наших рядах нет людей, которые, враждебно относясь к политике партии, но не осмеливаясь, однако, открыто выступать против ее линии, становятся на путь двурушничества. Зная, что всякое открытое выступление против партии вызовет немедленный и

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 444, 1928.

беспощадный отпор со стороны всей партии, миллионов членов нашей партии, беззаветно преданных делу Ленина—Сталина, тесно сплоченных вокруг ЦК партии и ее вождя Сталина, враги партии маскируют свои взгляды показным согласием с политикой большевиков, для того чтобы под этим прикрытием тайно вести контрреволюционную работу, направленную к разложению отдельных партийных клеток и отдельных звеньев государственного аппарата. Уделом двурушников может быть только одно—изгнание их из рядов партии и обезвреживание.

Двурушничество—это та форма борьбы с партией, которую применяют ее враги. Под покровом двурушничества было организовано злодейское убийство замечательнейшего пролетарского революционера — тов. Кирова, совершенное контрреволюционной зиновьевской группкой.

Распознавание двурушников, разоблачение их и изгнание из партии составляет обязанность каждого большевика. Эта обязанность может быть выполнена только при наличии высокой революционной бдительности. Изучение истории партии является одним из способов повышения бдительности. Изучая историю борьбы партии против различных оппозиционных группировок (отзовисты-ультиматисты, левые коммунисты, троцкисты, право-левацкий блок, правые уклонисты, рабочая оппозиция, группа демократического централизма, примиренцы разных оттенков и т. д.), члены партии сумеют лучше уяснить себе те методы, те приемы, которые практиковали различные фракции и группировки в борьбе с партией. Изучение тактики оппозиционных течений поможет члену партии лучше распознавать приемы борьбы, применяемые двурушниками. Вместе с тем необходимо особенно внимательно изучать тактику борьбы партии по отношению ко всякого рода оппозициям, чтобы уяснить себе глубже и лучше усвоить те методы, при помощи которых партия боролась с оппозиционными группировками, при помощи которых она вскрывала антиленинский, антимарксистский характер их воззрений, антипартийный, антипролетарский характер их политики, при помощи которых она фракционеров разоблачила, изолировала, лишила всякого политического влияния и ликвидировала.

При изучении истории партии надо проследивать возникновение и этапы борьбы различных оппозиционных течений в партии и изучать деятельность лидеров фракционных группировок.

Обращение к истории партии и внимательное и глубокое изучение ее покажут, например, что в сущности предательство Каменева и Зиновьева и переход их в лагерь фашизма, в лагерь открытой контрреволюции, были подготовлены целым рядом эпизодов из их прошлой деятельности. Факты показывают, что не только в Октябре 1917 г., но и ранее Каменев и Зиновьев проявляли оппортунистические колебания и шатания по целому ряду важнейших вопросов: и в эпоху реакции, и в период нового под'ема, и во время войны, и в предоктябрьский период и после Октября. Когда Каутский во время войны взял под свою защиту ставших социал-шовинистами Вальяна и Геда, Гайндмана и Плеханова, то Ленин писал по этому поводу:

«Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им лиц, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготовляли переход к империализму, не бывал ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов у меньшевиков и ликвидаторов? не умирало ли у всех на глазах направление Геда в образцово-безжизненном, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гедистском журнале «Социализм»? не проявлял ли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит — вполне справедливо — рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.»¹.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 264—265.

Как раз в биографии Камежева и Зиновьева были такие «черточки и события», весьма многочисленные, которые подготовили последующий переход их на положение постоянной оппозиции в партии, а потом увели их в лагерь контрреволюции.

Или возьмем, например, левого оппортуниста Богданова, в 1909 г. исключенного из партии большевиков. Его острая борьба против большевиков в 1907—1909 гг. станет понятнее, если проследить те «черточки и события», которые подготовили переход его во враждебную большевизму группировку. «Черточки» эти таковы: уже в самом начале своей политической деятельности Богданов был заражен философским ревизионизмом; в период революции 1905 г. он не понимал роли и значения таких беспартийных массовых организаций, как советы рабочих депутатов, и пытался превратить их в собственно партийные учреждения, грозя иначе бойкотом советов; он примиренчески относился к меньшевикам, не понимая того глубокого отличия политики большевизма и меньшевизма, которое с такой остротой подчеркивал Ленин; уже в 1905 г. он предпринимал некоторые шаги к тому, чтобы ограничить влияние на партию находившегося за границей Ленина. «История» ранних «ошибок» Богданова, Камежева, Зиновьева и других дает возможность молодому члену партии глубже понять всю недопустимость каких-либо отклонений от линии партии, дает ему возможность понять все значение ленинской мысли об опасности тех ошибок, которые незамедлительно не исправляются и в защите которых упорствуют.

Необходимо, чтобы члены партии знали всю историю партии в целом, а не «застревали» на изучении ее ранних периодов. Без изучения дооктябрьской истории партии нельзя, конечно, понять историю последующих лет, историю нашей современности, но в пропаганде центр тяжести должен быть перенесен на изучение периода Октябрьской революции и пролетарской диктатуры. Этот период имеет особенно актуальное, решающее, ближайшее, непосредственное значение для судеб нашего социалистического строительства и мировой революции, и поэтому ему должно быть уделено большее внимание. Чем дальше от современности в глубь истории, тем более сжатым и суммарным должно быть изложение истории партии; чем ближе к сегодняшнему дню, к тем боям, которые ведет партия сейчас, в настоящее время, тем полнее, обстоятельнее, подробнее должна излагаться история партии.

Решающее значение в преподавании истории партии имеют большевистски выдержанные учебники и хорошо подобранные, большевистски испытанные кадры преподавателей и лекторов. Вот что писал по этому поводу Ленин: «Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно составом лекторов. Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы», «уставы» и пр., все это — звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов»¹.

Глубокое и серьезное изучение истории партии дает возможность нашей молодежи, нашим молодым членам партии, только недавно вступившим в ее ряды, «пережить», продумать и прочувствовать сорокалетний опыт революционной борьбы большевизма и вместе с партией пройти беспримерный в истории человечества путь развития от небольшой группы маленьких подпольных кружков к могущественной партии — вождю первой в мире пролетарской диктатуры, строящей социалистическое общество.

Изучение истории партии еще более усилит, сделает теснее и глубже связь каждого члена партии с нашей большевистской организацией.

¹ Ленин. Т. XIV. стр. 118.

Изучение истории партии еще более повысит революционную бдительность наших молодых кадров, еще более закалит их как борцов за построение социализма, непримиримо враждебно относящихся ко всяким попыткам искажения или извращения нашей большевистской теории, нашей большевистской тактики и стратегии, нашей большевистской политической линии.

История партии — один из лучших путей овладения учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Это необыкновенно богатая своим теоретическим и идейно-политическим содержанием наука, и в то же время это замечательно увлекательная наука. Она не только обогащает сознание системой фактов и идей, но она заражает слушателя, изучающего ее, волей к борьбе, к строительству, она вызывает в нем восхищение героической борьбой предшествующих поколений революционеров-большевиков. Она вызывает в нем преклонение перед мужеством и беззаветной преданностью делу революции наших старших товарищей. Она пробуждает готовность идти по их следам, следовать их примеру, быть такими же, как они. Она порождает в молодом товарище чувство гордости его принадлежностью к этой героической, беззаветно преданной делу рабочего класса, самой передовой партии в мире — авангарду трудящегося человечества.

За всестороннее, глубокое изучение истории партии Ленина — Сталина!

За поднятие идейно-политического уровня массы членов нашей партии!

За повышение революционной бдительности, за непримиримую борьбу со всякими отклонениями и извращениями марксизма и ленинизма в истории нашей партии!

А. Серeda

III С'ЕЗД ПАРТИИ

1

25 (12) апреля 1905 г. в Лондоне открылся III с'езд РСДРП. «Наступившие великие события в развитии рабочего движения и революции в России, 9 января и его последствия, создавали новое положение, требующее от партии еще более высокого напряжения сил и энергии»¹, — так характеризовал Ленин обстановку, при которой был созван с'езд. В условиях гигантского революционного подъема пролетарского, крестьянского и национально-освободительного движения, в условиях революционной бури и натиска масс III большевистский с'езд собрался для того, чтобы на основе ленинского стратегического плана перерастания выработать тактику в революции 1905 — 1907 гг. III с'езд партии — это с'езд подготовки штурма самодержавия, с'езд подготовки и организации вооруженного восстания.

III с'езд партии — чисто большевистский с'езд: на нем присутствовали только представители большевистских комитетов, «Бюро комитетов большинства», ЦК и редакция «Вперед». Меншевистские представители на с'езд не явились и организовали в Женеве свою конференцию.

На III с'езде были представлены следующие комитеты: московский, петербургский, нижегородский, воронежский, орловский, тульский, курский, одесский, полесский, рижский,

самарский, саратовский, северный, северозападный, тверской, николаевский, уральский и кавказский союзы².

Проявляя сугубую осторожность в деле проверки мандатов, с'езд лишил представительства казанский, архангельский и кубанский комитеты.

Несмотря на то что за III с'езд высказалось подавляющее большинство местных партийных комитетов и что законность с'езда не подлежала никакому сомнению, меньшевики, после того как им не удалось сорвать с'езд, развернули гнуснейшую демагогию о незаконности с'езда.

Ленин в своей речи на с'езде «О законности с'езда» говорил: «С'езд совершенно законен. Правда, по букве устава его можно считать незаконным³; но мы впали бы в карикатурный формализм, если бы так понимали устав. По смыслу же устава с'езд вполне законен»⁴, «Из заключе-

² На с'езде присутствовали: Ленин (Фрей), Миха Цкахая (Леонов), А. Джапаридзе (Голубин), Рыбкин (Летучий), В. Лосев-Валерианов (Семен), В. М. Обухов-Камский (Волгин), М. К. Владимиров (Константинов), Н. Романов (Бергер), А. Богданов (Максимов), М. Литвинов (Кузнецов), Конин (Юлин), Д. Постоловский (Михайлов), Г. Крамольников (Масальский), Аристархов-Осетров (Багров), В. Воровский (Орловский), Р. Землячка (Осипов), О. Квиткин (Панов), А. Рыков (Сергеев), В. Десницкий (Сосновский), П. Румянцев-Филиппов (Шмидт), Л. Красин (Винтер) и А. Любимов (Зоммер) и др.

С совещательным голосом: П. Красков (Бельский), А. Луначарский (Воинов), В. Фридолин (Дашин), Шевелкин (Диогенов), Т. Шкловский (Дедушкин), М. Лещинский (Жарков), А. Эссен (Бур), М. Лядов, Саммер (Любич), Н. Крупская (Саблина), Б. Авилов (Тигров), Яблочкин.

³ По уставу партии, с'езд созывается советом партии, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на с'езде. Но совет партии вопреки категорическим требованиям значительного большинства комитетов высказался против, III с'езда. «И комитеты нашей партии не только имели право, но и обязаны были созвать с'езд сами». (Ленин. Т. VII, стр. 252).

⁴ Ленин. Т. VII, стр. 251.

¹ Ленинский сборник XVI, стр. 87.

ния мандатной комиссии видно,—подчеркивал Ленин в другой речи,—что всего в партии у нас 75 решающих голосов, так что, несомненно, при данном составе, наш съезд должен быть признан законным»¹.

Порядок дня съезда: I. Доклад организационного комитета. II. Вопросы тактические: 1) вооруженное восстание и временное революционное правительство; 2) отношение к политике правительства накануне и в момент переворота; 3) отношение к крестьянскому движению. III. Вопросы организационные: 1) отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях; 2) устав партии. IV. Отношение к другим партиям и течениям: 1) отношение к отколовшейся части РСДРП; 2) отношение к национальным социал-демократическим организациям; 3) отношение к либералам; 4) практические соглашения с социалистами - революционерами. V. Внутренние вопросы партийной жизни: 1) пропаганда и агитация. VI. Отчеты делегатов: 1) отчет ЦК; 2) отчеты делегатов местных комитетов; 3) выборы.

Съездом руководил Ленин. Он направлял всю работу съезда и сформулировал все его основные решения.

III съезд партии имел огромное значение в истории нашей партии и русского рабочего движения, в истории международного пролетарского движения.

III большевистский съезд и заседавшая одновременно с ним меньшевистская конференция в Женеве еще более рельефно показали всю глубину расхождений между большевиками и меньшевиками по коренным вопросам русской и международной революции.

2

С необычайной четкостью и ясностью III съезд поставил и разрешил вопрос о подготовке вооруженного восстания, которое всем предыдущим ходом развития революционной борьбы русского пролетариата выдвинулось в качестве очередной, актуальной задачи. Победоносное вооруженное восстание для нашей партии не

есть стихийный процесс: восстание — искусство. Партия должна подготовить, организовать и стать во главе вооруженного восстания—такова центральная задача, нашедшая свое четкое выражение в резолюции съезда о вооруженном восстании.

Партия должна немедленно заняться вооружением широких масс пролетариата, создавая боевые вооруженные отряды — ядро революционной армии. Партия должна усилить работу в армии и организовать на восстание широкие трудящиеся массы города и деревни, сплотить их вокруг пролетариата. Партия должна выработать план вооруженного восстания, назначить время восстания, создать руководящий и направляющий центр восстания.

Почти все делегаты на съезде подчеркивали то обстоятельство, что восстание уже назрело, что революционная борьба пролетариата уже привела к необходимости вооруженного восстания, что основная масса пролетариата, особенно его передовые слои, — за восстание. Наряду с большой проделанной работой по агитационно-пропагандистской подготовке восстания делегаты отмечали слабость работы партийных организаций по организационно-технической подготовке вооруженного восстания. В своем выступлении на съезде Ленин решительно заявлял, что «вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания»². Ленин подчеркивает, что мы должны обратить главное внимание на практическую сторону подготовки вооруженного восстания.

Даже в Петербурге, в центре революции, вооружение масс проходило недостаточно удовлетворительно, и в своем письме «В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» Ленин прямо заявил: «Я с ужасом, ей-богу, с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!.. Вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без жи-

¹ Ленин. Т. VII, стр. 253.

² Ленин. Т. VII, стр. 256.

вого дела»¹. И Ленин предлагает немедленно начать организацию революционных отрядов, боевых дружин, вооружение пролетариата и т. д.

С'езд единодушно отверг меньшевистские установки примиренца Постоловского (Вадим), исключаящие руководящую роль партии в организации восстания. В то время когда партия подчеркивала сугубую важность военно-технической подготовки восстания, Постоловский говорил: «Я не придаю никакого значения чисто техническим соображениям. В момент революции обстоятельства будут так складываться, что все эти соображения будут выброшены за борт. Меня интересует принципиальная сторона»². Такая постановка вопроса есть, по существу, отказ от необходимости организации восстания, скатывание к теории стихийности и самотека в деле подготовки и проведения восстания.

Составной частью вопроса о подготовке вооруженного восстания является вопрос о революционной пропаганде в царской армии. С'езд партии указал, что несмотря на все трудности, необходимо всемерно усилить эту работу, создавая в воинских частях социал-демократические организации.

По вопросу о вооруженном восстании была принята написанная Лениным резолюция.

На основе этой резолюции и развернулась боевая деятельность партийных организаций, их работа в армии. Были созданы боевые группы, работа которых вписала исключительно героические страницы в историю нашей партии и вооружила партию тем необходимым опыгом, без которого невозможно было бы победоносное Октябрьское восстание 1917 г.

Огромную работу партии большевиков по вооружению пролетариата, организации боевых дружин, военно-технической подготовке вооруженного восстания меньшевизм истолковал как заговорщичество, бланкизм, как переход на позиции мелкобуржуазного революционизма. «Мы предостерегаем,— писал Плеханов,— теперь проле-

тариат от пресловутых «активных выступлений» (от вооруженного восстания.— А. С.). Не надо зажигать костер заговорщического восстания: надо продолжать поджаривать матушку-бюрократию на медленном огне массовой революционной агитации»³.

Эта линия и нашла себе отражение в резолюции меньшевистской конференции. Подготовка и проведение вооруженного восстания были в этой резолюции сведены только к пропаганде и агитации, что означало боязнь восстания, нежелание его организовать, фактический отказ от вооруженного восстания как единственного пути свержения старого порядка.

Позиция Л. Троцкого в вопросе о вооруженном восстании ничем, разумеется, не отличалась от позиции меньшевизма. Троцкий прямо заявлял, что они, меньшевики, отнюдь не считают нужным готовить восстание: «Думали ли мы, что для этого (для восстания.— А. С.) нужно прежде всего заготовить оружие, составить план, назначить для участников восстания места, разбить город на определенные части. Нет, мы не так понимали свою роль». «Готовиться к неизбежному восстанию... для нас это прежде всего означало просветлять сознание народа». Такова была меньшевистская позиция Троцкого в вопросе о вооруженном восстании.

3

Другим важнейшим вопросом, стоявшим в порядке дня III с'езда, был вопрос о временном революционном правительстве.

«Восстание, — писал Ленин, — без содействия временного революционного правительства не может стать ни общенародным, ни победоносным»⁴. Таким образом ленинская постановка вопроса о временном революционном правительстве неразрывно связана с проблемой вооруженного восстания, «По своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному на-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 325.

² Протоколы III очередного с'езда РСДРП, стр. 158. Госиздат. 1924.

³ Плеханов. Т. XV, стр. 110.

⁴ Ленин. Т. VIII, стр. 197.

значению, оно должно быть орудием созыва всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа»¹. Наша партия, естественно, считала, что осуществление временным революционным правительством ближайших экономических и политических требований пролетариата (программы-минимум) будет непосредственно способствовать перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В своем докладе на III съезде партии Ленин недаром подчеркивал, что временное революционное правительство может опираться только на революционный народ, т. е. на пролетариат и крестьянство. «Оно может быть только диктатурой, т. е. организацией не «порядка», а организацией войны».²

Проблема временного революционного правительства тесно связана с основным лозунгом большевизма в революции 1905—1907 гг. — с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

Меньшевики, пытавшиеся найти различие между временным революционным правительством и революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, совершенно не поняли, что «отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства... Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно, во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь, — чтобы видеть, что временное

революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства»³.

Партия большевиков считала допустимым участие своих представителей во временном революционном правительстве в целях решительной борьбы с неизбежными контрреволюционными попытками эксплуататорских классов, в целях организации новой войны за социалистический переворот. Участие представителей нашей партии во временном революционном правительстве тесно связано со всей борьбой большевизма за руководящую роль партии в революции. Отказ от участия во временном революционном правительстве — органе вооруженного восстания, — по существу, означал бы отказ от этой руководящей роли партии.

Большевистская партия проводила единственно правильную политику сочетания революционного действия и снизу и сверху. Выступая против этой политики, меньшевики считали необходимым ограничиться ролью левой оппозиции, что на простом языке означает плестись в хвосте либеральной буржуазии. Прикрываясь «левыми» фразами о необходимости обеспечить за партией возможность двигать революцию вперед, меньшевики считали недопустимым участие представителей социал-демократии в революционном правительстве.

Но можно ли двигать революцию вперед, отказываясь от руководящей роли партии в революции, игнорируя необходимость революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, отказываясь от наиболее организованного действия «сверху», т. е. участия во временном революционном правительстве? Мог ли меньшевизм двигать революцию вперед, проповедуя хвостистскую тактику «быть в революционной оппозиции»? Безусловно, нет. Наоборот, меньшевики «двигали» революцию назад, сползая на позиции либеральной буржуазии.

Меньшевики строили всю свою тактику в революции в прямой зависимости от либеральной буржуазии. В сво-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 40.

² Ленин. Т. VII, стр. 264.

³ Там же, стр. 201.

ем отрицательном отношении к участию партии пролетариата во временном революционном правительстве они прежде всего исходили из опасения, как бы «не отшатнулась буржуазия от революции». Резолюция женеvской конференции меньшевиков говорила, что «решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного революционного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание»¹. Итак «решительная победа революции над царизмом» возможна двумя путями (меньшевизм отрицал коренное различие, которое существует между тем и другим путем ликвидации царизма): «либо» победоносным вооруженным восстанием, органом которого становится временное революционное правительство, «либо» решением представительного учреждения, которое соzывается царизмом, организовать учредительное собрание. Для меньшевиков это тоже было решительной победой революции!!! Здесь со всей ясностью выпирает у меньшевиков стремление пойти по второму пути, который означал отнюдь не «решительную победу над царизмом», а соглашение с ним.

В основу большевистской тактики в революции было положено решение с'езда по крестьянскому вопросу.

В основе лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства лежала большевистская оценка движущих сил буржуазно-демократической революции эпохи империализма. Победа этой революции возможна лишь в том случае, если пролетариат возглавит и поведет широкие крестьянские резервы на штурм самодержавия. Крестьянское революционное движение не может быть победоносным, если это движение не возглавляется пролетариатом как единственно последовательным, революционным до конца клас-

сом, точно так же, как рабочий класс не сможет разгромить самодержавия без помощи революционного крестьянства. Решительная победа буржуазно-демократической революции поэтому возможна только на основе союза рабочего класса и крестьянства и руководства рабочего класса в этом союзе, только на основе революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Выступая на III с'езде партии по вопросу о поддержке крестьянского движения, Ленин говорил, что «в настоящее время крестьянское движение несомненно является революционным», что партия должна всячески поддерживать крестьянские движения вплоть до конфискации помещичьей земли. «Главная задача, — говорил Ленин, — внести политическую сознательность в крестьянское движение. Крестьяне смутно сознают, что им надо, но связать свои пожелания и требования с общим политическим строем они не умеют»².

Ленин указывал, что центральным пунктом политической агитации партии среди крестьянства должно быть требование немедленного образования революционных крестьянских комитетов, которые должны немедленно взять всю землю у помещиков, ликвидировать все пережитки крепостного права. Одновременно с организацией крестьянских революционных комитетов партия должна организовать сельский пролетариат «отдельно и самостоятельно». «Социал-демократия, — писал Ленин в статье «Пролетариат и крестьянство», — неоднократно указывала уже, что крестьянское движение ставит перед нею двойную задачу. Мы должны безусловно поддерживать и толкать его вперед, поскольку оно является революционно-демократическим движением. Мы должны вместе с тем неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организуя сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию, разъясняя ему враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазного крестьянства, при-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 44.

² Ленин. Т. VII, стр. 278—279.

зывая его к борьбе за социалистическую революцию, указывая ему, что избавление от гнета и нищеты лежит не в превращении нескольких слоев крестьянства в мелких буржуа, а в замене всего буржуазного строя социалистическим»¹.

Итак, конфискация помещичьей земли, создание революционных крестьянских комитетов и самостоятельная, независимая организация сельского пролетариата — таковы боевые лозунги III съезда по крестьянскому вопросу.

Коренным образом расходились меньшевики с большевиками и в этом вопросе. Меньшевизм отрицал революционное значение крестьянства в борьбе против помещичьего строя. Меньшевизм рассматривал борьбу крестьянства против остатков крепостничества как борьбу мелкого собственника против крупного собственника. Меньшевизм игнорировал гегемонию пролетариата в крестьянском движении. «Крестьянский вопрос, — говорил Ленин в брошюре «Две тактики», — поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией... В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации — немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом — требование «образования комитетов» должно быть предъявлено учредительному собранию. Почему мы должны непременно ждать этого учредительного собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционно-крестьянских моментов? — все эти вопросы упущены из вида конференцией»².

Отрицая союз пролетариата с крестьянством, меньшевики отдавали крестьянские массы под руководство

либеральной буржуазии и тем самым обрекали революцию на поражение.

III съезд также обсудил вопрос об отношении к либералам и «социалистам-революционерам». Предложенные Орловским (покойный Воровский) резолюции об отношении к либералам и социалистам-революционерам вызвали оживленные дебаты. Отдельные делегаты съезда предлагали вынести по этим двум вопросам одну общую резолюцию, мотивируя свое предложение тем, что между либералами и социалистами-революционерами разница не качественная, а количественная и что к тому же при этом разница эта уменьшается по мере того, как либералы становятся радикалами, а социалисты-революционеры делаются бесцветнее. Такие установки были, несомненно, ошибочны, так как они привели бы к преувеличению роли либералов в освободительной борьбе и к меньшевистскому отождествлению монархической буржуазии (кадетов и др.) с буржуазией радикальной (социалистов-революционеров). Вот почему Ленин решительно выступил против этих установок.

Исходя из ленинского положения «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», съезд вынес решение о необходимости разоблачать перед рабочим классом предательство и измену либералов, разъяснить антиреволюционный и антипролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех оттенках и вести беспощадную борьбу «против всякой попытки буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его»³. В связи с этим съезд отменил резолюцию Старовера (Потресова), принятую II съездом, которая отводила буржуазии роль гегемона в буржуазно-демократической революции.

Об отношении к социалистам-революционерам съезд, исходя из огромного значения революционной борьбы крестьянства под руководством про-

¹ Ленин. Т. VII, стр. 158.

² Ленин. Т. VIII, стр. 88.

³ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 51. Партиздат. 1932.

летариата за осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, вынес решение, в котором, подтверждая резолюцию II съезда о социалистах-революционерах, поручал «ЦК и местным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, причем местные соглашения могут заключаться лишь под контролем Центрального комитета»¹.

В связи с революционными событиями на Кавказе, где рабочие и крестьяне под руководством большевиков во главе с товарищем Сталиным поднялись с оружием в руках против самодержавия, съезд послал горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручил ЦК и местным парторганизациям наиболее широко распространить сведения о революционной борьбе на Кавказе и поддержать восставших всеми имеющимися в их распоряжении средствами. По поводу революционных событий в Варшаве и Лодзи съезд в специальной резолюции выразил свое негодование правительству убийц и приветствовал мужество и решимость братского пролетариата Польши, поднявшегося на беспощадную борьбу с царизмом.

4

III съезд уделил серьезное внимание вопросам о новых формах работы, вопросам организационным.

В резолюции «...об открытом политическом выступлении РСДРП» поставлен вопрос о переходе партии к более широкой открытой политической деятельности, о расширении размаха партийной работы в широчайших пролетарских массах, об использовании всех легальных и полуполигальных организаций в интересах революции при обязательном сохранении и укреплении конспиративного аппарата партии. Условия работы партии коренным образом изменились. Революция подняла к активной политической жизни огромные слои пролетариата и трудящегося крестьянст-

ва. В стране начали возникать всякого рода легальные и полуполигальные организации рабочих. В такой изменившейся обстановке отказ от открытого выступления партии увеличил бы опасность превращения пролетариата в придаток буржуазной демократии. Сохраняя подпольный аппарат партии, вместе с тем необходимо было немедленно переходить к открытой большевистской деятельности в массах—такова сущность принятой резолюции по этому вопросу.

Съезд партии и Ленин в своей речи об открытом выступлении партии категорически отвергали «левые» — оппортунистические — попытки Романова и др., идущие по линии отказа от участия в различного рода легальных обществах, правительственных комиссиях и от их революционного использования в интересах пролетариата. В своих «левых» поправках к резолюции Романов старался доказать, что участие в легальных обществах несовместимо с принципами социал-демократии как партии «неуклонно-революционной». Ясно, что такая постановка вопроса была совершенно неправильна и политически вредна. Ленин на съезде говорил, что в зависимости от конкретной исторической обстановки крайне необходимо использовать всякие легальные общества и даже самые реакционные учреждения, однако при том условии, если это действительно способствует социалистическому воспитанию пролетариата. Ленин развернул большевистскую постановку вопроса о большевистском сочетании легальных и нелегальных форм работы партии.

Съезд довольно существенно переработал организационный устав партии. «Пересмотр этот, — писал Ленин, — коснулся трех главных пунктов: а) изменения § 1 устава; б) точного определения прав ЦК и автономии комитетов с расширением этой последней; в) создания единого центра»². Съезд отменил мартовскую формулировку § 1 устава, которую меньшевики протащили на II съезде партии в 1903 г., и принял § 1 в ленинской формулировке. «Мы про-

¹ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 50.

² Ленин. Т. VII, стр. 302.

сим съезд, — писали брянские рабочие, — провести § 1 устава Ленина, мартовскую формулировку закупорить в гроб»¹.

Съезд громадным большинством отвергнул «двоецентрие» и создал единый руководящий центр — Центральный комитет, который назначает редакцию ЦО. Съезд поручил ЦК, согласно уставу партии, создать новый ЦО, дав ему имя «Пролетарий», и перенести издание его в Россию.

В особой резолюции съезд выразил глубокую благодарность газете «Вперед», которая под руководством Ленина отстаивала принципы революционного марксизма, разрабатывала выдвинутые революционным движением вопросы тактики партии и вела энергичную борьбу за созыв III съезда партии.

Съезд уточнил автономию местных комитетов в вопросах, касающихся местных дел: исключение членов из местных комитетов и введение новых ЦК мог производить с согласия местных комитетов; местным комитетам было дано право на издание партийной литературы и т. д. Съезд принял специальную резолюцию об обязанности ЦК и местных партийных комитетов — осведомлять периферию в партийных делах и считаться с ее совещательным голосом в решении партийных вопросов. Съезд вынес решение, обязывающее ЦК и местные партийные комитеты почаще созывать периодические конференции различных организаций нашей партии для проработки вопросов теории и практики партийной работы. Все указанные мероприятия шли по линии расширения внутрипартийной демократии, поскольку это позволяла новая обстановка.

Довольно острые дебаты развернулись на съезде по вопросу об отношении рабочих и интеллигентов в наших партийных организациях. В резолюции, предложенной Лениным и Богдановым по данному вопросу, отмечалось, что меньшевики, продолжая линию экономистов, сеяли вражду и не-

доверие между членами партии — рабочими и интеллигентами, изображая большевистские организации как интеллигентские, узкосектантские и заговорщические.

Такая демагогическая, разлагающая работа меньшевиков имела одну цель: задержать все растущее влияние пролетарской партии большевиков, дискредитировать ее в глазах широких рабочих масс, задержать процесс перехода меньшевистской части рабочих на сторону большевиков и тем самым укрепить свои позиции в рабочем классе. Разоблачая всю эту меньшевистскую демагогию, резолюция III съезда отмечала, что главным препятствием в проведении определенного минимума выборности в наших организациях является дезорганизаторская, антипартийная работа меньшевиков. В резолюции подчеркивалась необходимость к ближайшему съезду подготовить условия для действительного проведения в возможных размерах выборности в партийных организациях, укрепить связь партии с рабочими массами, поднимая их организованность и социалистическую сознательность, необходимость выдвижения из рабочих возможно большего числа рабочих, способных руководить рабочим движением и партийными организациями в качестве членов общепартийных и местных центров.

С оработанием партийных комитетов дело обстояло не совсем благополучно. Передовые пролетарии хотя и выдвигались на руководящую работу, но далеко недостаточно. В ряде организаций имели место элементы инертности, замкнутости. Опасаясь выдвигать в комитеты недостаточно марксистски подготовленных рабочих, многие комитеты предъявляли рабочим непосильные требования. Вот почему вопрос об отношении рабочих и интеллигентов в партийных организациях и был актуальным вопросом, требующим ясной директивы съезда. Однако несмотря на эти очевидные факты ряд делегатов решительно выступил против самой постановки этого вопроса. Градов (Каменев) заявил: «Я должен решительно высказаться против принятия этой резолюции. Этого вопроса как вопроса об отношении между интеллигенцией и рабочи-

¹ «Пролетарская революция» № 17, стр. 18.

ми в партийных организациях не существует (Ленин «С у щ е с т в у е т!»). Нет, не существует: он существует как вопрос демагогии, и только»¹. Как видим, Каменев имел наглость бросить Ленину обвинение в демагогии, полагая, что тем самым ему удастся прикрыть свое нежелание вырращивать рабочий партийный актив.

Выдвижение рабочих на руководящую партийную работу Ленин считал одной из важнейших задач партии. «Я давно уже в своих печатных произведениях советовал, чтобы в комитеты вводили рабочих в возможно большем числе»². В своем выступлении на съезде Ленин подчеркнул: «Вводить рабочих в Комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих»³.

Особая резолюция об отношении рабочих и интеллигентов, членов партии, в организациях была отвергнута большинством комитетчиков. Однако вопросы, выдвинутые в ней, были в основном отражены в принятой съездом резолюции о пропаганде и агитации. В ней указывалось о привлечении к роли руководителей движения «в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного,— возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию»⁴.

Съезд принял резолюцию о меньшевиках, где подчеркивалось, что меньшевизм в основных вопросах тактики и организации партии продолжает линию экономизма. Меньшевики игнорировали руководящую роль партии в пролетарской борьбе, отстаивая мелкобуржуазную теорию стихийности, отрицали большевистские организаци-

онные принципы построения партий, высказывались против независимой партийной тактики по отношению к буржуазным партиям, выступали против организующей роли партии в вооруженном восстании, против участия партии во временном революционном правительстве и т. д. Съезд предложил всем членам партии вести энергичную идейную борьбу против этих оппортунистических взглядов меньшевиков, означавших отход от принципов революционной социал-демократии. Резолюция указывает, что меньшевики могут быть приняты в партийные организации только при условии признания решений III съезда партии, устава партии и партийной дисциплины. Съезд принял постановление, в котором предложил ЦК распускать организации, которые откажутся признать решения съезда.

Кроме того съезд принял не подлежащую опубликованию, написанную Лениным резолюцию, которая поручала «ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду»⁵. Не прекращая дальнейшей беспощадной борьбы с меньшевизмом, как буржуазной агентурой в рабочем движении, ведя решительную линию на разрыв и раскол с оппортунистами всех мастей в РСДРП и во II интернационале, большевики во главе с Лениным считали возможным временное и формальное объединение с меньшевиками, как тактику, рассчитанную на отвоевание меньшевистских рабочих, разгром и изгнание оппортунистов из РСДРП и рабочего движения.

Ленин вел решительную борьбу с примиренцами (Богданов и др.), которые явно стали на путь «спутывания двух частей» партии. Примиренцы игнорировали главное предварительное условие при объединении с меньшевиками, а именно: сохранение и укрепление идейной и ор-

¹ Протоколы III очередного съезда РСДРП, стр. 289.

² Там же, стр. 297.

³ Там же.

⁴ «ВКП(б) в резолюциях», ч. 1-я, стр. 51.

⁵ «ВКП(б) в резолюциях», ч. 1-я, стр. 57.

ганизационной самостоятельности большевистской партии. Линия примиренцев вела к растворению нашей большевистской партии в оппортунистическом болоте меньшевизма и ее ликвидации как самостоятельной пролетарской партии. «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей с спутыванием обеих частей. Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда... Надо бороться самым решительным образом с спутыванием двух частей...»¹.

Потребовался ряд лет самой ожесточенной борьбы с меньшевиками, для того чтобы отвоевать меньшевистских рабочих, разоблачить и изгнать ликвидаторов из РСДРП. Это произошло, как известно, на Пражской конференции в 1912 году.

Необходимо отметить, что съезд принял специальную резолюцию о необходимости объединения всех национальных социал-демократических организаций в единую РСДРП.

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 247.

В состав ЦК были избраны Ленин, Рыков, Л. Красин, А. Богданов и Д. Постолюнский. Ответственным редактором ЦО «Пролетарий» пленум ЦК утвердил Ленина.

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин, давая развернутую оценку итогам III съезда партии, развернул и обосновал тактический план большевистской партии в революции. Всемирноисторическое значение ленинского тактического плана «состояло в том, — писал тов. Сталин, — что он, прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе в зародыше идею диктатуры пролетариата... Победа этого плана положила фундамент той революционной тактики, благодаря которой потрясает ныне наша партия основы мирового империализма»².

² Сталин «О Ленине», стр. 13.

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ И III СЪЕЗД РСДРП

В своих записях о II съезде партии Ленин писал, что РСДРП раскололась на две партии: на партию революционно-пролетарскую, т. е. большевистскую, и партию интеллигентски-оппортунистическую — партию меньшевиков.

Уже вскоре после II съезда большевики в отчете Амстердамскому конгрессу указывали на международное значение раскола и на то, что борьба в РСДРП является отражением тех процессов, которые происходят в международном рабочем движении.

«Мы, — говорится в отчете, — не отрицаем, что в нашей партии есть известный антагонизм. Это тот же антагонизм, который вообще разделяет современную социал-демократию на революционную (ортодоксальную) и оппортунистическую (ревизионистскую, министриалистскую, реформистскую). Это деление очень ясно обнаружилось в России за последние десять лет».

Еще в 1889 г., в период борьбы с экономизмом, Ленин писал, что «русские споры являются отзвуком немецких»¹.

Известно, что задолго до II съезда РСДРП Ленин развивал план создания партии нового типа применительно к условиям новой эпохи, когда пролетарская революция стала практической необходимостью.

В России, куда в конце XIX — начале XX в. переместился центр тяжести революционного движения,

перед социал-демократами стояла поставленная Лениным задача — опираясь на опыт истории социализма в Европе и России, «выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии», выработать именно самостоятельно, ибо готовых образцов искать было негде². В цитированном докладе Амстердамскому конгрессу большевики писали, что при создании партии «мы не могли использовать опыт западно-европейских товарищей... мы тем внимательнее должны были изучить и использовать наш собственный опыт, всю проделанную нами до того работу, всю нашу предварительную организационную историю».

В борьбе против партии нового типа меньшевики отстаивали в России такой тип социал-демократических организаций, который был характерен для II интернационала. Неудивительно, что тотчас же после раскола на II съезде меньшевики апеллировали к помощи II интернационала и нашли в нем весьма деятельную и активную поддержку.

Известно, что даже Р. Люксембург выступила открыто со статьей в защиту меньшевистских организационных принципов. Почти одновременно с выходом ленинской брошюры «Шаг вперед два шага назад» Каутский опубликовывает в № 66 меньшевистской «Искры» свое письмо, в котором целиком солидаризируется с позицией русских меньшевиков прежде всего в вопросе о типе социал-демократической организации.

Затушевывая огромное принципиальное различие взглядов большевиков и меньшевиков на то, какой должна быть партия рабочего класса, Каутский в своем письме доказывал, что весь спор между большевиками и меньшевиками вращается вокруг простого вопроса о целесообразности той или иной формы организации в конкретных условиях существования российской социал-демократии, что в этом «споре по незначительному вопросу» Ленин несет полную ответственность за раскол.

«Не нужно, — писал Каутский, — преувеличивать значение организаци-

¹ Ленин. Т. III, стр. 500.

² Ленин. Т. II, стр. 497.

онных вопросов в том виде, как они теперь поставлены перед российской социал-демократией. Я не вижу здесь принципиального противоречия между пролетарским и интеллигентским разветвлениями, ни между демократией и диктатурой, а простой вопрос целесообразности, вопрос о том, какая форма организации при настоящих русских условиях наилучше обеспечивает необходимую мобилизацию, подвижность и приспособленность к конкретным условиям борьбы, сочетаемым с единством и планомерностью действий». Каутский считал необходимым предоставить организациям максимум автономии именно в условиях нелегального существования партии; он считал излишним требовать от каждого члена партии вхождения в ту или иную организацию и прямо заявлял о своей полной солидарности с позицией Мартова на II съезде.

«Если бы на вашем съезде, — писал Каутский, — мне пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, то на основании всего опыта нашей деятельности в Германии я решительно высказался бы за Мартова»¹.

Это выступление Каутского Ленин подверг чрезвычайно резкой критике, указывая, что Каутскому никак не удастся обойти никакими толкованиями и никакими насмешками тот совершенно бесспорный факт, что «деление на большинство и на меньшинство является только вариантом старого разделения на пролетарско-революционное и интеллигентски-опportunистическое крыло нашей партии».

Вслед за выступлением Каутского появляются статьи в «Форвертсе» и в органе французских социалистов «Ля ревью социалист» с призывом ликвидировать раскол и добиться единства партии.

В январе 1905 г. в газете «Ля ревью социалист» была помещена небольшая заметка, в которой цитировалась выдержка из статьи «Форвертса» о необходимости ликвидации раскола в РСДРП. Редакция «Ля ревью социалист» от своего имени солидаризируется с позицией «Форвертса» и добавляет: «Если наши русские

социал-демократы хотят завтра быть господами политической ситуации, необходимо предварительно начать с соглашения внутри себя».

1 февраля 1905 г. швейцарский социал-демократ Грейлих обратился к редакции большевистской газеты «Вперед» с письмом, в котором он выражал сожаление по поводу раскола и сообщал о своем предложении германской социал-демократии взять на себя посредничество в ликвидации раскола и создании единства в РСДРП.

Печатая это письмо, Ленин одновременно опубликовал в ответ «Краткий очерк раскола в РСДРП», в котором шаг за шагом изложил историю раскола в РСДРП и указал на глубокие принципиальные разногласия между двумя партиями².

Вслед за письмом Грейлиха руководство II интернационала и в частности руководство германской социал-демократии начали бешеную кампанию в защиту единства большевиков с меньшевиками, что означало на деле ликвидацию большевистской партии и подчинение ее меньшевикам.

В разгар борьбы большевиков за III съезд партии Бебель от имени Международного социалистического бюро и руководства германской социал-демократии обратился к Ленину с письмом от 3 февраля 1905 г. с предложением об организации третейского суда, чтобы «положить конец развалу и взаимной борьбе между партийными товарищами, стоящими на одинаковой принципиальной почве».

Это предложение Бебеля об организации третейского суда было целиком поддержано меньшевиками, о чем они заявили 5 февраля 1905 г. в «Постановлении Совета партии по поводу письма Августа Бебеля».

В этом постановлении Совет партии, ссылаясь на решения Амстердамского конгресса II интернационала в 1904 г. о единстве и соглашении борющихся между собой течений, как например во Франции гедистов и жоресистов, поддерживает организацию третейского суда и со своей стороны предлагает в судьи Каутского и Клару Цеткин³.

¹ «Искра» № 66, 1905 г.

² Ленин. Т. VII, стр. 95.

³ «Искра» № 86.

После опубликования этого решения Совета партии Мартов опубликовывает в № 94 «Искры» статью «Партийный съезд или съезд кружков», в которой он заявляет о поддержке предложения Бебеля и ставит большевикам в пример жоресистов и гедистов, заключивших между собой соглашение о созыве объединительного съезда, который состоится в апреле 1905 г. «Так поступают европейцы», — пишет в этой статье Мартов.

Иначе отнеслись к предложению Бебеля большевики.

Прекрасно понимая смысл предложения Бебеля об организации третейского суда, особенно в свете той бешеной кампании, которую начал II интернационал, и в частности его авторитетный вождь Каутский, в защиту меньшевиков, Ленин в письме к Бебелю от 7 февраля 1905 г. категорически отвергает предложение об организации третейского суда. В этом же письме Ленин обвиняет Каутского в пристрастном отношении к спорам в российской социал-демократии и сообщает о том возмущении среди большевиков, которое было вызвано отказом Каутского напечатать в журнале «*Нейе цейт*» статью Ленина против Розы Люксембург, выступившей на страницах «*Нейе цейт*» и «*Искры*» в защиту меньшевиков. Ленин сообщает в письме, что ничего не будет удивительного, если предложение об организации третейского суда встретит дружный отпор со стороны большевиков¹.

Эту линию Ленина целиком поддержало Бюро комитетов большинства. В газете «Вперед», в № 11 от 23 марта 1905 г., было опубликовано письмо, в котором Бюро комитетов большинства указывало на глубокие принципиальные разногласия, разделяющие большевиков и меньшевиков, и на совершенную тщетность попыток II интернационала ликвидировать эти разногласия путем третейского суда.

Бюро комитетов большинства заявляло, что только предстоящий, III съезд партии, за созыв которого высказалось подавляющее большинство социал-демократических организаций

в России, правомочен решать вопрос о положении дел в РСДРП.

«Немецкие товарищи, — говорилось в письме Бюро комитетов большинства, — повидимому, недостаточно осведомлены о сущности той внутрипартийной борьбы, которая, к сожалению, возникла среди русской социал-демократии. В противном случае они, конечно, не предложили бы посредничества в форме суда там, где перед нами столкновение политических идей. Дело идет об объединении российской социал-демократии под знаменем одной из двух партийно-политических тенденций, охватывающих область политической тактики и организации. Ту из них, которую мы защищаем, мы сжато формулируем так: сплотить существующие, раздробленные социал-демократические организации в действительную социал-демократическую партию, по своей тактике единую и не зависимую от других партий и течений, чтобы обеспечить классовую чистоту революционно-пролетарского движения, по своей организации централизованную и определенно оформленную, чтобы не распыливаться в окружающей революционной среде. Политическую идею меньшинства мы предоставляем формулировать его представителям. Правда, представители эти, признав предложение относительно суда между ними и нами, тем самым, повидимому, признали, что партийные разногласия имеют для них только личный или, в крайнем случае, групповой характер. Может быть, их собственная позиция и представляется им в таком виде, но в таком случае, как ни отрицательно относимся мы к их стремлениям, мы должны заявить, что, на наш взгляд, они оценивают себя слишком низко. И если не вполне сознательно, то все же они являются носителями политической тенденции, которая может быть принята или отвергнута партией, но не оправдана или обвинена судом. Только партия в лице своего съезда в силах и вправе решить вопрос»².

Линию Ленина, которую поддержало Бюро комитетов большинства, целиком разделяли революционные практики-большевики.

¹ Ленин. Т. VII, стр. 99, 451.

² «Вперед» № 11 от 23/III 1905 г.

Не останавливаясь на ряде статей практиков-большевиков и целых организаций в защиту этой линии, мы приведем только некоторые из них.

В № 63 меньшевистской «Искры» было опубликовано письмо уральского, уфимского и пермского комитетов партии в редакцию «Искры». В своем письме уральские большевики указывали, что задачей не только русского, но и всемирного пролетариата должно быть создание сильной, властной, централизованной организации, без которой пролетариат не сможет управлять, «не сможет использовать в своих руках власть». Авторы письма со всей четкостью излагают ленинские взгляды о связи принципов организации с задачами борьбы пролетариата за власть, за диктатуру и указывают, что в интересах этой главной задачи партии последняя должна быть идейно едина, вести решительную борьбу с оппортунизмом, а не терпеть его в своих рядах, как это имеет место в германской социал-демократии. «Партия должна быть чиста от всех закоренелых ревизионистов и оппортунистов, чего, к сожалению, нет в Германии». Далее авторы письма указывают, что не даром оппортунисты всех мастей ссылаются на тип германской социал-демократической организации, в которой мирно уживаются революционные и оппортунистические элементы, и что это сотрудничество делает недееспособной партию¹.

В новой «Искре» мы находим и другое, чрезвычайно интересное письмо, автор которого разоблачает оппортунистические попытки перенести организационные принципы II интернационала на российскую почву и предлагает «учесть печальный опыт германской социал-демократии и самостоятельно выработать принципы своей организации».

«События последних лет в германской партии, — говорится в письме, — уже достаточно показали, сколь опасно смешение элементов негодных, не поддающихся организации, с элементами организованными».

«История немецкой партии учит нас, — пишет автор статьи, — как мы должны строить нашу организацию.

¹ «Искра» № 63.

Формулировка Мартова должна быть отвергнута на III съезде. Повторять ошибки немецких товарищей — значит отказаться самостоятельно использовать их опыт и шаблонно подражать их каждому шагу»².

В то время как заседал III съезд, Каутский поместил в «Искре» статью «Разногласия между русскими социалистами», в которой он еще раз попытался затушевать всю глубину разногласий между большевиками и меньшевиками и призывал к ликвидации раскола.

Вслед за помещением этой статьи Ленин пишет письмо Лейтайзену (Линдову), в котором он сообщает, что «Каутский принаврали опять о «Вперед» и «Искре», и предлагает Лейтайзену выступить от имени редакции «Вперед» на съезде французской социалистической партии и разоблачить Каутского»³.

Собравшийся III съезд партии целиком поддержал линию Ленина и Бюро комитетов большинства в вопросе о вмешательстве II интернационала в дела российской социал-демократии в целях ликвидации раскола, ликвидации большевистской партии.

Ряд делегатов съезда выступил в защиту линии Ленина и Бюро комитетов большинства, предлагая III съезду отвергнуть предложение Бебеля об организации третейского суда. Делегат съезда Барсов (Миха Цхакая) в своей речи заявил: «Отклонение этого предложения (Бебеля) Бюро комитетов большинства было вполне правильно и вполне партийно, как бы ни ворчали наши товарищи из редакции «Искры». Наши внутренние раны должны быть залечены нами самими. Видимо, не особенно важно смотрят на нас наши немецкие товарищи, если авторитетом третейского суда, на котором председательствовал бы такой славный вождь РСД, как Бебель, хотят поучать нас и поучать как недорослей. Построить нашу партию, устанавливать в ней порядок и развивать ее сможем только мы сами, и в этом пока очень мало чем могут помочь нам наши германские товарищи»⁴.

² «Искра» № 68.

³ Ленинский сборник XVI, стр. 95.

⁴ Протоколы III очередного съезда РСДРП, стр. 73.

Другой делегат съезда, выступая по поводу предложения Бебеля, заявил также о своей полной солидаризации с линией Ленина и Бюро комитетов большинства в связи с предложением Бебеля. «На предложение Бебеля, — говорил он, — ответило только Бюро комитетов большинства. Немецким товарищам может показаться, что дело решила «небольшая, но шустрая компания». Я предлагаю, чтобы партия в лице своего съезда высказалась по этому вопросу. Немецкие товарищи очень сочувствуют нашей борьбе и нашим страданиям, но в то же время они очень презрительно относятся к нашей партии, и предложение Бебеля является иллюстрацией такого презрения»¹. На съезде представители луганской организации предложили включить в протокол следующие их заявления по поводу предложения II интернационала об организации третейского суда:

«Ни в коем случае не находим возможным принять для партии третейский суд, предложенный Бебелем, между «Вперед», с одной стороны, и «Искрой» — с другой, как выход из раздирающих партию раздоров. Возможен третейский суд по известному поводу — обвинения в клевете и т. п., но недопустим третейский суд между двумя борющимися направлениями»².

Специального решения III съезд по поводу предложения Бебеля не вынес и тем самым, по выражению Ленина, молчаливо присоединился к той точке зрения, которую изложил в своем ответе Бебелю Бюро комитетов большинства³.

Со всей категоричностью съезд отклонил попытку Каутского защитить формулировку Мартова «не принципиальными соображениями, а удобством с точки зрения русских конспиративных условий», — писал Ленин⁴.

III съезд занимает исключительное место в истории нашей партии. В его решениях были четко сформулированы большевистская стратегия и тактика в революции в отличие от оппортунистической хвостистской тактики,

подтвержденной меньшевистской конференцией в Женеве.

Решения III съезда имели исключительно огромное международное значение, ибо съезд указал на те необходимые формы и средства борьбы рабочего класса, которые являлись, по словам Ленина, вероятными формами борьбы европейского пролетариата в пролетарской революции. Вот почему Ленин в специальном письме указывал как на одну из важнейших задач социал-демократов, живущих за границей, на необходимость широкой пропаганды решений III съезда РСДРП среди западноевропейских рабочих и широкого осведомления их о сути и значении той борьбы, которую ведут большевики против меньшевиков.

«Осведомление международной социал-демократии о наших партийных делах, — писал Ленин, — составляет одну из самых серьезных обязанностей всех живущих за границей социал-демократов. Мы напоминаем товарищам об этом и призываем к самой энергичной агитации в защиту позиции третьего съезда РСДРП. Агитация должна вестись неустанно по всякому поводу, при всяком удобном случае, перед всеми решительно кружками зарубежных рабочих и отдельными членами зарубежных социал-демократических партий»⁵.

Эта задача была тем более настоятельной, что Каутский отказался опубликовать извещение ЦК РСДРП о III съезде и его (съезда) решения и скрыл тем самым от немецких рабочих исторические решения большевистской партии. Каутский, по выражению Ленина, «поместил преподлую статью» «Раскол в русской социал-демократии» («Искра» № 102), в которой он пытался принизить значение решений III съезда и скрыть от европейских рабочих борьбу двух тактик в революции, так ярко выраженных в резолюциях III большевистского съезда, с одной стороны, и в резолюциях меньшевистской конференции — с другой.

Мотивируя свой отказ предать широкой гласности решения III съезда большевистской партии, Каутский пи-

¹ Протоколы III очередного съезда РСДРП, стр. 63.

² Там же, стр. 350—351.

³ Ленин. Т. VIII, стр. 11.

⁴ Ленин. Т. VII, стр. 302.

⁵ Ленин. Т. XXX, стр. 158.

сал, что резолюции этого с'езда преувеличивают разногласия в российской социал-демократии и что иностранцы должны позаботиться не о том, чтобы распространять эти резолюции, а предать их забвению.

В ответ на выступление Каутского против опубликования резолюций III с'езда Ленин в начале июля 1905 г. написал «Открытое письмо в редакцию газеты «Лейпцигер фольксцейтунг», в котором он разоблачает Каутского как лицемера, прикрывающегося беспристрастностью, а на самом деле ведущего борьбу против большевистской партии, против большевистских принципов строительства партии, против большевистской стратегии и тактики в революции.

«Каутский,—пишет Ленин в своем письме,—идет так далеко, что предлагает своим товарищам не распространять этих (III с'езда.—Л. Р.) резолюций. Мы позволим себе возразить на это, что ничто не может дать немецким товарищам такой правильной картины отношений в российской социал-демократии, как подлинные резолюции III с'езда РСДРП, а также резолюции «конференции», устроенной новоискровцами.

Мы решительно заявляем, что Каутский совершает большую ошибку, когда пишет о вещах, о которых он в лучшем случае знает только по наслышке, и что данная им картина отношений, существующих в русской социал-демократии, очень неправова.

Мы энергично протестуем против попытки заглушить наш голос в немецкой социал-демократической печати путем такого грубого, механического, неслыханного приема, как бойкот брошюры, которая содержит только перевод резолюций III с'езда РСДРП и которая появилась в издании Мюнхенского партийного издательства. Каутский не имеет права говорить о своем беспристрастии, чтобы не быть обвиненным в лицемерии»¹.

Следуя директивам Ленина о необходимости осведомления международной социал-демократии о положении дел в российской социал-демократии

и о необходимости пропаганды решений III с'езда, большевик Лейтайзен добился опубликования извещения ЦК и резолюций III с'езда во французской социалистической печати. Статья большевика Алексева о III с'езде появилась в органе социал-демократической федерации Англии.

Фальсификация II интернационалом действительной сути разногласий между большевизмом и меньшевизмом перед европейскими рабочими заставила Ленина обратиться к «Международному социалистическому бюро» с письмом от 8/VII 1905 г., в котором он требовал включения в состав «Бюро» представителя большевистской партии и аннулирования мандата Плеханова, не разделяющего решений III с'езда. В своем письме Ленин ссылался, в частности, на резолюцию костромского комитета, которая также требовала аннулирования мандата Плеханова. Эта резолюция костромского комитета была помещена в № 28 «Пролетария» за 1905 г. Говоря о политике непрерывных шатаний Плеханова и, в частности, о его борьбе против большевистской делегации на Амстердамском конгрессе II интернационала, резолюция продолжает: «Роль русского представителя в Международном социалистическом бюро в настоящий момент крайне ответственна. Комбинация революционных действий и вообще политическая ситуация в России в значительной степени обусловят революционную активность западного пролетариата для совершения социалистической революции в этот напряженный момент. Не принижая революционной роли русского пролетариата, нельзя оставить у т. Плеханова права представлять нашу партию в Международном социалистическом бюро»².

Извещая Международное социалистическое бюро о том, что, согласно уставу, принятому на III с'езде, «Пролетарий» является единственным и центральным учреждением партии, Ленин требовал «обращаться впредь к представителю ЦК — т. Ульянову»³.

¹ Ленинский сборник XVI, стр. 111—112.

² «Пролетарий» № 28.

³ Ленин. Т. VII, стр. 310.

Руководство II интернационала не только игнорировало требование большевиков о самостоятельном представительстве в Международном социалистическом бюро, оно не только игнорировало заявление Ленина об ошибке Международного социалистического бюро, продолжающего поддерживать связь с Плехановым, но упорно продолжало свою линию на ликвидацию раскола и создание партии по типу II интернационала.

25 (12) июня 1905 г. Бебель вновь обратился с письмом к Международному социалистическому бюро, предлагая ему взять в свои руки ликвидацию раскола, развитие которого обострилось в связи с созывом большевиками своего съезда¹.

Узнав о письме Бебеля в Международное социалистическое бюро, Ленин сообщил в письме в ЦК от 12 июля, что «опять старикашка «мирить» собрался», и требовал решительного отклонения третейского суда на основании постановления III съезда.

Это же требование Ленин повторил в своем другом письме в ЦК.

«Не забывайте, — писал Ленин, — что все почти заграничные социал-демократы на стороне «икон» и нас считают ничем, третируют... Заграничные социал-демократы (Бебель и др.) усиленно агитируют за то, чтобы Международное Социалистическое Бюро оказало давление на нас. Такие письма пошли даже от англичан («Социал-Демократическая Федерация», у меня есть копия письма—в обычном примиренском духе, что-де преступление в такое время ссориться и т. д.) ...обязательное третейское решение отклонить на основании постановления III съезда»².

О том, что большевистская партия и ее III съезд решительно отвергли попытки II интернационала беспринципно примирить большевиков с меньшевиками, Ленин вновь напоминал в своем письме от 24 июля 1905 г.

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 472—473.

² Там же, стр. 21—22.

секретариат Международного социалистического бюро. В этом письме Ленин вновь и вновь подчеркивал всю тщетность попыток II интернационала ликвидировать большевистскую партию и прямо заявлял, что самая мощная партия II интернационала — германская социал-демократия — только прикрывается фразами о своем беспристрастии к спорам в РСДРП, а по сути дела целиком и полностью поддерживает русских меньшевиков, что выразилось в частности в нежелании Каутского опубликовать решения III съезда.

«После этого, — продолжает Ленин, — нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской социал-демократии»³.

26 июля 1905 г. в № 9 «Пролетария» была опубликована замечательная статья Ленина «Сердитое бессилие». Это название статьи является краткой, но весьма выразительной характеристикой всех попыток II интернационала примирить большевиков с меньшевиками. В этой статье Ленин писал:

«Наша внутривнутрипартийная борьба кончилась расколом; теперь есть лишь борьба одной партии с другою, находящейся в состоянии организации — процесса. Пусть немецкие социал-демократы, которые подобно К. Каутскому знают о нашем расколе большей частью от досужих наушников, отделяются горькими (и жалкими) словами. Им еще простительно их невежество — хотя непростительны, конечно, претензии судить о том, в чем они невежды»⁴.

Выпестовав большевистскую партию в результате раскола с меньшевиками, Ленин последовательно до конца проводил эту линию раскола с оппортунистами и на международной арене.

³ Ленин. Т. VIII, стр. 11—12.

⁴ Ленинский сборник XVI, стр. 124, 126, 127.

И. Разгон

ВОССТАНИЕ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ И РАЗГРОМ ДЕНИКИНА

1

Конец 1919 г. деникинские офицерские полки: «непобедимые» корниловцы, алексеевцы, марковцы, дроздовцы, конница Шкуро—все христолюбивое воинство «вооруженных» сил юга России под железным, несокрушимым натиском победоносной Красной армии отступают на юг. Тыла у Деникина нет. Вся территория, занятая белыми, пылает в огне восстаний. Подпольные комитеты большевиков, стоящие во главе красно-зеленого повстанческого движения в тылу у Деникина, руководят борьбой. У деникинских правителей отвоевываются целые районы, перерезаются железнодорожные пути, шоссейные дороги, уничтожаются материальные базы.

Отступая, белая армия пытается задержаться в казачьих областях, возлагая особые надежды на Кубань. Здесь была ее житница, отсюда она черпала свои людские резервы для борьбы с большевиками, находя помощь и поддержку со стороны кубанской «самостийной» контрреволюции.

Территория «вооруженных сил юга России» сужалась все больше. Вслед за очищением от белых Донецкого бассейна, 6 января конница Буденного захватила Таганрог, 8 января—Ро-

стов на Дону. Красная армия вышла к побережью Азовского моря. Фронт вплотную подходил к границам Кубани—последнему оплоту «единой и неделимой». Сюда—на Кубань—устремилась наиболее крупные силы остатков разбитых Красной армией «вооруженных сил юга России» в составе Донской, остатков Кубанской армии и добровольческого корпуса.

Надежды белого командования—найти на Кубани опору, оправиться и начать новое наступление—на этот раз не оправдались. Великодержавная политика Деникина заставила верхушку кубанского казачества в лице «Кубанской рады» вести борьбу против командования ВСЮР, за «самостийную» Кубань. Кубанская армия распалась. Рядовое казачество бросало свои полки, уходило домой, в станицы. Казачья и иногородняя крестьянская беднота уходила в «зеленые» отряды, скрывалась в горах, лесах, камышах, чтобы с оружием в руках бороться против помещичье-буржуазной контрреволюции.

Борьба против деникинщины и местной контрреволюции, которую вели кубанская, казачья и иногородняя беднота, черноморское крестьянство под руководством большевиков, сыграла громадную роль в деле победы над контрреволюцией. Красно-зеленые отряды оттягивали силы белых с фронта. Вся территория деникинщины превратилась в сплошной фронт. И это облегчало задачу Красной армии.

В повстанческом движении на Кубани и Черноморье в 1919—1920 гг. партия вела борьбу на два фронта: против носителей идей «единой и неделимой» русской помещичье-буржуазной контрреволюции и местной «самостийной» контрреволюции в лице кубанской казачьей верхушки Бича, Макаренко и др. На Черноморье роль местной контрреволюции играли укрепившиеся на побережье с помощью соседней Грузии правые эсеры. Правительство Ноя Жордания оказывало помощь выгнанным из Советской России руководителям так называемой «демократической» России, рассчитывая использовать их в борьбе

Товарищи Ворошилов и Буденный с группой комсостава Первой конной. 1920 г.

с большевиками. Обстановка на Черноморье, особенно в южной его части, благоприятствовала их замыслам. Пролетарская база южной части побережья была ничтожна. На участке Туапсе — грузинская граница, кроме портовых рабочих Туапсе да нескольких десятков рабочих полуремесленного типа в Сочи и Адлере, пролетариата не было. Парторганизация была слаба. Эсеры пытались использовать начавшееся в Черноморье массовое движение трудового крестьянства, надеясь придать ему с помощью Грузии не только антиденикинский, но и антисоветский характер, превратив Черноморье в плацдарм новой Учредилки.

В ноябре 1919 г. был проведен нелегальный съезд представителей крестьян Черноморья. Решением съезда был создан «комитет освобождения Черноморья» (КОЧ). Центральной фигурой КОЧ был В. Н. Самарин-Филиновский, эсер, б. председатель совета министров уфимского правительства. Вокруг него собрались его единомышленники: Чайкин, эсер, б. комиссар Временного правительства в Туркестане, Рябов, член ЦК эсеров, и б. член учредительного собрания полковник Н. В. Воронович, организатор военной работы КОЧ. Прини-

мала участие в работе КОЧ группа левых социалистов-революционеров, которые вместе с коммунистами старались направить движение на путь борьбы за власть советов (тт. Джанашев, Томашевский-Сергеев, Лысикевич). Съезд постановил начать борьбу против Деникина, за образование «Черноморской народной республики», бороться «до полной победы демократии», за подлинное «народовластие». Эсеровское руководство съезда добилося также послышки обращения съезда к «московскому» совету народных комиссаров и партии коммунистов с требованием отказаться от партийной диктатуры и образовать коалиционное «социалистическое» правительство («от большевиков до народных социалистов»).

Перед партией стояла двойная задача: разоблачить действительную сущность эсеров из «комитета освобождения Черноморья», показать их неспособность до конца, последовательно бороться с контрреволюцией и, возглавив борьбу трудящихся против деникинщины, довести ее до конца, до разгрома Деникина, до соединения с Красной армией Советской России, до организации на территории Черноморья советской власти. ✓

Непосредственное руководство вы-

Тов. С. Орджоникидзе — представитель ЦК ВКП(б) на Северном Кавказе в 1919 г. Руководитель крайкома в период подполья в 1919 — 1920 гг.

полнением этих задач взял на себя закавказский комитет партии, находившийся в Тифлисе. Комитету удалось послать на подпольную работу в районы движения и в «комитет освобождения Черноморья» под видом эсеров и им сочувствующих группу коммунистов и вполне преданных партии и советской власти, проверенных беспартийных товарищей. В большинстве своем это были военные работники, прошедшие школу империалистической и гражданской войны и подпольной работы. Эти товарищи: Шевцов, Томашевский-Сергеев, Лысикович, Сафонов, Казанский, Фавицкий и др.—взяли фактически все руководство восстанием в свои руки, предоставив КОЧ заниматься «высшей» политикой.

Тов. Томашевский-Сергеев был избран начальником штаба «Черноморского крестьянского ополчения» (так именовалась боевая организация повстанцев), тт. Казанский, Сафонов и др.—командирами батальонов. Придя в непосредственное соприкосновение с партизанами-бойцами, они стремились придать повстанчеству советский характер. Уже с момента занятия Сочи они вели усиленную борьбу

с антисоветскими и антибольшевистскими стремлениями эсеров из КОЧ.

2

Активные действия повстанцев Черноморья против деникинских воинских частей, приведшие к отходу последних, начались в конце января 1920 г. С начала января происходит подготовка к вооруженному восстанию. Исходным пунктом восстания была намечена «нейтральная зона» между грузинской границей и границей белых—район Пиленкого—Ермоловское.

26 января был отдан приказ о выступлении черноморского крестьянского ополчения против 52-й отдельной бригады добровольческой армии в районе Веселое — Адлер. Вследствие плохой погоды и большого снегопада, затруднившего передвижение частей ополчения, выступление было отложено на 28 января. Главные силы ополчения были сосредоточены против левого фланга белых в с. Мехадурь. Силы белых, в десять раз превышавшие силы ополчения, расположились на берегу реки Псоу.

В ночь на 28 января началось наступление. К 15 часам 29 января, смяв левый фланг противника, части черноморского крестьянского ополчения заняли селения Ахштырь, Молдаванку, отрезав белым путь к отступлению (мост через р. Мзымту у села Молдаванки). Солдаты 52-й бригады частью сдались, были разоружены, частью рассеялись. Небольшая группа офицеров, казачья сотня и артиллерия противника отступили к Сочи. 30-го числа был занят Адлер, к вечеру того же дня—м. Хоста. У Мацесты, в 13 верстах от Сочи, белые оказали упорное сопротивление. Обходным движением отряд Дзидзигуры зашел белым в тыл, и 1 февраля в тылу у белых, в самом городе, завязался бой. В тот же день черноморское крестьянское ополчение, вытеснив противника из Сочи, продолжает его теснить в направлении Туапсе. 13 февраля противник, укрепившийся на реке Шахе, был разбит. 24 февраля был занят город Туапсе. Первый этап операции кончился.

Захватив в Туапсе большое количество пленных, богатые трофеи, выросшие части черноморского крестьянского ополчения выступили по двум направлениям: на Новороссийск (западный отряд, командир тов. Сафонов) для соединения с «зеленой советской армией» и дальнейшего продвижения вперед и на Армавир (северный отряд, командир Черников). Этот отряд вскоре занял Гойтинский перевал и там остановился.

Черноморское крестьянское ополчение и «советская зеленая армия» встретились у Туапсе. Это сыграло большую роль в открытом выявлении советского характера движения. «Советская зеленая армия» была организована из многочисленных красно-зеленых групп, созданных северокавказским комитетом партии, находившимся в Екатеринодаре, и донским комитетом, находившимся в Ростове на Дону. Красно-зеленые отряды спленировались на Кубани и на побережье в районе Анапа — Туапсе с конца 1918 г. Деятельность «советской зеленой армии» проходила все время под руководством коммунистов и под советскими лозунгами. Во главе ее стоял Реввоенсовет, членами которого были т. Федюкович, Цимбалист (тов. Арсений), тов. Черный, Лимаренко, Мамонов. Командующий армией был тов. Моренец (тов. Илья) ¹.

Вступив в соприкосновение с «советской зеленой армией», фактические руководители «черноморского крестьянского ополчения»: коммунисты тт. Казанский, Шевцов, Сафонов и тов. Фавицкий (беспартийный военспец, честно и преданно служивший советской власти) ² — сразу получили опору в борьбе с эсеровскими руководителями КОЧ. Появилась прямая возможность разрыва с ними и открытого выступления под лозунгом борьбы за советскую власть.

В начале марта 1920 г. состоялось объединение «зеленой советской армии» с черноморским крестьянским ополчением в Красную армию Чер-

Тов. С. М. Киров — начальник политотдела XI армии в 1920 г. Руководил красно-зеленым движением «камышанцев» в Ставрополе и на Тереке.

номорья. Отдельные группы партизан, и отряды сводятся в батальоны трехротного состава, численностью в 400 штыков при 6 пулеметах ³. Во вновь созданный Революционный военный совет армии вошли тт. Ивницкий, Соркин и Шевцов от черноморского крестьянского ополчения и тов. Цимбалист (Арсений) от «советской зеленой армии». Командующим Красной армией Черноморья был назначен тов. Казанский, политкомом — тов. Шевцов, начальником штаба — тов. Фавицкий.

Командование Красной армией Черноморья создало в кратчайший срок сильную боевую организацию, насчитывавшую до 12 тыс. бойцов. Были организованы необходимые аппараты снабжения, связи, санитарная часть и хорошо поставлена политическая работа в армии и ее тылу. Начальником политотдела являлся тов. Цимбалист (Арсений).

Однако ряд обстоятельств не позволил произвести вооруженное свержение КОЧ. Красная армия Черноморья действовала в тылу Деникина, имея

¹ ЦАКА (Центральный архив Красной армии). Фонд Красной армии Черноморья, д. № 57212, л. 4.

² Сейчас тов. Фавицкий — коммунист, профессор Военной академии РККА им. тов. Фрунзе.

³ ЦАКА. Фонд Красной армии Черноморья, д. № 60530, л. 9.

ближайшим своим соседом на юге «демократическую» Грузию, на севере — Деникина. Красная армия Советской России находилась еще далеко от Черноморья. Не было никакого сомнения в том, что Грузия не допустила бы появления чистокровного большевизма у своих границ и пыталась бы с помощью тех же эсеров повторить опыт 1918 г., когда она оккупировала Сочинский округ. Красная армия Черноморья, имевшая уже два фронта (по направлению Новороссийска и Кубани), не могла образовать третий фронт — Грузинский. Нужно было выждать приближения Красной армии Советской России, приложив все усилия для успешной борьбы с деникинщиной. Поэтому надо было пойти на компромисс — использовать КОЧ как ширму, скрывавшую действительное положение дел на фронте и в тылу, а с другой стороны, обезвредить «демократические» мероприятия КОЧ по организации новой власти.

9 марта в Туапсе — местопребывание Реввоенсовета — состоялось совещание с представителями КОЧ. В результате были установлены «сферы влияния» Реввоенсовета и КОЧ. Фронт и вся прифронтовая полоса, до селения Лазаревского включительно, переходили в ведение Реввоенсовета. Последнему предоставлялось полное, самостоятельное руководство вопросами обороны и наступления, вопросами дальнейшей борьбы с Деникиным. «Комитету освобождения Черноморья» передавалась для управления территория Сочинского округа (от ст. Лазаревской до грузинской границы) при условии немедленной организации советской власти путем созыва съезда советов в Сочинском округе.

Этот маневр обеспечил Красной армии Черноморья тыл в ее расширявшейся борьбе с войсками Добармии.

Насколько «фронт» не доверял КОЧ и с ним совершенно не считался, признавая своими руководителями только коммунистов, показывает совещание фронтовиков Красной армии Черноморья с делегатами Кубанской области и сочинского гарнизона. Совещание происходило в Туапсе 11 марта 1920 г. На нем присутствовали также и представители туапсинского окружного комитета РКП(б), коман-

дарм Казанский, политком армии Шевцов. Представитель Северного фронта (Кубанского) тов. Писарев в своем выступлении требовал «аннулирования «комитета освобождения Черноморья», «предоставления неограниченных прав фракции большевиков в строительстве государственности», «отказа от блока с Грузией» и т. д.¹

Тов. Касилов (Черный) от имени Южного фронта (Новороссийского) присоединился к этим требованиям.

От имени первого железного советского полка, недавно влившегося в Красную армию Черноморья (перешел из состава деникинских войск), тов. Королев заявил, что полк решил во что бы то ни стало сломить деникинскую свору и восстановить советскую власть². В этом же духе выступил и представитель сочинского гарнизона тов. Сергеев. Совещание показало, что КОЧ окончательно лишился своей вооруженной силы.

Совещание решило считать Красную армию Черноморья частью советской Красной армии и выразило свое желание осуществить «настоящую советскую власть». Приветствуя организовавшийся Реввоенсовет, совещание выразило надежду, что Реввоенсовет установит в рядах войск железную дисциплину, что он приведет борьбу с контрреволюцией «к желанному победоносному концу и соединению Красной армии Черноморья с Красной армией Российской социалистической федеративной советской республики»³. Резолюция кончается лозунгами «Да здравствует советская власть!», «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство в лице Совета народных комиссаров!» Она была принята единогласно. Эсерам и Учредилке здесь места не оказалось. Так окончилась история еще одного учредительского комитета.

3

На фронте дела белых становились все хуже. Армии Кавказского фронта

¹ Архив секретариата Главной редакции ИГВ. Материалы Северокавказской комиссии ИГВ. Протокол совещания фронтовиков Красной армии Черноморья, стр. 2.

² Там же.

³ Там же, стр. 4.

Справа налево: тт. Шевцов — комиссар Красной армии Черноморья, Джанашия — член КОЧ, работавший в нем по поручению партии, Фавицкий — нач. штаба Красной армии Черноморья, Томашевский-Сергеев — нач. штаба черноморско-крестьянского ополчения.

сбивали их со всех позиций. Первая конная во главе с тт. Буденным и Ворошиловым гналась по пятам белых. Белая конница генерала Павлова 25 февраля пыталась выйти в тыл Первой конной, но, атакованная ею у станции Егорлык, была разбита, потеряв большое количество орудий, пулеметов и людей. Белые отступили на Кубань: одна из групп продвигалась на Екатеринодар — Новороссийск, вторая — на Майкоп — Туапсе и третья — на нижнее течение реки Кубани через станцию Тимашевскую.

План Реввоенсовета Красной армии Черноморья состоял в том, чтобы облегчить наступление IX армии на Екатеринодар и уничтожить возможность эвакуации Деникина через Новороссийск. Соответственно этому и были образованы два фронта: Новороссийский и Северный. Части Северного фронта двигались на Белореченскую, расширяя фронт по обе стороны железной дороги Туапсе — Армавир, стремясь захватить Майкопский и часть Лабинского уездов; части Черноморского фронта шли на Геленджик — Новороссийск, чтобы отрезать белым возможность эвакуации.

Реввоенсовет предложил гарнизонам

отдельных селений всячески помогать восстающим против Деникина казакам и иногородним. Всех перебежчиков, число которых с каждым днем возрастало, всех взятых в плен бывших солдат Добрармии распределили по батальонам Черноморского (Новороссийского) и Северного (Кубанского) фронтов. Многочисленные трофеи, боевое военное снаряжение также распределялись по батальонам, для чего были созданы интендантские базы. Фронт делился на боевые участки, начальники которых руководили военно-оперативной работой. Как и армия, отдельные фронты и боевые участки имели политкомов. К 15 марта Красная армия Черноморья имела 15 батальонов.

Командующим Черноморским фронтом был тов. Моренец (тов. Илья), бывший командир «советской зеленой армии». Политическим комиссаром Черноморского фронта был тов. Бакулин. В качестве командиров и комиссаров отдельных боевых участков и частей привлекались также проверенные командиры и политработники из бывших командиров черноморского крестьянского ополчения. Были созданы особые рабочие отряды. Так, после взятия Сочи, из сочинских ра-

бочих было сформировано два батальона¹. Организованы были также коммунистические части (ЧОН).

Переформирование, соединение отдельных частей б. «советской зеленой армии» и крестьянского ополчения не всегда шли гладко. Был ряд случаев сопротивления мероприятиям Реввоенсовета. Так, отдельные отряды выносили постановления, что они не желают быть под начальством кого-либо другого, кроме своего старого командира, и в ответ на решение командования о переброске в другую часть или о снятии протестовали перед командующим армией и просили, чтобы «никто не касался в наш отряд и не наводил провокации»².

Была отменена выборность командного состава. Все, относящееся к руководству боевыми операциями, к дисциплине, переходит исключительно к назначенным командирам, товарищеским судам. Началась борьба с самоснабжением бойцов. «Всем частям войск, расположенным на вверенном мне боевом участке, строго приказываю не бродить по домам с целью закупки яиц, кур и молока,— пишет в приказе № 4 по боевому участку тов. Павленко.— Эта бесплановая закупка продовольствия срывает снабжение больных, раненых».

Создаются материальные базы. Командование уделяет большое внимание правильному распределению продовольственных и боевых припасов, предавая суду за расхищение имущества. В приказе по Черноморскому фронту тов. Моренец объявляет об отдаче под суд начальника базы Равкина «за расхищение порученного ему имущества»³. За неисполнение приказа командующего фронта о срочном выезде с обозом в назначенное ему место и уклонение от сдачи цейхгауза передается суду фронтового революционного трибунала начальник обоза Гасиев⁴.

¹ Д. № 8. Фонд воспоминаний Азово-черноморского крайистпарта. Воспоминание № 342, тов. Богатова.

² Центральный архив Красной армии. Фонд Красной армии Черноморья, л. № 257 052, л. 59.

³ Там же, д. 257 051, л. 30.

⁴ Там же.

Велась борьба с азартными играми. Приказ предлагал, не считаясь с положением «играющих», предавать их суду, а деньги конфисковать в пользу армии. Усилилась боевая подготовка бойцов. Командование боролось за правильную организацию и несение караульных служб. За разрешение командиром роты послать к начальнику боеучастка делегацию от роты с просьбой сменить роту с позиции, командир Туапсе-Парасковеевского боевого участка тов. Павленко отдает приказ об аресте командира роты на пять суток со смещением его с занимаемой должности. Командиру батальона делается замечание с предупреждением впредь за подобные случаи предавать военно-революционному суду, так как такие явления ведут «к разложению начинающих крепнуть боевых частей участка»⁵.

Командующий Черноморского фронта тов. Моренец в своем приказе № 8 от 16 марта 1920 г. предает суду Военно-революционного трибунала за опоздание на полтора часа в выполнении его приказа не только командира 7-го батальона тов. Новикова, но и комиссара того же батальона тов. Кокукина⁶.

Рассматривая себя как часть регулярной Красной армии, командование ввело для защиты «угнетенных масс и трудового народа» всеобщую воинскую повинность для граждан в возрасте от 19 до 45 лет.

Все эти мероприятия говорят об огромной организационной и политиковоспитательной работе, которую проводило командование Красной армии Черноморья с целью превращения своей части в образцовую часть Красной армии Советского союза.

Немаловажную роль в боевых операциях Красной армии Черноморья сыграла созданная командованием армии «морская флотилия». Работа среди матросов Черноморского флота в Новороссийском и Туапсинском портах была начата еще красно-зелеными с осени 1919 г. Работой руководил бывший матрос, старый большевик с

⁵ Там же, д. № 59970, л. 14.

⁶ Там же, д. № 257 051, л. 29.

1904 г., один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин-Таврический», тов. Спинов-Кубанский. Вернувшись из эмиграции в 1917 г., он включился в борьбу против белых на Кубани и Тереке. В годы борьбы с деникинщиной тов. Спинов-Кубанский был руководителем отряда красно-зеленых, оперировавших в районе Туапсе — Новороссийск. От имени б. матросов броненосца «Потемкин» было выпущено воззвание к морякам Черноморского флота в сентябре 1919 г., в котором всех товарищей матросов призывали «присоединиться к Красной армии и общими силами свергнуть контрреволюцию в лице царских генералов, капиталистов и помещиков»¹.

Работа среди моряков проходила успешно, чему способствовали тяжелое положение матросов на судах Доброй армии и разложение командного состава и всего офицерства на виду у них. Под руководством группы коммунистов матросы приняли участие во взятии черноморским крестьянским ополчением г. Туапсе 24 февраля 1920 г. По заранее разработанному плану, матросы должны были в начале наступления на город спустить пары на паровых судах, а на судах с двигателями внутреннего сгорания раз'единить трубы, соединяющие горючее с мотором, и спрятать их. Команды судов должны были уйти на берег. План был выполнен. Матросы, влившись в наступающие на белых части черноморского крестьянского ополчения, арестовывали офицеров, солдат и т. д.².

С образованием Красной армии Черноморья командование решило в числе своих вооруженных сил иметь и «флот». Условия и боевые операции армии вынуждали к этому: морские суда белых и их союзников—Антанты—подходили близко к берегу, обстреливая города, селения, шоссе, горы. Все это требовало организации сторожевой службы.

Флот был организован из захваченных у белых судов (около 15 моторных и паровых единиц). Командиром

Тов. Иванецкий—член Реввоенсовета повстанческой Красной армии Черноморья в 1920 г.

его был назначен тот же тов. Спинов-Кубанский. Особенное значение «флот» приобрел в период отступления Красной армии Черноморья от Туапсе под давлением армии белых, пробивавшихся к морю. Имея на борту десант. флоту пришлось в районе Туапсе—Джубга вынести бой с англо-французской эскадрой генерала Кейса. Эскадра отступила благодаря совместному огню флота Красной армии Черноморья и артиллерии 50-й Таманской дивизии, обстреливавшей ее с берега.

Политотдел Красной армии Черноморья проводил свою работу в тяжелых условиях. Не хватало людей, партийные организации в занимаемых городах и селениях были слабы, еще не оправились от террора деникинщины. Политотдел имел около полусотни партийных и политических работников. Часть из них была политическими комиссарами в Красной армии Черноморья. Кроме них в частях были полиграфотники, ведущие массовую политико-воспитательную работу. В тылу фронта они создавали временные советы и коммунистические ячейки. Политотдел организовал группу артистов для обслуживания фронта и тыла, выпускал газету «Фронтвик»

¹ Архив секретариата главной редакции ИГВ. Неопубликованные воспоминания тов. Спинова-Кубанского, стр. 130.

² Там же, стр. 135.

и воззвания к населению Черноморья, к казакам.

Крестьяне освобожденных селений видели в коммунистической партии и советской власти своих руководителей. Так например общее собрание общества селения Дефанова, Туапсинского округа, 25 марта 1920 г. по докладу представителя политотдела Красной армии Черноморья тов. Журлова постановляет создать для управления Дефановской волостью совет крестьянских и рабочих депутатов, всеми силами бороться в рядах Красной армии Черноморья за советскую власть, потому что «только советская власть борется за то, чтобы земля действительно отошла к трудовому народу». Приветствуя Реввоенсовет, Красная армия Черноморья, крестьяне селения Дефанова выражают уверенность в том, что Реввоенсовет «дове-дет восставшую против угнетателей-белогвардейцев Черноморскую губернию до близкого и желанного соединения с Российской социалистической федеративной советской республикой»¹.

По мере продвижения красных отрядов на Кубань в тылу у белых происходили восстания кубанских казаков, которые связывались с Красной армией Черноморья.

12 марта 1920 г. Реввоенсовет Красной армии Черноморья издал приказ (№ 31) революционным войскам казачьих станиц Ходженской, Нефтяной, Ширванской, Прусской, Дагестанской, Кабардинской и другим о подчинении всех революционных отрядов казаков и иногородних Реввоенсовету и штабу Красной армии Черноморья. Отрядам каждой станицы давалось конкретное указание их дальнейших действий, ставились задачи нападения на тыл противника. Из числа известных Реввоенсовету своей преданностью советской власти местных казаков организовался штаб революционных повстанческих отрядов.

Реввоенсовет принимал меры для скорейшего соединения частей Красной армии Черноморья с восставшим

казачеством. 13 марта 1920 г. был издан приказ о наступлении частей Черноморского фронта на Геленджик, с приказанием занять его 15 марта. Северному фронту к 15 марта было предложено очистить все заваленные при занятии Гойтинского перевала тоннели и начать движение по линии железной дороги и шоссе Туапсе — Армавир с целью занятия и закрепления за собой станции и станиц Ходженской, Апшеронской, Нефтяной. Несмотря на превосходство сил белых, имевших в Геленджике 3 тыс. штыков и сабель, 6 орудий (из них два дальнобойных), 2 броневика, несмотря на помощь, оказанную белым огнем артиллерии с моря, Геленджик 15 марта, после шестичасового боя, был взят. Полностью захвачены 1-й кавказский полк противника, взяты пулеметы, снаряды, орудия, большие запасы продовольствия и другой военной добычи.

Немедленно после занятия Геленджика командование Красной армии Черноморья сформировало из состава частей Черноморского флота ударную группу для действия на Кубани в районе станиц Шапсугская, Эриванская, Крымская и Бакинская (1 тыс. штыков при 10 пулеметах, 2 орудиях). Командиру ударной группы тов. Сафонову было предложено занять указанные станицы, влить в свою группу все отряды «зеленых», оперирующих в данном районе, в частности красно-зеленые группы «Гром и молния», группу Абрау-Дюрсо и отряды повстанцев-казаков. Все приказы командования о действиях на Кубани связаны с возможностью использовать все более революционизирующуюся массу кубанского казачества. Но в казачьей среде было и много контрреволюционного элемента, поддерживавшего Кубанскую раду и ее союз с деникинщиной. Были и отдельные станицы, враждебно настроенные к приближавшимся советским войскам. Такие станицы обезоруживались. Но большинство кубанского казачества ждало советской власти, обезоруживало белых, захватывало их обозы.

«Настроение казаков и офицеров шаткое, массы остаются в занимаемых красными местностях и дезертируют», — сообщает наша разведка о на-

¹ Центральный архив Красной армии. Фонд Красной армии Черноморья, д. № 60337, л. 12.

Бой за Ростов (под Салами) в декабре 1919 г. С картины М. Грекова.

строении казачьей станицы к середине марта 1920 г.¹

17 марта, в 10 часов утра, была занята станция и станица Ходженская. Главные силы Северного фронта пошли дальше, в направлении Белореченской. Член Реввоенсовета и политком армии тов. И. Шевцов с батальоном ушел на Майкоп. На другой день отряд Шевцова занял станицы Нефтяную, Апшеронскую. Рабочие майкопских нефтяных промыслов оказали ему торжественный прием.

19 марта в майкопском направлении занимают станицы Прусская, Дагестанская, Севастопольская, в Белореченском направлении — станция Николенко и станица Покровская, где захвачено много технического имущества, в том числе 10 грузовых и 3 легковых автомобиля. В Екатеринодарском направлении части Красной армии Черноморья совместно с отрядами восставшего казачества разгромили и выбили карательный отряд из станицы Саратовской, отступивший на Екатеринодар.

20 марта произошло знаменательное событие. Тов. Шевцов со своим секретарем тов. Подгорецким вдвоем «взяли» Майкоп, где в это время находились части добровольческой армии и Кубанской рады. И не только «взяли», но и организовали советскую власть и удержали город в полном

порядке до прихода частей 1-й конной армии, подошедшей к Майкопу только 22 марта 1921 г. Это беспрецедентное в истории дело могло произойти только вследствие того сложного политического переплета, который имел место на Кубани весной 1920 г. в силу сокрушительных для деникинщины успехов Красной армии Советской России и повстанчества в тылу у Деникина, взявших белых в железные тиски².

В ночь с 13 на 14 (26—27 нового стиля) марта частями Черноморского фронта и 22-й стрелковой дивизии Красной армии Советской России был взят Новороссийск.

Для белых единственная возможность эвакуации была через Туапсе — морем в Крым, сухопутным путем — в Грузию. Поэтому понятно, с какой силой, теснимые советскими войсками из Кубани, отступающие добровольческие части под командой генерала Шифнер-Маркевича и казачья Кубанская армия во главе со Шкуро обрушились на небольшие заслоны Красной армии Черноморья, стремясь во что бы то ни стало через горы пробиться в Туапсе. Превосходя нас в двадцать раз численностью, имея огромное техническое превосходство (бронепоезда с тяжелыми орудиями, артиллерия), белые под Белоречен-

¹ Центральный архив Красной армии. Фонд Красной армии Черноморья, д. № 257051, л. 97.

² Подробно об этом см. И. Шевцов «Как я взял город Майкоп, Кубанской области». «Пролетарская революция» № 7, стр. 204—211. 1922.

ской разбили слабые и малочисленные части Северного фронта Красной армии Черноморья.

24 и 25 марта происходили героические бои небольшой горсточкой храбрцев с многотысячной массой белых войск у Гойтинского перевала. Для защиты Гойтинского перевала три тоннеля перевального участка железной дороги из шести были завалены. В нескольких местах был разобран путь, но офицерские полки добровольческой армии, «волки» генерала Шкуро, восьмидесятитысячная армия генерала Морозова, не останавливаясь перед огромными потерями, пробивались к морю.

Туапсе пришлось эвакуировать, а частям Красной армии Черноморья пришлось отступить в сторону Новороссийска. Белые, заняв Туапсе, пытались начать наступление на Новороссийск. Вновь сформированные части Красной армии Черноморья в составе трех батальонов (10-го, 12-го и 14-го), из которых один был сформирован из рабочих Туапсе, коммунистический отряд под командой тов. Л. А. Гзель, оказывали белым упорное сопротивление. Наступление белых на Новороссийск было приостановлено подошедшими 29 марта 1920 г. к с. Джубга частями Красной армии Советской России (50-я Таманская дивизия). Туапсе вторично был занят. Головка белых эвакуировалась в Крым и Константинополь, частично белые перешли грузинскую границу. Главные силы их—шестидесятитысячная кубанская казачья армия генерала Морозова,—прижатая к грузинской границе, в конце апреля сдались.

Надобность в существовании самостоятельной Красной армии Черноморья отпала. Красная армия Черноморья дала свои лучшие боевые части на пополнение IX армии, оперировавшей в этом районе. Крестьяне-партизаны расходились по домам, унося с собой боевой опыт борьбы с деникинщиной, для того чтобы и в дальнейшем использовать его в борьбе с бе-

ло-зелеными бандами, организовавшимися из остатка разгромленных деникинских и кубанского краевого правительства войск.

30 марта прекратил свою работу расформированный Реввоенсовет Красной армии Черноморья. В приказе о передаче своих частей в полки Красной армии советской власти начальник Туапсе-Парасковеевского боевого участка тов. Павленко, один из первых организаторов и руководителей красно-зеленого движения на юге Кубани и Черноморском побережье, писал: «Настал радостный момент соединения северной советской армии с нами, с восставшей армией крестьян и рабочих Черноморского побережья. Этот момент говорит о нашей победе над реакцией генералов и помещиков, свивших свое гнездо на Северном Кавказе. Этот момент говорит, что наступает час, когда вся Россия объединится под единой властью советов. Соединение с северными товарищами создаст перемену в нашей жизни, в нашей судьбе. Грозный час миновал для нас. Мы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть реакции, мы совершили двойную победу: мы отняли у наших врагов оружие, вооружили наши станицы и изгнали насильников и грабителей из городов побережья. Только сильные духом, крепкие волей могли совершить те подвиги, которыми полна наша борьба от начала до конца. Наступил момент освобождения трудового народа от гнета капитала и царизма. История мирового освобождения пролетариата не забудет этих подвигов. Дорогие товарищи, грозный час миновал. Наша сила вливается отныне в великую силу пролетариата России. Вступим такими же сильными и грозными в ряды северных товарищей»¹.

Гигантская полуторогодовая борьба красно-зеленых под руководством коммунистической партии против деникинщины окончилась. Наступили дни социалистического строительства.

¹ Центральный архив Красной армии. Фонд Красной армии Черноморья, д. № 59970, л. 25.

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ

НА УКРАИНЕ В ПЕРИОД ДЕНИКИНЩИНЫ

1

Антисемитизм был одной из характерных черт деникинской национальной политики. Антисемитизм наравне с монархизмом был официальным мировоззрением добровольческой армии и ее вождей.

Стремление Деникина к реставрации царских порядков сказалось не только в полном отрицании самостоятельного существования национальностей бывшей царской России, но и в восстановлении дореволюционных законов по отношению к евреям. Правда, Деникин еще не успел восстановить черту оседлости и ввести процентную норму, но фактически притеснения и гонения на евреев были при Деникине даже еще больше чем при Николае II.

Официальные представители деникинского правительства, в частности руководитель национальной политики, известный черносотенец и монархист Шульгин, обвинял евреев в том, что они «перевернули вверх дном русское государство», и требовал в своей газете «Киевлянин», чтобы евреи были убраны «с тех мест, которые они могут использовать во вред возрождающемуся русскому государству. Не должно быть евреев-офицеров, - чиновников, - судей. Надо стараться, чтобы не было евреев городских и земских гласных, а также служащих городу и земству». В особенности важно вырвать из рук евреев печать. Тот, кто отказы-

вается покупать еврейскую газету, делает хорошее русское дело»¹.

Но еще и до требования Шульгина правительство дало секретные директивы об устранении евреев от участия в воссоздании «единой и неделимой». В июле 1919 года по армиям был разослан приказ, запрещающий принимать офицеров-евреев в армию, в управления и учреждения вооруженных сил юга России².

Наряду с запрещением евреям-офицерам служить в армии дается директива—не оказывать ни им, ни солдатам-евреям медицинской помощи. Так, главный врач одного из таганрогских госпиталей предписывал своим подчиненным не принимать в госпиталь евреев-офицеров и -солдат под предлогом отсутствия мест. Поводом для такого распоряжения послужило замечание главного командования о недопустимости того, «чтобы госпитали были наводнены евреями ввиду их вредного влияния на солдат и раненых». Как «большевистские агитаторы и лица, препятствующие освобождению России от иностранного ига», еврей-солдаты истребляются десятками по приговорам военно-полевых судов и без них³.

Как всякое правительство, опирающееся лишь на силу штыков, деникинское правительство также нуждалось в отведении от себя гнева народного, в ствлечении народного недовольства и возмущения своей политикой в благоприятную для себя сторону. Правительство Николая Романова направляло народный гнев на евреев, доказывая темным массам, что все их беды от евреев. Этот же метод переняла и южная контрреволюция, возобновившая травлю против евреев, «пользуясь голодом, усталостью, а также неразвитостью масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием»⁴.

Как царское правительство ловко жонглировало словами «еврей» и «революционер», так и деникинские госу-

¹ «Киевлянин», № 41.

² ЦАОР № 1486, дело № 2, лист 107.

³ С. м. Марголин «Украина и политика Антанты». Стр. 305—306. Берлин.

⁴ «Воззвание СНК», написанное при участии Ленина. «Известия» № 156, 28/IX 1918 г.

дарственные мужи делали синонимы из слов «еврей» и «большевик».

Захват Украины Деникиным принес еврейскому населению ряд грабежей, насилий и убийств. Только за один 1919 год деникинцами было произведено 226 погромов. Наиболее пострадали Киевская и Подольская губернии: 92 и 44 погрома. В Киевской губернии погромы охватили 50 пунктов, населенных евреями (в это число не входят погромы, учиненные различными петлюровскими бандами)¹.

Ряд еврейских местечек Киевской и Подольской губ. был буквально сметен с лица земли. Еврейское население обвинялось в сочувствии большевикам и громилось с исключительной жестокостью.

Наиболее ярким примером того, как деникинцы отвлекали несознательные массы от политических вопросов, является погром в Киеве в октябре 1919 г., после вторичного оставления города советскими войсками, который длился пять дней и сопровождался массовыми убийствами, грабежами и насилиями. Погибло за эти дни до 600 человек.

Официальной причиной погрома явилась распространявшаяся черносотенцами версия о том, что евреи якобы стреляли из окон по уходившим добровольцам. Идея погрома поддерживалась и поощрялась всей черносотенной официальной и неофициальной прессой. Так, газета «Вечерние огни» (№ 39, 40, 42) печатала на своих страницах списки еврейских домов, из которых якобы обстреливались добровольцы. Газета «Киевлянин» также обосновывала и оправдывала эти погромы. Шульгин в своих передовых уверял, что «ничто так не раздражает сейчас русское население, как упрямое, нелепое, бессмысленное отрицание фактов. Проповедывать сейчас, что никакой стрельбы не было, — это все равно, что подливать масло в огонь. Это просто бесит людей»². Шульгин считал, что избиения и ограбления беззащитных терроризированных евреев — лучшее наказание за участие еврейских трудящихся в

пролетарской революции, в строительстве советского государства. «Пытку страхом», которую переживали киевские евреи в кровавые дни 15—20 октября, он считал «мерой, которая поможет им понять свои преступления перед русской государственностью» и раскаяться в них.

Гражданские и военные власти Киева не только не принимали мер к прекращению погрома, но неофициально его санкционировали и даже являлись организаторами его. Солдатам дано было негласное разрешение двухдневной «полной свободы» для грабежа и насилий над еврейским населением³. Официальный же приказ генерала Бредова — начальника киевского гарнизона — о прекращении погромов был опубликован после того, как были ограблены, искалечены и убиты сотни людей. Одновременно с приказом было опубликовано официальное извещение отдела пропаганды деникинского правительства о стрельбе еврейского населения по уходившим из Киева добровольцам.

Это «извещение», расклеенное на улицах Киева и разосланное по ряду других городов Украины, уверяло, что «занятию Богунским красным полком Киева содействовало местное население, открывшее беспорядочную стрельбу по уходившим добровольцам. Особенно активное участие при вступлении большевиков принимали выпущенные последними из тюрьмы свыше 1000 коммунистов, также боевые организации еврейских партий, стрелявшие из пулеметов, винтовок и бросавшие ручные гранаты, обливавшие добровольцев кипятком... Благодаря массовому участию евреев в наступлении большевиков... среди христианского населения царит с трудом сдерживаемое властями негодование»⁴.

Здесь деникинские администраторы шагнули дальше царского правительства, все же не решавшегося в официальных гласных документах призывать к еврейскому погрому.

Распространением рассказов о том,

¹ ЦАОР, фонд 4016, дело № 1, лист 36/37.

² «Киевлянин» № 38, 9/X 1919 г.

³ См. «Бюллетень» № 2, 8/II 1920 г., изд. Комиссией по обследованию зверств добровольческой армии на Украине, ЦАОР, фонд 4016, дело № 2, лист 9.

⁴ ЦАОР, фонд 4016, дело № 1, лист 4—5.

что евреи являются главными виновниками гражданской войны, занимались не только киевские газеты и киевские власти. Не менее усердно работал в этом направлении штаб самого главнокомандующего ВСЮР (вооруженных сил юга России) — Деникина. В официальных сводках штаба так же, как и в сводках отдела пропаганды, этому уделено немало внимания и места. Для поощрения своего отечественного антисемитизма приводились сведения о якобы чрезвычайном росте антисемитизма за рубежом. С этой же целью печатались такие «достоверные» сведения, как то, что в Киеве (при бывшей там советской власти) «обязанности палачей исполняли евреи... и молодая еврейка, одевая по-мужски»¹.

Отдел пропаганды «особого совещания» в конце октября 1919 г. сочинил довольно большой обзор «преступлений» евреев перед русскими людьми. Основным стержнем являлось утверждение, что еврейское население, «сознавая свою великую ответственность перед Россией за усердное насаждение анархо-большевизма», боится восстановления прежней России, так как «возрожденная, она должна будет разобрататься в своих врагах и друзьях». Обвиняя евреев «в изменническом отношении» к добровольческой армии, авторы сводки дают полную свободу своей фантазии и начинают перечислять зло, причиненное евреями: в Славянском районе евреи ведут подпольную агитацию и распространяют провокационные сведения о неминуемой победе большевиков; тем же занимаются евреи и Богодуховского района, а при приближении красных войск к Сумам евреи не бежали вместе со всем населением из города, а «подготавливались к подобающей встрече» и т. п.².

Такое «подогревание» патриотических чувств «христолюбивого» деникинского воинства, безусловно, давало свои результаты. Большеви́зм пытались искоренить не только сражениями на фронтах, но и убийствами сотен и тысяч еврейского населения в тылу.

Погромная агитация неофициальных

Шульгин — вдохновитель национальной политики Деникина.

и официальных органов печати находила тем более благодарную почву, что зачастую погромы являлись не столько актом политической мести, сколько верным и обильным пополнением бюджета господ офицеров и воинских отрядов.

Часто золотопогонники не только грабили напуганных жителей местечек и городов, но умудрялись извлечь из погромов хорошо оплачиваемую статью дохода. Известны случаи, когда офицеры за приличную плату гарантировали отдельным представителям еврейской буржуазии неприкосновенность и сохранность жилищ.

Так, в местечке Золотоноша за 15 — 20 тысяч рублей в ночь, выплачиваемых офицерам комендантской роты, удалось спасти от грабежа дома состоятельных евреев и торговые помещения. То же самое было и в ряде других городов и местечек.

Насколько выгодной статьей дохода были погромы, можно судить по тому, что у некоторых, особо «энергичных» громил было по несколько меховых шуб, много золота и других ценных вещей. Один из грабителей, прапорщик Инжуаров, специализировался только на погроме врачей, награбив

¹ ЦАОР, фонд 1558, № 25, лист 34—35.

² ЦАОР, фонд 1558, дело № 37, лист 4.

на 400 тысяч зубоврачебных инструментов, и т. д.

Штиф в своей работе о еврейских погромах приводит ряд примеров, свидетельствующих о чрезвычайно разнообразных вкусах грабителей с офицерскими погонами на плечах. Так, конотопский комендант потребовал поднесения ему 200 комплектов белья, городищенский — мяса и цыплят на 10 тысяч рублей. Комендант местечка Михайловка потребовал от еврейского населения 250 тысяч рублей, золотые часы, 2 заграничных чемодана, 2 пары женских туфель, 2 пары чулок, перцу, свечей, табаку, спичек и... расписку в том, что еврейское население осталось довольно добровольческой армией, так как она охраняла его от грабежа¹.

Жажда легкой наживы, удовлетворение самых низких инстинктов, издевательство и глумление над всем, что не было «истинно-русским», охватили ряды добровольческой армии.

Даже дружественное Деникину английское радио, перехваченное советской радиостанцией, вынуждено было дать следующую мрачную характеристику деникинскому режиму: «Из южной России сообщают, что деникинские войска грабят еврейские деревни, убивая мужчин, женщин и детей. Эти погромы... официально санкционируются. По слухам, Деникин возобновил царский режим относительно подавления... евреев, и его офицеры открыто поощряют солдат на эти погромы. Несколько тысяч евреев было убито в течение сентября, и украинские начальники говорят, что в следующем месяце они удвоят это число. В настоящее время банды продолжают свои операции безнаказанно»².

Одним из наиболее мрачных, наиболее кровавых памятников, оставленных разгулявшейся погромной стихией деникинских банд, безусловно, является фастовский погром в сентябре 1919 г. По своему размаху и той исключительной жестокости, с какой он проходил, погром этот был «небывалым в истории еврейских погро-

мов». Организатором и исполнителем этого кровавого деяния была 2-я терская пластунская бригада.

В делах комиссии по обследованию зверств добровольческой армии есть жуткое свидетельское описание этого погрома: «С первого момента их (добровольцев.— М. К.) появления началась повальный грабеж местечка, продолжавшийся почти 2 недели. Причем каждый дом... достаивался ежедневно посещения 8—10 партий... Не пропускали ни одной квартиры, как бы она ни была жалка с виду. Самый нищенский подвал... и тот достаивался их благосклонного внимания... По улице валялись неубранные трупы, которые никто не отваживался не то, чтобы хоронить, но даже заносить в квартиры, чтобы их собаки и свиньи, по крайней мере, не грызли. Люди прятались в погребах и хлевах, сидя по 4—5 дней без пищи и без воды»³.

За время погрома в Фастове было убито до 2000 человек. Во всем местечке остались неразгромленными только два еврейских семейства. Бригада закончила погром поджогом свыше двухсот домов.

Кроме Фастова были до тла разграблены три земледельческие еврейские колонии: Колдубицкая, Червоная и Трилессы, находившиеся под Фастовым. Газета «Русь» сообщала, что «все население их частью разбежалось, частью уничтожено»⁴.

Эта же черносотенная газета, выходящая с аншлагом «К национальному единению, граждане», вынуждена была признать, что «поводов к погрому не было никаких».

Наибольшей жестокости погромы достигли в тот момент, когда положение деникинской армии на фронте резко ухудшилось. Панически бегущая армия грабила все, что только было возможно, сопровождая грабежи убийствами и насилиями. Особенно характерен погром местечка Кривое озеро, Подольской губернии. При занятии местечка 24 декабря 1919 г. командир волочанского отряда из дивизии Шкуро потребовал от населения уплаты своего рода дани в виде 350 тысяч рублей, 25 пудов мяса, 25 пу-

¹ См. сборник Алексеева «Деникин—Юденич—Врангель», стр. 157.

² ЦАОР, фонд 1235, № 63, дело 419/1, лист 149.

³ ЦАОР, фонд 4016, дело № 2, лист 100.

⁴ Газета «Русь» № 32, 2/X 1919 г.

дов хлеба и 20 пар сапог. Требование это объяснялось тем, что «еврейское население не оказывает поддержки добровольческой армии ни людьми, ни денежными средствами». После того как была получена дань, начались дополнительный грабеж и резня. «Доблестное войско» стремилось награбить как можно больше. Если в первые дни выбирались более или менее богатые квартиры, то после 10 дней «христолюбивое» воинство грабило всех подряд. При этом было убито до 1000 человек¹.

В местечке не оставалось ни одного нетронутого дома. Все, что можно было взять, было забрано, остальное ломалось и разрушалось тут же на месте.

2

Весь этот безудержный грабеж не только проходил безнаказанно, но целиком поощрялся средним и высшим командованием. Ограбление еврея не было предосудительным поступком, а, наоборот, показателем особого героизма и доблести. Командный состав неоднократно давал прямые директивы к совершению подобных «геройств». Например командир Семеновского полка, стоявшего в Прилуках, при виде солдата в рваных сапогах сказал ему: «Что же, не можешь зайти к какому-нибудь жида и снять с него сапоги». Аналогичную директиву дал полковник 2-го батальона 2-й терской пластунской бригады одному из офицеров, просившему материал на обмундирование: «Тащи у жида, за это не наказывают»².

Но наибольшего цинизма в организации погромов достиг начальник мобилизационного отдела штаба войск Новороссийской области генерал Дроздовский.

По его мнению, пространно изложенному в специальной записке, призывать евреев в армию не следует, так как они всегда являются элементом, разлагающим армию и помогающим врагам добровольцев. Взамен этого brave генерал предлагал налагать

Деникинский офицер с «военными трофеями».

на евреев контрибуцию «не только деньгами, но и вещами, которые имеются у них на складах в громадном количестве даже в самых малых городах и сохраняются в секретных цементированных помещениях». Вещи эти, по мнению генерала, легко получить «при энергичном требовании и самых тщательных обысках»³.

Нетрудно себе представить, как преломлялись такого рода директивы в головах командиров отдельных воинских частей, к чему приводили «энергичные требования» и «тщательные поиски» обмундирования.

Разложение добрармии стало принимать угрожающие размеры. Высшее командование ВСЮР, пытавшееся ввести какую-либо «законность», было уже не в силах справиться с разгулявшейся стихией. В этом вынужден признаться и сам Деникин в своих «Очерках».

«Мы писали суровые законы, — пишет он, — в которых смертная казнь была обычным наказанием... Мы — и я, и военное начальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями, грабежа-

¹ ЦАОР, фонд 4016, дело № 1, лист 39.

² См. сборник Алексеева «Деникин—Юденич—Врангель», стр. 155.

³ ЦАОР, фонд 1487, опись 2, дело № 93, лист 9.

Деникин.

ми, обиранием пленных и т. д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды... Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам»¹.

Но незадачливый диктатор контрреволюционной добровольческой армии в своих исторических изысканиях обходит молчанием вопрос о том, как вело себя само командование и как оно боролось с погромами и убийствами. Можно совершенно свободно и смело сказать, что «битье хвостов», якобы критиковавшееся главным командованием ВСЮР, было повторением действий самого командования, издававшего «суровые законы».

Поведение киевских властей — и военных и гражданских — подтверждает это положение с необычайной наглядностью.

С первых же дней после занятия Киева генералу Бредову пришлось в официальном приказе констатировать и ведение в городе погромной агитации и ряд «насилий, чинимых над мирным еврейским населением»². В течение всего сентября власти сообщали о

наиболее вопиющих грабежах и насилиях над евреями, причем сообщалось лишь о тех фактах, которые невозможно было уже скрывать. Все эти извещения и приказы трафаретно заканчивались угрозами «привлекать к ответственности по всей строгости законов». Но угрозы оставались на бумаге: ни один из погромщиков не был наказан. Рост погромов начал принимать такие серьезные размеры, что приехавший в Киев в качестве главноначальствующего области бывший председатель «особого совещания» генерал Драгомиров в своем программном выступлении вынужден был уделить этому вопросу особое внимание. Но наряду с обещаниями репрессивных мер по отношению к погромщикам генерал потребовал от евреев, чтобы они «ясно и определенно» отмежевались от большевиков и полубольшевиков»³.

Вскоре генералу Драгомирову представился случай продемонстрировать перед всем Киевом свой способ борьбы с погромом.

В конце сентября в одном из предместий Киева — Слободке — был произведен очередной погром: разграблен ряд еврейских квартир и убито несколько человек.

По приказанию Драгомирова, семь погромщиков — фельдфебель и младшие унтерофицеры лейб-гвардейского егерского полка — были преданы военно-полевому суду, который и приговорил их к каторжным работам. Драгомиров усилил наказание до расстрела. «Это обстоятельство вызвало невероятное возбуждение всех русских людей», — писал он Деникину 29/IX 1919 г. «Посыпались десятки ходатайств о помиловании. Даже митрополит Антоний лично приехал за них просить»⁴. Гибкий судебный аппарат срочно нашел «новые свидетельские показания», не фигурировавшие на суде и якобы по-иному освещавшие деятельность погромщиков. И генерал Драгомиров, пытавшийся перед лицом населения разыграть роль грозного и беспристрастного судьи, отменил расстрел и передал дело на рассмотрение

¹ «Очерки русской смуты». Т. IV, стр. 95.

² Газета «Русь» № 11, 5/IX 1919 г.

³ Газета «Русь» № 40, 11/X 1919 г.

⁴ Деникин «Очерки русской смуты». Т. V, стр. 149.

Жертвы деникинских погромщиков на еврейском кладбище в Копаткевичи.

уже не военно-полевого, а обычного суда. И это не единственный случай, когда погромщики оставались совершенно безнаказанными.

В июле 1919 г. в Таганрог приехала делегация еврейских общин Екатеринослава, Харькова, Ростова, состоявшая из представителей крупной буржуазии, пред'явившая Деникину «меморандум» о еврейских погромах и издевательствах. Вместо «мира и правопорядка», которые буржуазная часть еврейского населения надеялась получить от классово-родственной ей добровольческой армии, «меморандум» вынужден был констатировать, что «во всех местах, куда только приходит добровольческая армия, произошло и сейчас происходит систематическое, более или менее окончательное уничтожение еврейского населения». Делегация просила Деникина «властным словом» остановить погром. И Деникин не нашел ничего более успокоительного, как подчеркнуть делегации, что он «не имеет никаких оснований относиться с симпатией к еврейскому народу». Но из «побуждений христианской морали и государственной целесообразности» он обещал принять меры к предотвращению насилий и погромов.

Та слепая ненависть ко всему, что не вкладывалось в рамки «единой и неделимой», то истребление всего, что

не желало и не могло объединиться под трехцветным знаменем «православия, самодержавия и народности», тот террор, которым сопровождалось каждое продвижение добровольческой армии, привели к полному крушению реставраторских идей добровольческой армии. Не помогло добровольцам и много раз испытанное царизмом средство разжигания национальной вражды между народностями России и переключение классовой борьбы на борьбу национальную.

«Когда проклятая царская монархия,— писал В. И. Ленин,— доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев»¹. Так остатки помещиков и буржуазии, доживающие свои последние дни на юге России, пытались отвлечь от классовой борьбы недостаточно сознательных рабочих и крестьян и переключить их «святую злобу» на погромы и насилия над одной из наиболее угнетаемых царизмом национальностей.

Но ставка деникинщины на разжигание межнациональной розни была бита. Украинский пролетариат и крестьянство под руководством коммунистической партии выступили против реставраторских попыток помещиков и буржуазии и вместе с еврейскими трудящимися боролись против деникинских банд, за установление и укрепление диктатуры пролетариата.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 203.

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА В ПРИАМУРЬЕ (1919 — 1920 гг.)

Воспоминания бывшего командующего партизанскими отрядами Приамурья и Сахалина

Партизанское движение в Приамурье, а впоследствии и в Сахалинской области возникло под непосредственным руководством хабаровской подпольной организации большевиков.

5 сентября 1918 г. Хабаровск был занят калмыковской бандой и интервентами. С первого же прихода белых приамурская партийная организация большевиков начала концентрировать свои партийные силы в самом Хабаровске, поставив своей основной задачей разоблачение перед трудящимися области авантюры атаманско-эсеровской власти и политики интервентов на Дальнем Востоке и в частности в Приамурье.

Конкретная цель состояла в том, чтобы взорвать атаманскую власть изнутри путем организации восстания хабаровского гарнизона и затем, прорвавшись в область, широко развернуть там партизанское движение против контрреволюции и интервенции, за восстановление власти советов. Восстание атаманского гарнизона было проведено хабаровской подпольной организацией довольно успешно, хотя вследствие вмешательства японцев большая часть восставших не смогла прорваться и ушла в расположение американского гарнизона, который и принял их под свою охрану.

После восстания гарнизона атамана Калмыкова контрразведка и японская жандармерия рыскали по всем угол-

кам города с целью раскрыть большевистскую организацию. Реакция настолько усилилась, что партийному комитету приходилось почти каждый час менять места пребывания работников комитета. Это обстоятельство, а также и то, что прорвавшаяся в область часть восставшего гарнизона осталась без руководства, побудили партийный комитет перенести на время работу хабаровского подпольного комитета в область, где и приступить к организации партизанских отрядов. В самом Хабаровске была оставлена только часть членов партийного комитета для дальнейшей революционной работы в городе и для связи с областью.

10 марта 1919 г. в деревне Соколовка, б. Полетеньской волости, Хабаровского района, подпольным комитетом был созван 1-й съезд трудящихся Приамурья. Этот съезд положил начало организации партизанского революционного движения против интервентов (японцев и других империалистов), за изгнание последних с территории Дальнего Востока и восстановление власти советов.

Для руководства партизанскими отрядами и защиты интересов трудящихся Приамурской области съезд избрал военно-революционный штаб, в состав которого вошли в числе прочих тт. М. Попко и Бойко-Павлов; несколько позже прибыли из Амурской области тт. Бессонов и Гнатенко. Под руководством этой организации и были созданы партизанские отряды Приамурья, под этим руководством и развернулась вся их славная боевая деятельность.

1

20 августа 1919 г. в деревне Алексеевке, Хабаровского района, реввоенштабом была созвана 1-я объединенная конференция партизанских отрядов и хабаровской подпольной организации.

В революционной практике приамурской организации алексеевская конференция занимает чрезвычайно большое место. Задачей конференции было подвести итоги вооруженной борьбы с интервентами и белогвардей-

щиной, восстановить регулярные связи с приморской, амурской и забайкальской партийными организациями, а также с сибирским партийным центром. Кроме того эта конференция должна была наметить новую тактику партизанской борьбы с японцами и белогвардейцами, с целью вовлечь широчайшие массы в революционное движение и нанести противнику сокрушительные поражения. Конференция дала директиву военно-революционному штабу—перейти от тактики отдельных налетов к прямому массовому наступлению партизанских отрядов на японские и белогвардейские гарнизоны по всей области, особенно на гарнизоны противника, которые расположены по железнодорожным и водным путям.

Конференция также установила правильное и четко организованное построение органов сельской революционной власти. Организация сельских ревкомов в каждом селе имела огромное значение для поднятия революционного самосознания трудящихся масс области и особенно большое влияние оказала на средняцкую часть крестьянства. После алексеевской конференции мы имели массовый приток средняцкой части крестьянства в ряды партизанских отрядов.

К ноябрю вся Приамурская область была покрыта густой сетью партизанских отрядов, вполне оформленных как боевые единицы (крупных и мелких отрядов было семнадцать¹). Все они были строго подчинены военно-революционному штабу как в военно-оперативном, так и в политическом отношении.

Усиленные боевые действия партизанских отрядов против японцев вызвали бешеное сопротивление последних. Японцы поставили перед собой задачу—занять все узловые пункты, ведущие к железной дороге и Хабаровску, с тем, чтобы лишить партизанские отряды источников снабжения продовольствием и военными припасами.

¹ В их число не входит Тунгусский отряд, оперировавший под руководством гг. Постышева и И. П. Шевчука. Этот отряд вследствие отдаленности от военно-революционного штаба (он был расположен на левой стороне реки Амура) оперировал самостоятельно.

Тов. Бойко-Павлов—командующий партизанскими отрядами Приамурья и Сахалина.

Непрерывные бои с японскими войсками—противником, более серьезным чем белогвардейцы,—разорение наиболее революционных сел, наконец, приближение суровых зимних холодов—все это требовало от революционного штаба изыскания новых методов борьбы и дополнительных материальных средств.

Эти трудности вызвали упаднические настроения среди отдельных, менее устойчивых командиров партизанских отрядов (И. Холодилов, Тряпичин) и отдельных членов военно-революционного штаба (Нина Лебедева). Испугавшись трудностей, они становились на путь сворачивания на зимний период сети партизанского движения по всей области.

Приостановка боевых действий партизанских отрядов и роспуск большинства их по домам фактически означали бы прекращение вооруженной борьбы с классовым врагом. А прекратить вооруженную борьбу с белогвардейщиной и интервенцией значило обречь революционно настроенные массы населения, сознательно иду-

щие за коммунистической партией, на полное истребление японским империализмом и отечественной контрреволюцией.

Хабаровская подпольная организация и военно-революционный штаб партизанских отрядов и расценили поэтому эти ликвидаторские настроения как прямое проявление влияния классового врага внутри рядов партийной организации.

Такого же рода вылазка классового врага, выразившаяся в стремлении ликвидировать партизанское движение как основную форму вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейщиной на Дальнем Востоке, имела место и в ряде других областей, в частности во владивостокской партизанской организации.

Приамурская парторганизация с целью дать должный отпор подобного рода вылазкам классового врага решила созвать 2-й областной с'езд трудящихся и представителей партизанских отрядов, на котором окончательно разоблачить перед трудящимися ликвидаторов партизанского движения, изыскать дополнительные средства и наметить новые пути для еще большего укрепления и развития револю-

Тов. Давидюк — командир партизанского подрывного отряда, пустивший под откос японский эшелон.

ционных вооруженных сил и их боевых действий.

К сожалению, созвать этот с'езд не удалось, ввиду того что японской жандармерией и контрразведкой атамана Калмыкова была раскрыта хабаровская подпольная организация большевиков. Вследствие допущенной хабаровской партийной подпольной организацией неосторожности в состав подпольного комитета пробрались два провокатора: Заварзин и Лапта,—через которых японцы и белогвардейская охранка узнали весь руководящий состав подпольной организации в Хабаровске и руководящий состав партизанских отрядов, а также расположение партизанских отрядов, базы их снабжения и место работы 2-го объединенного с'езда. Большинство членов хабаровской организации было арестовано и посажено в вагоны смерти. Зверскими пытками и экзекуциями разведка надеялась добыть у арестованных сведения о составе и о плане работ подготовлявшегося 2-го областного с'езда.

Японское командование направило в область до 10 экспедиций с заданием окружить район, где намечался созыв с'езда, и уничтожить всю организацию, руководящую партизанским движением.

Военно-революционный штаб партизанских отрядов был вынужден бросить все силы на защиту населения и наших опорных пунктов в области. Каждый бой с японцами требовал величайшего напряжения. Ввиду таких обстоятельств ревштаб решил отказаться от созыва 2-го с'езда и ограничиться созывом 2-й объединенной конференции.

2

Вторая конференция состоялась 2 ноября 1919 г. в деревне Анастасьевке (в 45—50 км от Хабаровска). Это была объединенная конференция партизанских отрядов и хабаровской партийной подпольной организации (на конференции все же присутствовали отдельные арестованные члены хабаровской подпольной организации, которым удалось бежать из вагона смерти).

Обломки пущенного под откос японского эшелона.

Конференция работала в чрезвычайно напряженной обстановке. Противник знал место работы конференции и неоднократно пытался проникнуть в деревню Анастасьевку. Но осуществить эту операцию японскому командованию не удалось по той причине, что в этот момент революционным военным штабом было отдано распоряжение партизанским отрядам усилить диверсионные действия в ночное время по линии железных дорог под Хабаровском.

В ночь на 2 ноября партизанский отряд под командой тов. Давидюка разобрал под самым Хабаровском (10 км от города) линию железной дороги и опрокинул под откос шедший из Владивостока в Хабаровск японский эшелон. Об этом крупном успехе красных партизан тов. Давидюк рапортовал 2-й приамурской конференции. Партизанскому отряду тов. Давидюка даже не было надобности открывать огонь по противнику, так как из японского эшелона почти никого в живых не осталось: 17 вагонов были в щепки разбиты. Здесь же, в этой операции, попался заправский палач атамана Калмыкова, некто Пискунов, который отличался особенным зверством при экзекуциях и расстрелял не одну сотню активных революционных работников и бойцов-партизан.

Японское командование направило по всем прилегающим к Анастасьевке дорогам специальные экспедиции. Об-

ходным путем, через деревню Матвеевку, была направлена смешанная кавалерийская экспедиция японцев и казаков.

По приказу революционного военного штаба против этой экспедиции выступил партизанский кавалерийский отряд под командой тов. Изотова.

В ночь на 3 декабря экспедиция противника в деревне Матвеевке была разбита наголову. Остатки экспедиции еле успели вернуться в Хабаровск.

В порядке дня 2-й областной конференции в Анастасьевке стояли три основных вопроса:

1. О дальнейшей перспективе развития партизанского движения.
2. Об изыскании материальных средств, особенно продовольствия. Приамурская область к этому времени ощущала большой недостаток в хлебе, и японцы, учитывая это обстоятельство, расставили заградительные отряды, для того чтобы не допустить вывоз хлеба из Хабаровска, что еще больше усугубляло продовольственные затруднения в области.
3. Перевыборы военно-революционного штаба партизанских отрядов Приамурской области.

Но конференции пришлось начать работу с внеочередного вопроса. Были получены сведения, что арестованная хабаровская подпольная организация во главе с тт. Луненко и Ждановым находится в вагоне смерти на станции Хабаровск. Конференция решила че-

рез подпольную железнодорожную ячейку прицепить вагон к маневренному паровозу и увезти его по направлению к Красной речке, где партизанские отряды тт. Изотова и Давидюка должны были освободить арестованных и доставить их в Анастасьевку на конференцию.

Несмотря на умелую и тщательную подготовку спасение арестованных, однако, не удалось, так как японская комендатура станции передвинула вагон, в котором находились арестованные, с прямой линии, ведущей к Красной речке, в тупик. Это окончательно разрушило наш план спасения смертников. В ту же ночь, на 3 ноября, три товарища (Жданов, Кудрявцев, фамилию третьего не помню) вылезли через люки вагона и бежали в расположение партизанских отрядов, в районы деревни Березовки и Красной речки. Из них в живых остался только тов. Жданов, остальные, бежавшие в более отдаленные деревни, будучи раздеты, замерзли в пути.

По первому вопросу—о перспективах дальнейшего развития партизанского движения—конференция наметила переброску части партизанских отрядов вниз по реке Амуру в Сахалинскую область, с тем чтобы поднять революционное население Сахалинской области на борьбу с японскими империалистами и белогвардейщиной за восстановление власти советов. Дав отпор оппортунистическим выступлениям некоторых товарищей, считавших этот план из-за больших морозов и снежных заносов невыполнимым, конференция дала конкретные директивы партизанским отрядам—достигнуть Николаевска к 1 января 1920 г., выбить оттуда японцев и белых, овладеть городом, его запасами продовольствия и другими ценностями. Эта операция имела исключительно важное значение, так как, по полученным сведениям, в низовьях реки Амура имелись большие продовольственные запасы, завезенные подрядчиками на лесоразработки и на скупку пушнины у инородцев.

Таким образом, вопрос об изыскании запасов продовольствия был разрешен.

В связи с задачей дальнейшего рас-

ширения партизанского движения—охвата всей Сахалинской области—конференция постановила увеличить состав военно-революционного штаба партизанских отрядов и изменить самую структуру революционного военного штаба. Военно-революционный штаб был избран в составе 9 человек. Я в качестве председателя и командующего партизанскими отрядами, тов. Попко—заместителем председателя—и членами штаба—тт. Бессонов, Нина Лебедева, Холодилов, Жуков, Гнатенко, Колчин и Ивин.

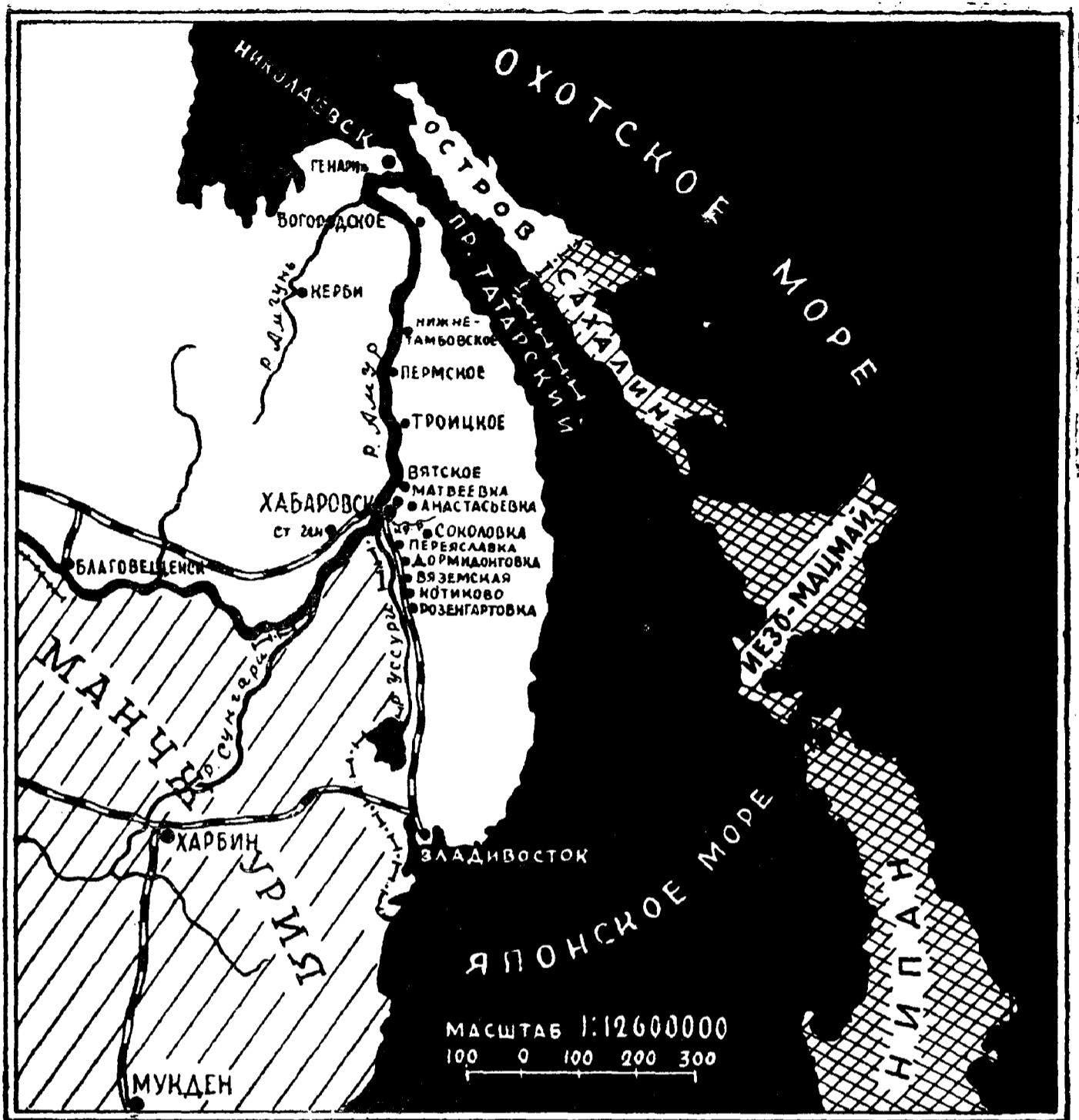
Революционный военный штаб имел следующие отделы: оперативный, формирования отрядов, вооружения, снабжения, медико-санитарный и отдел политического воспитания в большевистском духе бойцов, командиров отрядов и бедняцко-средняцкой массы крестьянства.

Революционный штаб партизанских отрядов Приамурской области был переименован в приамурско-сахалинский военно-революционный штаб. На конференции же было решено немедленно сформировать три партизанские экспедиции и направить их к Николаевску с заданием—по пути следования вовлекать в партизанские отряды революционную часть населения и в первую очередь рабочих золотых приисков. 5 ноября 1919 г. эти отряды во главе с заместителем председателя революционного военного штаба тов. Попко вышли в направлении к Сахалинской области.

Таким образом организовались два крупных боевых участка: хабаровский и николаевский.

Местом пребывания штаба для оперативного руководства партизанскими отрядами в обоих направлениях была избрана деревня Нижнетамбовск, которая находилась в центре между Хабаровском, Приамурской областью, и Николаевском, Сахалинской областью.

Анастасьевская конференция дала директиву военно-революционному штабу—взять на учет все продовольственные запасы в Приамурской и Сахалинской областях и перейти на строго нормированную систему снабжения населения областей по образцу, которая уже была введена в партизанских отрядах.

Район действия приамурских и сахалинских партизан

3

Решение 2-й анастасьевской конференции по вопросу об учете продовольствия по области и введении определенных норм снабжения было очень быстро учтено кулачеством. Кулаки и спекулянты начали усиленно прятать и продавать хлеб, тем самым оказывая большое сопротивление органам революционной власти на местах. Но кулацкая «политика» тут же потерпела крушение благодаря бдительности сельских ревкомов.

Последние, как только получали распоряжение революционного штаба

о взятии на учет основных видов продовольствия, сразу же приступали к учету хлеба, рыбы, мяса и картофеля. За игнорирование решений сельских революционных комитетов виновники предавались суду, а наиболее злостные саботажники подвергались конфискации имущества.

О громадном сочувствии населения революционной борьбе с японской белогвардейщиной говорит тот факт, что введение пайковой системы снабжения было осуществлено в течение 5—7 дней и без особого вмешательства военно-революционного штаба партизанских отрядов.

Это свидетельствовало также и о правильном классовом подборе состава

ва сельских ревкомов. В подавляющем большинстве председатели избирались из бедняков и лишь в редких случаях из середняков, доказавших на практике свою преданность революции.

Сельские революционные комитеты в период 1919—1920 гг. сыграли огромную положительную роль как в снабжении партизанских отрядов продовольствием, поставке лошадей для кавалерии, так и в области воспитания бедняцко-средняцких масс села в духе революционной законности, в духе советской власти. В каждом селе в лице сельревкома военно-революционный штаб имел своего верного и активного помощника.

В тех селах, где было большое за- силье кулаков, сельревкомам приходилось преодолевать большие трудности. Такими селами были: Вятское на реке Амуре, Троицкое, Вознесенское, Пермское, Нижнетамбовское, Богородское и др. Сельским ревкомам этих сел приходилось оказывать регулярную помощь, помогая выявлять кулацкие элементы и разоблачать их контрреволюционную деятельность.

После анастасьевской конференции штабу партизанских отрядов пришлось сразу же заняться переброской запасов продовольствия с низовья реки Амура на базы, расположенные по линии Уссурийской железной дороги, где усиленно развивались диверсионные действия партизанских отрядов: Брасловка, Веселый кут, Дормедонтовка, Вяземская и ряд других мест в направлении станции Иман. Вспоминается тот энтузиазм, с которым трудящиеся массы шли за коммунистической партией, их непоколебимая воля оказать всяческую помощь для достижения победы над классовым врагом. Вот отдельные характерные факты.

За одну ночь, с 7 на 8 ноября, было переброшено из деревни Вятское в Полетенскую, Князе-Волконскую и Переяславскую волости (расстояние 100 км) 200 000 пудов продовольственных грузов. Караван состоял из 500—600 подвод, растянувшихся на 30 км. Впереди каравана длинной вереницей шла команда партизанских саперов с топорами, пилами, лопатами и т. п., расчищая путь партизанскому транспорту по глубокой При-

амурской тайге. Ночь проходила незаметно, партизанская братва не чувствовала усталости.

Партизанское движение Приамурья значительно оживилось, боевые операции усилились. Нытики и оппортунисты не смели уже предлагать своих ликвидаторских планов. Три крупные партизанские экспедиции, посланные по решению анастасьевской конференции следом одна за другой в Николаевск, подняли новые массы рабочих золотых приисков и лесоразработок, бедняцкие и середняцкие слои крестьянства. Сотни и тысячи новых бойцов вливались в ряды приамурских партизан, уже до этого прошедших большую большевистскую школу и закаленных в многочисленных боях с японскими империалистами.

Амур связывал нас с неисчерпаемыми богатствами Сахалинской области, столь обильной продовольствием.

Для успешного занятия Николаевска революционный штаб предполагал послать дополнительно еще два крупных отряда. Но ровно через 10 дней тов. Попко (начальник экспедиции) сообщил, что людей, преданных советской власти, вступивших добровольно в ряды красных партизан, вполне достаточно, продовольствием и одеждой также обеспечены. Задача заключалась лишь в том, чтобы обеспечить стройную организацию и крепкое политическое воспитание вновь вливающихся в отряды бойцов.

Необходимо особо отметить ту крупнейшую помощь, которую оказывали партизанским отрядам национальные меньшинства (гольды, орочены, тунгусы и другие племена), обитавшие по берегам реки Амура и горных речек. Эти народности веками находились в кабале амурских купцов, спекулянтов и кулаков. Встречаясь с партизанскими отрядами, которые на своем пути уничтожали эксплуататоров и спекулянтов, они целыми семьями вливались в них, всячески помогая им чем только возможно.

Десятилетиями находились эти народности в рабском подчинении у китайских спекулянтов, которые обманым путем забирали в обмен на копеечную махорку, спирт и гниющую мануфактуру драгоценную пушнину, стоя-

щую сотни и тысячи рублей (соболя, выдры, лисицы, белки и другие виды пушнины). Эти сатрапы пытались через свои консульства восстановить свои права на эксплуатацию темных людей. Военно-революционный штаб получал от соответствующих консульств протесты против репрессий, которые штаб применял по отношению к китайским спекулянтам. Но революционная законность—неумолимая сила. Уничтожая эксплуатацию и изгоняя с обильными богатствами Амура всех спекулянтов, вне зависимости от их подданства, революционный штаб обобществлял имущество купцов и спекулянтов и передавал их в распоряжение партизанских отрядов.

Когда приамурские отряды достигли устья реки Амгуни, к ним из Керби (крупный золотопромышленный район) присоединился большой отряд рабочих-горняков численностью почти в полк (700—800 чел.).

Недалеко от Николаевска (на расстоянии 100 км) образовалась внушительная вооруженная революционная сила, противостоявшая японским империалистам и жалким остаткам белых банд. В это время отряд состоял уже из 3 полков и ряда вспомогательных команд. На николаевском боевом участке крупную роль играли лыжные команды, состоявшие в большинстве из гольдов, тунгусов и орочен. Это были природные лыжники и охотники, и надо прямо сказать, что именно эти лыжные команды сыграли решающую роль во взятии приамурскими партизанскими отрядами Николаевска. Это видно из следующего. На подступах к Николаевску надо было сначала овладеть крепостью Чныррах (или Ченари), находившейся в 12 км от Николаевска. Крепость была неприступна. Резервные части ее состояли исключительно из японских регулярных войск, командование которых не доверяло белым опорным стратегическим пунктам и держало их всегда в своих руках.

Поэтому понятно, что взятие крепости представляло для нас чрезвычайно трудную задачу. Но все же в ночь с 8 на 9 февраля 1920 г. мы взяли крепость. 100 лыжников, воспользовавшись снежным бураном, ночью

Тов. Титов — уполномоченный ревштаба по борьбе с японским и колчаковским шпионажем в низовьях Амура.

неожиданно окружили крепость и заставили японцев сдать крепость без боя.

Вскоре также без боя был взят нами и Николаевск. Как японское командование ни старалось «доказать» партизанским командирам, что по уставу японского императора недопустимо сдавать неприятелю занимаемую японцами территорию, а также и то, что весной, с навигацией они уедут обратно в Японию — все же японскому командованию пришлось 28 февраля 1920 г. сдать без боя Николаевск.

4

Одновременно с занятием Николаевска ревштаб усиленно форсировал боевые операции партизанских отрядов в Хабаровском районе, ставя своей основной задачей сжать железным кольцом банды атамана Калмыкова, оперировавшие в окрестностях Хабаровска и в самом городе.

Непрерывные налеты, а иногда и прямые наступления партизанских отрядов на хабаровский и другие гарни-

Отряд приамурских партизан-лыжников пробирается к крепости Ченари.

зоны, состоящие из белых и японцев, привели линию железной дороги между Хабаровском и станцией Иман в полную негодность. Движение поездов прекратилось. Только отдельным поездам, предназначенным для японцев удавалось изредка продвинуться из Владивостока в Хабаровск и притом только в сопровождении специального вооруженного отряда и специальной команды инженерно-технических частей, которые восстанавливали линию.

Под натиском партизанских сил начался массовый переход калмыковских частей в полном вооружении на сторону партизан, причем нередко эти части расстреливали своих офицеров (в дормидоновском гарнизоне, в Вяземском районе на реке Тунгуске и в других местностях).

Вражда между трудовым крестьянством и трудовым казачеством, искусственно насаждавшаяся и разжигавшаяся царским правительством, начала превращаться в дружбу и братство в процессе классовой борьбы под руководством коммунистической партии. Таким образом трудовое казачество как основная опора атаманской власти было не только потеряно ею,

но повернуло штыки против нее. Здесь раньше всего политическая ситуация окончательно сложилась в нашу пользу.

И поэтому ревштаб партизанских отрядов созвал в Вяземском районе на ст. Кукелево районный объединенный съезд партизанских отрядов, трудящегося крестьянства и трудового казачества. Основной задачей съезда было на платформе советской власти объединить трудящихся—рабочих, крестьян и уссурийское казачество,—избрав руководящий орган района—советы.

Съезд имел многочисленное представительство (до 100 чел.). Он создал органы пролетарской власти.

В начале января 1920 г. атаман Калмыков в Хабаровске задумал план своего бегства за границу—в Китай. Осуществлению этого плана мешали части 36-го полка, из которых некоторые, перебив в декабре своих офицеров, перешли на сторону партизан. В оставшихся частях 36-го полка к моменту бегства Калмыкова хабаровской подпольной большевистской организацией велась подготовка разгрома последних банд Калмыкова, в том числе

и самого атамана. Калмыков под предлогом молебствия повел части 36-го полка в Алексеевский собор без оружия, которое во время пребывания солдат в соборе было забрано дикой дивизией. Тем самым оставшиеся части 36-го полка были разоружены.

И тогда атаман Калмыков подверг эти части 36-го полка страшной экзекуции при помощи озверелого, пьяного офицерства. Сам Калмыков рубил организаторов подготовлявшегося восстания.

Партизанская петля на шее атамана Калмыкова все больше и больше затягивалась, и, чтобы прикрыть свое позорное бегство от революционного правосудия, атаман 12 февраля дал свой последний приказ, в котором передавал «всю полноту власти» полковнику Демешхану.

Полковник Демешхан, в свою очередь, боясь за свою судьбу, через 2—3 часа отдал приказ, что переданную ему атаманом Калмыковым «полноту власти» он передает городскому самоуправлению в лице городской думы.

13 февраля на рассвете, пользуясь благоприятными атмосферными условиями (в это время был большой туман), белые ограбили банк и казначейство, захватив до 30 пудов золота. Во главе отборных головорезов в составе 1 200 чел. эти бандиты успели бежать на китайскую территорию.

Безнаказанный уход банды Калмыкова из пределов советской дальневосточной территории зафиксирован в истории прошлых битв как одна из самых крупных тактических ошибок приамурских партизан и их руководства. Эта ошибка всецело вытекала из слабого освоения в тот период партизанскими отрядами и их командным составом военной тактики.

В 20-х числах февраля партизанские отряды Приамурья заняли Хабаровск. Таким образом, два форпоста японского империализма (Николаевск и Хабаровск) героическими усилиями трудящихся Приамурской и Сахалинской областей, под руководством ленинской партии были превращены в центры пролетарской власти, власти Советов на Дальнем Востоке.

**РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
СРЕДИ
ВОЕННОПЛЕННЫХ
В РОССИИ
1915—1919 гг.**

Великая Октябрьская революция раскрепостила вместе со всеми угнетенными и миллионные массы военнопленных, попавших в царскую Россию во время империалистической войны. Победивший Октябрь порвал цепи рабства, в котором держало военнопленных одинаково как царское правительство, так и после свержения самодержавия буржуазное Временное правительство Керенского.

Горячо и радостно встретили массы военнопленных русский Октябрь. Многие из них стали на защиту завоеваний Октября, организовавшись в революционные отряды интернационалистов; многие, вернувшись на родину, стали активными поборниками советской власти в своей собственной стране.

Большевистская агитация и пропаганда и партийная работа иностранных групп Российской коммунистической партии большевиков встретили живейший отклик в пролетарских и крестьянских массах военнопленных и создали в их среде самые благоприятные условия для широкого развития интернационалистского движения.

**Положение военнопленных
в царской России**

За четыре года империалистической войны было взято в плен на русском фронте около 2 млн. солдат. По точным статистическим сведениям того

времени, в числе военнопленных в России было 1 885 595 солдат и 77 146 офицеров. По национальности пленных австро-венгерцев было 1724 тыс., германцев — 187 тыс., турок и болгар 50 тыс.

Эта огромная масса жертв империалистической бойни — пролетариев и крестьян различных национальностей из воюющих капиталистических государств — была размещена в 410 специальных лагерях. Военнопленные работали на 839 военно-промышленных предприятиях Европейской и на 518 таких же предприятиях Азиатской России. Кроме того в ряде мест для военнопленных были устроены специальные «казенные мастерские». Таких мастерских было, по статистике того времени, в европейской части России 112, в Сибири и Туркестане — 59. Работали военнопленные также и одиночками у крестьян-кулаков, у кустарей и т. п. Таких одиночек насчитывались тысячи. Официальной статистикой они охвачены не были.

Надо сказать, что в начале войны (примерно до весны 1915 г.) в России никаких специальных лагерей для военнопленных не было. Военнопленных держали как скот в конюшнях и сараях, гоняли с места на место, не пускали ни на какую работу. Использование военнопленных как рабочей силы началось позже, когда количество попавших в плен жертв войны сильно возросло. И тогда в жизни военнопленных наступил период еще худшего угнетения. Царские законы фактически отдавали военнопленных помещикам и капиталистам в полное рабство.

В Прибалтийском крае, в Карелии, у Черного моря, на Дальнем Востоке, в Туркестане, в Бухаре, в Сибири, на Украине, на Кавказе — везде погнали военнопленных на подневольный, рабский труд. Они работали в лесах, в шахтах, в рудниках, строили железные и шоссейные дороги, рыли колодцы, работали батраками на помещичьих землях и т. д.

Чем дальше затягивалась империалистическая бойня, тем чаще проводились мобилизации рабочих и крестьян на войну и тем самым повышалась роль военнопленных как рабо-

Партия австрийских военнопленных в России.

чей силы, могущей заменить мобилизованных.

В 1916 г. призванных на войну по мобилизации русских рабочих и крестьян заменяли 1385 тыс. военнопленных, из них в сельском хозяйстве работало—545 тыс., на лесных и земляных работах—160 тыс., грузчиками—13 тыс., на рудниках—294 тыс., в сахарной промышленности — 60 тыс., на постройках железных дорог и каналов—169 тыс., строительными рабочими, поденщиками и кустарями—103 тыс., на разных прочих предприятиях — 41 тыс.¹

С военнопленными во всех капиталистических странах обращались хуже чем с колониальными рабами. Не имея никаких человеческих прав, полуголодные, они ютились в землянках и деревянных бараках, страдая от различных болезней и эпидемий, а в России еще и от непривычно сурового климата.

За счет жалких грошей, отпускавшихся на содержание военнопленных, наживались хищники лагерей: коменданты, смотрители и кулаки.

В ином положении находились

¹ По материалам архива Брандстрейма, хранящимся в архиве ЦДКА.

пленные офицеры. Их содержали в отдельных лагерях, им выдавали жалованье по чину—50 и больше рублей в месяц, о них заботились различные учреждения Красного креста. То была по преимуществу дворянская знать, близкая и родственная империалистам всех стран. А о солдатской массе царское правительство, как и правительства всех капиталистических держав, не только не заботилось, но не давало пленным солдатам даже мало-мальски человеческих условий существования.

Нередко можно было наблюдать, как прибывшие на какую-нибудь железнодорожную станцию большие партии военнопленных в 2—3 тыс. чел. в трескучий мороз в 30—40° по нескольку дней оставались на открытом воздухе, обутые в легкие брезентовые сапоги, одетые в легкие шинели. Десятки трупов находили в товарных вагонах, в которых перевозили пленных в Сибирь и в другие отдаленные места.

Лагери, где размещались военнопленные, не были похожи на человеческое жилье. Некоторые лагеря даже получили особые названия по признаку смертности. Так например

Тоцкий лагерь, находившийся между Челябинском и Кустанаем назывался «лагерем мертвецов». Подобные наименования имели лагеря в Сибири и в Туркестане.

Бесчеловечная эксплуатация военнопленных, жестокие условия работы, эпидемии, недоедание и, наконец, непривычно суровый климат уносили в могилу много тысяч жертв.

В Средней Азии некоторые лагеря целиком вымерли от эпидемии. В Сре́тенском лагере (Забайкальская область) в 1917 г. из 14 тыс. пленных умерло 11 тыс. В Канском лагере 1200 пленных были загнаны в конюшню, предназначенную для 30 лошадей. В течение только двух месяцев (март — апрель 1915 г.) в этой конюшне умерло 1120 чел.

По неполным официальным сведениям, от массовых эпидемий совершенно вымерло 52 лагеря.

Огромная смертность была и среди военнопленных, занятых на крупных постройках. Так, на постройке Мурманской железной дороги в районе Званки и Александровска, где работало 80 тыс. военнопленных, только от цынги, тифа и чесотки погибли десятки тысяч человек. Немногим лучше были и условия на постройке железной дороги Ачинск—Минусинск, в Туркестане, на земляных работах Уфа—Челябинск, на постройке шоссейной дороги Енисейско-Нифатьевских северных приисков, в Надеждинско-Ижевском бассейне, в Донбассе и т. д.

Революционная агитация и пропаганда

Одним из препятствий для внедрения интернационалистических идей среди военнопленных были националистические настроения, особенно характерные для военнопленных из крестьян и даже для части военнопленных из рабочих. Среди военнопленных было немало социал-демократов, которые всячески поддерживали эти шовинистические настроения. Коменданты лагерей со своей стороны также всячески старались разжигать среди военнопленных национальную рознь и шовинизм. Но с течением времени националистические настроения стали изживаться, и все явственней в

сознании широких масс военнопленных стала пробуждаться классовая солидарность, чему в значительной степени содействовала совместная работа военнопленных с русскими рабочими. Они вплотную видели тяжелую жизнь своего русского товарища, и это лишний раз убеждало их в том, что эксплуатация трудящихся одинакова во всех капиталистических странах.

Революционная пропаганда среди военнопленных, начавшаяся уже в 1915 г., делала для них все яснее цели империалистической войны. Военнопленные стали все более понимать, что от угрожавшей им гибели в плену они могут спастись только при условии быстрого окончания войны.

Беседы русских солдат с военнопленными большей частью затрагивали один общий для них вопрос: как отделаться от службы на фронте империалистической войны. Военнопленные советовали русским солдатам сдаваться в плен, объясняли им, как лучше пройти через фронт, давали адреса своих родственников, с которыми они могли бы связаться во время пребывания в плену и этим, быть может, улучшить свое тяжелое положение пленного. Эта агитация зашла так далеко, что отправляющиеся на фронт русские солдаты целыми группами приходили к военнопленным за советами. Они видели в военнопленных не врагов, а своих друзей и товарищей по несчастью.

Антивоенная агитация ширилась. Во многих лагерях под непосредственным руководством местных большевистских организаций уже в 1916 г. возникли лагерные партийные ячейки, развившие большую и систематическую партийную и политико-просветительную работу.

После Февральской революции массы военнопленных ожидали прекращения войны. Они слепо верили в то, что война скоро окончится и наступит час их освобождения.

Эти надежды очень быстро потухли. Лозунг буржуазного правительства Керенского «Война до победного конца!», продолжавшаяся бесчеловечная эксплуатация военнопленных, рас-

Угощение жителями пленных германцев.

поряжение нового правительства о том, чтобы военнопленные носили особые значки¹, запрещение тратить заработанные деньги на продукты питания и т. п. очень скоро раскрыли перед военнопленными истинный смысл Февральской революции. Начались побегі военнопленных. Один из побегов в Лайчевском лагере окончился расстрелом 48 военнопленных. Во многих лагерях: в Уфаленске, Саранске, Кургане, Омске, Красноярске—уже при новой власти устраивались погромы, сопровождавшиеся убийствами военнопленных.

Положение военнопленных, занятых на промышленных предприятиях, еще более ухудшилось чем при царизме. Начались забастовки военнопленных. Волна стачечного движения охватила огромную массу военнопленных (около полумиллиона).

Большевистские листовки и газеты проникали всюду. Военнопленные с энтузиазмом читали большевистскую литературу. В лагерях и на предприятиях, в которых работали военнопленные, организовывались большевистские инициативные группы, число членов которых увеличивалось с каждым днем. Все более укреплялась связь с

¹ Лоскут цветной материи, вшитый в рукав, или номер.

местными подпольными большевистскими организациями.

Вскоре начали выходить большевистские лагерные газеты на языках военнопленных, по преимуществу нелегальные. Особенно деятельная пропаганда велась в лагерях Омска, Иркутска, Красноярска, Сретенска, Томска, Читы, Москвы, Иваново-Вознесенска, Курска, Киева, Оренбурга, в Донбассе и на Урале.

Военнопленные в Октябрьской революции

С огромным энтузиазмом встретили военнопленные Октябрьскую революцию. Многие из них принимали в ряде мест активное участие в подготовке Октября, вступив в ряды Красной гвардии. На массовых собраниях происходило братание пленных с русскими рабочими. Затаив дыхание, слушали военнопленные большевистских ораторов. Измученные годами страданий в рабском плену, они горели ненавистью к эксплуататорам. Началась организация первых красногвардейских отрядов интернационалистов-военнопленных. В лагерях и на предприятиях избирались комитеты, посылавшие депутатов в советы.

Под руководством ленинской партии рабочие и крестьянские массы различных национальностей из лаге-

рей военнопленных взяли за оружие, чтобы совместно с русскими пролетариями завоевать и укрепить диктатуру пролетариата.

Красногвардейские отряды военнопленных были организованы в 400 пунктах России. В 89 городах были образованы из военнопленных красные роты, отряды, полки и даже целые дивизии. Многочисленные отряды военнопленных, особенно знавших русский язык, вливались в ряды борющейся Красной гвардии. Большевистская пропаганда все глубже проникала в широкие массы военнопленных, революционное движение среди них ширилось.

В 1918 г. в 12 городах были созданы партийные школы для военнопленных. Партийные курсы были открыты в Москве, Петрограде, Пензе, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Омске, Томске, Иркутске, Чите и Владивостоке.

18 марта 1918 г. немецкий министр иностранных дел фон-Буш потребовал отделения германских военнопленных от австро-венгерских ввиду крайней «зараженности» последних большевизмом, потребовал восстановления офицерства в правах, запрещения военнопленным устраивать съезды и конференции, запрещения свободного следования эшелонов с военнопленными обратно на родину и т. п. Генерал Гофман потребовал даже выдачи членов революционного центра военнопленных¹.

Для объединения движения интернационалистов и руководства им были созданы центральные органы. Так, в Москве возник Центральный совет Федерации иностранных рабочих, в Иркутске — Центральный комитет иностранных рабочих Сибири и затем губернские и уездные комитеты военнопленных почти по всей России. В апреле 1918 г. в Москве был созван всероссийский съезд революционных военнопленных.

На этом съезде присутствовало 250 делегатов от 500 тыс. военнопленных (без Дальнего Востока и Средней Азии). Тогда же в Иркутске состоялся всесибирский съезд со 150 делега-

тами от революционных военнопленных-интернационалистов почти всех лагерей и городских предприятий Сибири. Окружные съезды состоялись в Омске, Канске, Каинске, Екатеринбурге, Самаре и других центрах. Главнейшие решения этих съездов следующие:

1) активно поддерживать пролетарскую революцию;

2) немедленно создать школы и курсы для подготовки агитаторов;

3) подготовить военнопленных к революционной работе на родине в качестве авангарда социалистической революции на Западе;

4) вести широкую пропаганду с целью разложения среди немецко-австрийских, венгерских оккупационных войск и среди чехословацких легионеров;

5) организовывать партизанские отряды и оказывать им всемерную поддержку.

Таков был размах революционного движения огромной массы военнопленных во время Октября.

Интернационалисты - военнопленные взяли на себя задачу — организовать красную охрану лагерей и поддерживать в них порядок, зорко следить за контрреволюционными элементами, особенно за офицерством, и пресекать возможное со стороны этих элементов содействие контрреволюции, их связь с русской буржуазией.

Октябрьская революция отменила систему привилегий для буржуазных военнопленных, различие рангов, льгот отдельным национальностям и т. п. Все это нужно было проводить в жизнь. Вместе с тем перед движением интернационалистов стояла и другая задача — пресечь в корне стремления германо-австрийских империалистов вооружить военнопленных, для того чтобы использовать их против советской власти. Такой план у империалистов имелся. Это видно из контрреволюционной печати, которая открыто о нем писала. В истории венгерских военнопленных, изданной в Будапеште, читаем: «К сожалению, план вооружения и использования военнопленных не мог быть осуществлен вследствие революционного их настроения».

¹ «Архив интернационалистов», дело М. ЦДКА.

Военнопленные на постройке Мурманской железной дороги в 1916 г.

Интернационалисты-военнопленные в Сибири

В Сибири как и в Европейской России огромную организационную и руководящую роль в развитии революционного движения среди военнопленных играла большевистская партия.

Условия для проникновения в эти лагеря были здесь особенно затруднены.

Несмотря на это сибирским большевистским парторганизациям все же удалось охватить своим влиянием массу военнопленных по всей Сибири и Дальнему Востоку и мобилизовать их на борьбу за советскую власть, за осуществление большевистских лозунгов. Особенно много в этом отношении сделали такие опытные, с большой революционной закалкой товарищи, как Постышев, Боград, Зингер, Исааксон, Триллисер, Янсон, Шумяцкий, Вейнбаум, Шилов и др.

Наиболее крепкими партийные организации были в Иркутске, Красноярске и Чите.

В Красноярске в 1916 г. из военнопленных образовалась группа строителей. Спекулянт - предприниматель сделал попытку использовать этих военнопленных как дешевую рабочую силу для снижения зарплаты русским строительным рабочим. Нелегальному большевистскому комитету удалось побудить военнопленных энергично выступить против таких посяга-

тельств. Дело дошло до многодневной забастовки, из которой военнопленные вышли победителями.

Этот случай сильно способствовал дальнейшему революционизированию красноярских военнопленных.

Огромную работу среди военнопленных развернула большевистская организация и в Иркутске, где была установлена весьма крепкая связь военнопленных с местным партийным комитетом. Во время войны Иркутск из чисто торгового города превратился в довольно значительный центр военной промышленности. На фабриках и заводах вместе с русскими рабочими работали сотни пролетариев — военнопленных из центральных государств Европы.

Большевистскому комитету Иркутска удалось добиться того, что большие массы военнопленных приняли участие в демонстрации 1 Мая. Впервые улицы Иркутска огласились звуками «Интернационала» на языках народов центральных держав¹.

Только пропаганда большевиков привела к тому, что военнопленные осознали действительный смысл мировой войны, увидели в настоящем свете предательство социал-демократических вождей и стали на единственно правильный путь выхода из империалист-

¹ Стенографический отчет Штиллера. Архив ЦДКА.

ской бойни — превращения империалистической войны в гражданскую.

Подпольная работа среди военнопленных была связана с большой опасностью для жизни. Русские товарищи могли большей частью лишь несколько дней, чаще лишь несколько часов, оставаться на одном месте. Шпионы и провокаторы подкарауливали их на каждом шагу. Кочуя с места на место, большевики нередко попадали в руки белых. Так погибли в застенках контрреволюции после ужасных пыток гг. Боград, Зингер, Исааксон, Вейнбаум и Шилов.

В Восточной Сибири и на побережье Дальнего Востока весть об Октябрьской революции дошла до военнопленных лишь спустя несколько месяцев после Октября. Но военнопленные все же узнали о политическом и экономическом раскрепощении и уравнении их в правах с советскими гражданами.

В лагерях как и на фабриках и заводах военнопленные выбрали своих депутатов в советы. Управление лагерями перешло в руки военнопленных. Привилегии для военнопленных офицеров были отменены. Всякой эксплуатации военнопленных был положен конец.

Интернационалистское движение среди военнопленных начало разворачиваться и в Сибири. Военнопленные принимали самое активное участие в борьбе против контрреволюции и интервенции. Нельзя не отметить, что в Сибири и на Дальнем Востоке деклассированные элементы из военнопленных пытались использовать революционное движение интернационалистов для своих личных целей, а реакционные элементы вели открытую агитацию против интернационалистов. Отдельные группы интернационалистов попадали под влияние анархистов — провокаторов и авантюристов (Пережогин, Лавров, Глосс, Фербах). Но в целом движение находилось в крепких руках коммунистов, сумевших обеспечить руководство движением в интересах пролетариата.

Когда в середине 1918 г. революционные войска в Забайкалье потерпели тяжелые поражения и часть забайкальских войск должна была расфор-

мироваться, другая часть организовала партизанские отряды и ушла в тайгу Амурской области. Подпольная работа интернационалистов была перенесена в центры скопления военнопленных. Их работа шла главным образом среди чехословацких пленных. Последние, как известно, были использованы империалистами для борьбы против Октябрьской революции. Революционная работа интернационалистов-военнопленных среди чехословацких военнопленных немало способствовала быстрому распадению чехословацкой добровольческой армии.

Мобилизация военнопленных: немцев, венгерцев и революционных чехословаков — на работу в военной промышленности дала возможность продвинуть большевистскую разведку в глубь белогвардейских частей и в дальнейшем помогала также снабжать партизан оружием и боевыми припасами из арсеналов и таким путем укреплять партизанские ряды.

Почти во всех крупных районах, где были сконцентрированы военнопленные, существовали подпольные группы интернационалистов, которые были связаны с организациями большевиков.

В борьбе, которую русские крестьяне и их вооруженные партизанские отряды победоносно провели против колчаковских банд, интернационалистам-военнопленным принадлежит немалая заслуга. 20 декабря 1919 г. в Иркутске образовалась интернациональная дивизия, в Черемхове сформировались три отряда, которые 21 декабря 1919 г. присоединились к красному фронту, а в Красноярске 22 декабря 1919 г. интернациональная бригада вступила в ряды Красной гвардии.

Интернационалистов-военнопленных из Восточной Сибири можно было встретить на всех фронтах гражданской войны: на Дальнем Востоке, на Польском фронте, в боях против Врангеля и т. д. В войсковых частях ВЧК, в санитарно-эпидемических отрядах, в ударных бригадах для восстановления разрушенных заводов — везде интернационалисты были в числе тех, кто стоял на передовых позициях.

Военнопленные на полевых работах.

Лучшим доказательством международного характера пролетарской революции в России является то обстоятельство, что многие тысячи пролетариев самых различных национальностей отдали свою жизнь за дело укрепления пролетарской диктатуры, за победу социализма в Стране советов.

Международный классовый враг не смог также помешать военнопленным империалистской войны по возвращении на родину стать носителями идей коммунизма и активными борцами за претворение в жизнь великих заветов марксизма-ленинизма.

Ленин в своем докладе на VIII съезде РКП(б) сказал по этому поводу следующее:

«... Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев, и был организован целый ряд иностранных групп. Целые десятки членов

этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы и партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности невидной и в организационном отчете суммарной и краткой работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской Коммунистической Партии, как одной из ячеек Всемирной Коммунистической Партии»¹.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 128.

БОРЬБА ЗА ХЛЕБ

В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

**(накануне и в первые месяцы после
О к т я б р я).**

Сибирь с ее громадными продовольственными ресурсами еще в годы империалистической войны была главным поставщиком продовольствия в армию. В заготовку для нужд войны были втянуты и крупнейшие сибирские кооперативные организации, главари которых были тесно связаны с капиталистами стран Антанты, открывшими им значительные кредиты.

В 1917 г., особо к концу его, Сибирь, преимущественно Западная, стала почти единственным источником заготовок хлеба и другого продовольствия.

Ленин еще в период подготовки Октября неоднократно указывал на значение Сибири как важнейшего района снабжения революционной армии и восставшего пролетариата и предусматривал в своих планах использование сибирского хлеба, мяса и жиров после взятия власти пролетариатом.

В начале Октября в Сибирь был направлен тов. Шумяцкий с заданием — ускорить объединение советов Сибири.

Товарищи Сталин, Свердлов, направляя тов. Шумяцкого, подчеркивали, что победоносный исход социалистической революции в пролетарских центрах будет в значительной степени зависеть, помимо поддержки местными восстаниями, от умения организовать непрерывную присылку продовольствия. Эта задача возлагалась в первую очередь на Западную Сибирь, где запасы продовольствия еще не были ис-

черпаны. Поэтому западносибирские большевистские организации должны были уже в начале Октября быстро овладеть органами сбора и отправки продовольствия¹.

Указывая на громадное значение Сибири в продовольственном отношении для восставшего пролетариата, Ленин предупреждал также сибирских товарищей о том, что здесь они встретят особенно бешеное сопротивление меньшевиков и эсеров, которые с целью лишить рабочих Петрограда и Москвы и революционную армию хлеба, мяса и других видов продовольствия всячески будут препятствовать осуществлению большевистской продполитики². Так оно и было.

Сибирским большевикам в первые месяцы после Октября пришлось выдержать жесточайшую борьбу с саботирующими продорганами, в которых засели меньшевики и эсеры. Этому саботажу помогли предательские выступления Зиновьева и Каменева накануне и после Октября.

Поэтому первый продовольственный маршрут удалось отправить из Омска в Петроград только 5 января 1918 г.

1

Летом 1917 г. в Омске правительством Керенского был организован продовольственный комитет Западной Сибири и Урала с руководящим органом под названием «Краевой Совет» для регулирования и усиления продфуражных заготовок.

В руках этого комитета, в котором вместе с представителями буржуазной кооперации заседали меньшевики и эсеры, находилось в течение 4 месяцев до Октября и целого месяца после него все снабжение продовольствием пролетарских центров и армии. Напомним, что в Сибири переход власти к советам фактически осуществился лишь в начале декабря 1917 г.

Контрреволюционные продовольственные управы и краевой продовольственный совет доходили до подлинного издевательства над нуждающимися в хлебе пролетарскими центрами.

¹ Б. Шумяцкий «Сибирь на путях к Октябрю», стр. 89—90.

² Там же, стр. 34.

Характерен в этом отношении следующий факт. Вскоре после Октября в Красноярск прибыл из Петрограда нарком продовольствия И. А. Теодорович с целью добиться отправки хлеба в Петроград. Ответственный представитель губпродуправы, к которому обратился Теодорович, заявил, что принципиально не станет разговаривать с ним как с уполномоченным Совета народных комиссаров, что он может вести с ним деловую беседу только как с частным лицом... В результате губпродуправа «милостиво» согласилась послать в Петроград как подарок... пять вагонов продовольствия!

Ослабляя заготовку хлеба и отправку его на Запад, руководители общегосударственных организаций продовольственных заготовок в Омске, доставшихся нам по наследству от буржуазного правительства Керенского, все же не решались открыто заявить о приостановке отправки хлеба и другого продовольствия восставшим рабочим и на фронт армиям, поддерживавшим власть советов. Такая тактика контрреволюционных продовольственников была вызвана давлением рабочих и страхом перед возвращающимися в Сибирь измученными фронтовиками.

Продовольственники говорили, что принимают все меры к тому, чтобы помочь армии и населению голодающих районов, но в то же время омские газеты, находившиеся в руках меньшевиков и эсеров, перестали писать о недостатках продовольствия в европейской России и запестрели сообщениями о затруднениях с продовольствием в сибирских городах.

9 ноября под давлением масс и в результате бесчисленных требований, поступивших с фронта, из пролетарских столиц и центров и фабрично-заводских районов о присылке хлеба, в Омске было созвано заседание «объединенного комитета революционной демократии с краевым продовольственным советом, областной и городской продовольственной управой, представителями командующего войсками, гарнизонного и военно-окружного комитетов».

Очевидно, меньшевики и эсеры не на шутку испугались возможной расправы

Тов. Б. Шумяцкий.

возвращавшихся с боевых фронтов голодных солдат...

Накануне заседания «Революционная мысль»¹ в передовой призывала к увеличению заготовок хлеба... и писала: «Армия голодает. Это прозное напоминание должно быть всей революционной демократией ясно сознано. Фронт может быть революционным до тех пор, пока он сыт...»

На заседании присутствовали представители рабочих, разоблачавшие бездеятельность продорганов. Так например в газетном отчете² отмечено выступление железнодорожного рабочего Лошкарева. Сообщая, что на вокзале не выкупаются несколько сот кип мануфактуры, адресованной акмолинской продуправе, он требовал объяснения.

«Представитель киргизов, — читаем в том же газетном отчете о заседании, — протестует против обвинения киргизов в нежелании возить хлеб, говорит, что никаких нарядов на до-

¹ «Революционная мысль» № 43 от 9 ноября.

² Все сведения о ходе заседания взяты из отчета, помещенного в «Революционной мысли» № 46 от 25(12) ноября.

ставку хлеба киргизы не получали. Наоборот, во время ярмарки они сами организовались для доставки хлеба и все время возили хлеб по одной трети копейки. Оратор надеется, что через киргизские организации можно будет организовать доставку хлеба».

Создалось такое положение, что поневоле надо было выступать за усиление подвозки и отправки хлеба голодающим. И докладчик от краевого продсовета вынужден был сделать следующее заявление:

«Западная Сибирь является главным ресурсом снабжения фронта и тыла. В области имеется 130 миллионов пудов излишков урожая, которыми можно было бы удовлетворить потребности всей России в течение двух месяцев. Краевой совет осаждается телеграммами с Востока, из Ташкента, Верного и других мест, которые не предполагалось кормить, но в которых теперь начинается голодовка».

«За ноябрь наша область должна исполнить следующие наряды: для фронта нужно отправить 1 950 000 пудов, для нужд железных дорог: Пермской, Сызрано-Вяземской и др.— 1 200 000 пудов, по плановым нарядам для городов Европейской России— 2 600 000 пудов, для Пермской губ.— 1 300 000 пудов зерна и 700 000 пудов овса. Кроме того могут быть еще сверхплановые наряды. Всего за ноябрь должно быть вывезено 9—10 млн. пудов...»

Далее, докладчик, ссылаясь на «чрезвычайно неблагоприятные условия заготовки», на настроение крестьян, на отсутствие денежных знаков, на поздний санный путь, на отдаленность от железной дороги хлебосыпных пунктов, предупреждал, что за ноябрь вместо 15 млн. пудов вывезено будет 6 млн. пудов.

Более откровенно держался представитель акмолинской областной продовольственной управы, известный по Сибири меньшевик Гладышев А. Н.: он всячески старался доказать, что «управа делает все, что нужно».

Не успело собрание принять окончательное решение, как на помощь меньшевикам и эсерам пришло известие из Самары о предательских выступлениях Зиновьева и Каменева в

ЦК РСДРП(б). Это сообщение было тут же передано в зал заседания объединенному комитету. Сообщение гласило, что «из Центрального комитета рабочих и солдатских депутатов вышли левые эсеры и объединенные интернационалисты. Из Центрального комитета партии большевиков вышли Каменев, Зиновьев, Милютин, Ногин, Луначарский, протестуя против тактики Ленина, против его политики непримиримости, в которой ушедшие видят гибель для завоеваний пролетариата». И те и другие требуют соглашения с остальными социалистическими партиями.

«По самым последним сведениям, — говорится далее в сообщении, — ушедшие вновь возвратились в Центральный комитет большевиков для борьбы с политикой левого большевистского крыла внутри. Среди руководящих пролетарских кругов раскол». «Продовольствия в Петрограде на три дня. Теперь там выдается по $\frac{3}{8}$ фунта хлеба на душу». «В Самаре съезд рабочих и служащих Самаро-Златоустовской железной дороги по вопросу организации власти стал на позицию Всероссийского исполнительного комитета рабочих и служащих железных дорог. В Петрограде и в Москве спокойно. Каледин осаждает Саратов».

Эти сообщения были восприняты сибирскими хлебозаготовителями как сигнал для открытого выступления против советской власти. Они сразу приободрились, осмелели, заговорили нагло, полным голосом контрреволюции.

Первым выступил эсер Быстрицкий, указавший, что «дело теперь не в работоспособности продовольственной управы, а в той анархии, которая идет в стране уже 10 дней».

И «далее этот оратор, — читаем в газетном отчете, — говорит об опасности, которую может принести приказ комиссара продовольствия тов. Теодоровича о понижении цен на хлеб». Оратор видит выход только в скорейшем создании власти и упрочении правопорядка в стране.

«Ввиду того, что краевым советом и акмолинской продовольственной управой приняты все меры к успешному выполнению нарядов, собрание

решает, что никаких больше мер в ближайшие дни предпринимать не нужно. Заседание закрывается в 2½ часа ночи».

Так, в значительной степени благодаря предательскому выступлению Зиновьева и Каменева сибирским эсерам и меньшевикам удалось сорвать план снабжения хлебом пролетарских центров и революционной армии.

Штрейкбрехерство и дезертирство Зиновьева и Каменева в Октябрьские дни были словно по заказу контрреволюции..

Знаменательно, что классовые враги пролетариата тотчас подхватили декларацию Зиновьева — Каменева и др. К их услугам был готов контрреволюционный Викжель с прямыми телеграфными проводами. «Сообщение» с молниеносной быстротой было передано на места заготовки хлеба. Враги советской власти сначала промахнулись, направив «сообщение» в Самару. Самарская продуправа уже не поставляла продовольствия, и ее представители находились в Западной Сибири, стараясь для Самары получить хлеб из Сибири. Самарские контрреволюционеры быстро исправили ошибку петроградских собратий: передали сообщение по прямому проводу в Омск, откуда пролетарские центры ожидали продовольственную помощь, а омский железнодорожный телеграф моментально, ночью протелефонировал «сообщение» на заседание объединенного комитета.

После оглашения этого «сообщения» дезорганизаторские и вредительские действия меньшевистско-эсеровских продовольственников находят себе более твердую почву.

Меньшевистско-эсеровский «объединенный комитет революционной демократии» рассылает по всем городам Западной Сибири провокаторскую телеграмму, в которой «категорически требует немедленного соглашения центральных органов революционной демократии и центральных комитетов социалистических партий, организации центральной власти и немедленного создания центрального правительства на основе полного соглашения. Органы демократии, учреждения и продовольственные организации, — вызывают

меньшевики и эсеры, — при наличии распада всего государственного механизма не могут работать и лишены возможности поддерживать голодающий фронт, Петроград, Москву и другие города голодающих губерний; нет денежных знаков для закупки хлеба; нет подвоза хлеба к линии железной дороги; грозное положение фронта, столиц всей страны, рост контрреволюционного движения и неисчислимые опасности для дела революции требуют немедленного разрешения вопроса о власти созданием однородного социалистического правительства»¹.

В ответ на эту контрреволюционную декларацию западносибирские советы рабочих и солдатских депутатов усилили работу по подготовке захвата власти. К 1 декабря был созван в Омске III западносибирский съезд советов, после которого в половине декабря уже по всей Западной Сибири под руководством большевистских организаций установилась советская власть.

2

III западносибирский съезд советов в значительной степени явился учредительным съездом по выработке принципов проработы и организации, или, вернее, большевистского обновления всех продорганов Западной Сибири и прежде всего краевого продсовета.

Уже на съезде в ответ на попытку дезорганизаторского выступления мешечников был объявлен суровый приказ мешечникам — немедленно оставить пределы Западной Сибири — с предупреждением о строгом наказании при неповиновении. На съезде же было разъяснено, что для упорядочения заготовок и увеличения продовольствия голодающим районам в помощь крайсовету останутся представители продовольственных и военных организаций Европейской России.

Несмотря на существовавшие трудности телеграфной связи руководители съезда регулярно осведомляли Совнарком по прямому проводу о направлении работы съезда и конкретно о работе продовольственной секции. На

¹ «Революционная мысль» № 49 от 29(16)X 1917 г.

четвертый день с'езда, 7 декабря 1917 г., В. М. Косарев доложил с'езду во вночередном заявлении следующее: «Я и командующий войсками имели сейчас разговор по прямому проводу с народным комиссаром продовольствия, в результате которого краевому продовольственному совету переведено 10 млн. руб., из них 3 млн. на заготовку сена. Для дальнейших расходов на заготовки будут переводиться суммы из кредитов министерства. Комиссар одобряет планы продовольственной секции с'езда, заявляя, что с'езд стал на правильный путь разрешения продовольственных вопросов, так как начинается усиленный саботаж. На том месте, где стали обсуждать меры борьбы с саботажниками, разговор был прерван... Возобновление разговора ожидалось более часа, но таковой не возобновился, кто-то намеренно мешал правильному действию аппарата»¹.

Как бы в дополнение к этому весьма важному и умышленно прерванному контрреволюционерами разговору руководителей омского с'езда со Смольным председатель продовольственной секции Воеводин в последний день с'езда сообщил о своем разговоре с военным комиссаром по военным делам тов. Подвойским.

Воеводин привел следующие выдержки из разговора: «Товарищ Подвойский сообщил: Каледин и Рада отрезали Западные и Северные армии и центр России от хлеба и топлива. Только Сибирь может спасти страну и армию от наступившего голода. В дни голодного стояния армии на фронте общеармейский с'езд по продовольствию требует и умоляет все организации Сибири взять на себя снабжение Северной и Западной армий. Из вашего округа должно быть отправлено не менее 150 вагонов маршрутными поездами пассажирской скоростью. Порайонные (ж.-д.) комитеты должны напрягать все усилия, должны собрать все вагоны и паровозы для продовольствия на фронт. Убереечь армию и спасти фронт при создавшемся положе-

нии может только Сибирь. Верховный главнокомандующий посылает в ваше распоряжение части, которые помогут устранению закупорки транспорта, погрузке и конвоированию продовольствия»².

Меньшевистско-эсеровские продовольственники в это время организовали саботаж: они свертывали заготовки, а местами, в районе Новониколаевска (теперь Новосибирск), взяли с пристанционных сыпных пунктов хлеб обратно. Омская уездная продуправа, ссылаясь на недостатки денежных знаков, запретила прием сыпными пунктами хлеба. 25 ноября, перед открытием III западносибирского с'езда советов, омская уездная продуправа разбазаривала имеющиеся запасы, отпустив через атаманскую продуправу одному только пригороду 56 758 пудов муки и 23 тысячи пудов отрубей³.

К половине декабря саботаж достиг высшей точки. Старые продовольственники вместе со служащими прекратили работу. Большевики, избранные в новый состав крайсовета, акмолинской, омской и других продуправ, очутились перед опустевшими канцеляриями и должны были формировать новые штаты сотрудников, ведя одновременно упорную борьбу с саботажем на железной дороге, и т. п.

Чем сильнее был саботаж, тем с большим энтузиазмом при содействии советов рабочих и солдатских депутатов, взявших в свои руки власть, под руководством большевистских организаций и под постоянным наблюдением и инструктированием из Смольного новые руководители продработы налаживали возложенную на них чрезвычайно трудную и ответственную и вместе с тем почетную продработу.

Перед ними стояли следующие конкретные задачи: 1. Осуществление хлебной монополии с твердыми заготовительными ценами франко станция и пристань. 2. Ликвидация мешечничества. 3. Усиление транспорта. 4. Охрана железных дорог и продовольст-

¹ Протоколы III западносибирского с'езда советов, стр. 33.

² Протоколы III западносибирского с'езда советов. Последнее заседание.

³ «Революционная мысль» № 56 за 1917 г.

Группа членов 1-го состава продовольственно-экономического краевого совета Западной Сибири (слева направо): Г. Дронин, Резвиченко, П. Воеводин, Б. Монастырский.

енных грузов. 5. Проведение в жизнь советского плана, а именно: организация продовольственных комитетов, краевого продовольственного комитета, созыв экстренного съезда краевых объединений и Всесибирского продовольственного съезда. Частники были сняты с хлебозаготовок.

В краевой продовольственный экономический совет на III западносибирском съезде советов были избраны большевики: Воеводин, Смокотнин (Томск), Ненашев (Барнаул), Горюков (Омск), Дронин (Новониколаевск), левый эсер — теперь член ВКП(б) — Монастырский (Томск), меньшевик-интернационалист — теперь член ВКП(б) Беркутов (Омск). Одно место было дано представителю Прииргарья; одно место представителю Енисейской губернии; кандидатами были избраны — Резниченко (большевик) и Староверов П. П. (левый с.-р., потом член ВКП(б)).

Началась ожесточенная борьба за хлеб, борьба со спекуляцией и мешечничеством, разоблачение кооператоров, расслоение их.

Хлеба более всего удалось получить

в местах, заселенных переселенцами-крестьянами, переселившимися в Сибирь после революции 1905 г.

Тотчас после приема дел старого краевого совета новые руководители обратились к населению со следующим воззванием:

«Братья крестьяне и казаки, теперь дело завоевания революции в ваших руках. Хотите вы, чтобы вас снова гнали на бойню, хотите вы, чтобы снова вернулось ярмо помещичьей власти, хотите вы, чтобы голодная армия кинулась беспорядочными толпами за хлебом, разрушая все на своем пути?»

Если вы всего этого хотите, то прячьте хлеб, задерживайте его, пока он не сгниет, а голодным припасайте камень, готовьте голодную, ужасную смерть, а там придут Каледины и заберут всех в свои ежовые рукавицы.

Вы знаете, что среди хлеборобов имеются крупные богатеи, которым все равно, погибает страна или нет, лишь бы им продержат хлеб до хорошей цены. Содействуйте тому, чтобы никто не скрывал крупных запасов хлеба, иначе армия, доведенная до отчаяния, придет сама и кулаками и штыками заставит их отдать излишки хлеба голодным.

Теперь вы сами должны выбирать для управления вашими делами надеж-

ных людей, защищающих беднейшее население. Теперь во всех комитетах должны быть только верные защитники крестьян, рабочих и солдат; не место в народном управлении — в советах депутатов — богатым, кулакам и мироедам.

Только вы сами сможете сделать все: наладить подвоз хлеба, доставить его на ссыпункты, сдать его к отправке под охраной солдат, присылаемых сюда с фронта.

Идите же, братья крестьяне и казаки, на защиту родины и революции! Голодная армия, ваши братья — голодающие крестьяне — ждут вашей скорой помощи.

Краевой продовольственный совет съезда рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири»¹.

Руководство губернских продорганов в Западной Сибири с переходом власти к советам стало быстро обновляться.

Огромную помощь сибирским большевистским продорганам оказывали делегаты продорганов Европейской России. До Октябрьской революции при крайсовете был создан из представителей голодающих мест так называемый «делегатком», превратившийся в подлинное гнездо темных дельцов и спекулянтов. «Делегатком» получал продовольствие по нарядам центра. Это гнездо использовалось классовыми врагами, превратившими его в штаб контрреволюции. Всем этим «делегатам» было предъявлено требование — представить с мест полномочия советов. Однако обновление проходило чрезвычайно медленно. И только с приездом из Смольного и Москвы гг. Ильмер, Шлихтера, Григория Усиевича и Бадаева была полностью вскрыта и ликвидирована деятельность контрреволюционного омского «делегаткома»².

Особо трудно было сломить скрытый саботаж на железнодорожном транспорте и очистить Западную Сибирь от основной массы мешечников.

¹ «Революционная мысль» № 74 от 19/XII (1/I 1918 г.).

² В апреле 1918 г. в Омск прибыла делегация центра во главе с А. Г. Шлихтером и Г. А. Усиевичем, при активном участии которых проведен краевой продовольственный съезд.

В первые месяцы хлебозаготовки велись в значительной степени ощупью.

При наличии на станциях Западной Сибири большого количества хлеба все же лишь к 5 января 1918 г. удалось организовать и отправить с надежной охраной при пулеметах первый маршрутный поезд в Петроград.

Чтобы продвинуть дальнейшие хлебные грузы по железной дороге, краевому совету пришлось направить в Совнарком следующее донесение, доставленное Ленину сопровождавшей маршрут делегацией уральского совета:

«Посылаем вам маршрутный поезд с хлебом. Просим вас этим же поездом отправить нам в Омск, кроме обещанных вами мануфактуры и металлических изделий, денежных знаков в возможно большем количестве.

Ставим вас в известность, что с 13 декабря Омская железная дорога не перевозит продовольственных грузов на Запад, а также не производит погрузку в этом направлении хлеба и др. продуктов. В ожидании отправки более тысячи вагонов с продовольствием стоит на Омской дороге. Администрация дороги ссылается, что следующие дороги не принимают от Омской вагонов.

Викжель никаких мер к упорядочению продвижки с Омской дороги вагонов на Запад не принимает, и даже нам от имени Викжеля поступил запрос, почему мы не отправляем хлеб, тогда как груженные хлебом вагоны ждут отправки.

Просим вас назначить чрезвычайную комиссию для расследования загадочного этого явления».

Под донесением были подписи председателя краевого совета Воеводина и членов его Горшкова, Смокотнина, Монастырского и Дронина.

Ленин на донесении наложил резолюцию о необходимости «архивно помочь этим людям» («Ленинский сборник», XVIII, стр.

Такова краткая история первого этапа борьбы за хлеб в Западной Сибири. Она крайне поучительна и много говорит о тех условиях и той обстановке, в которой протекала и дальнейшая борьба на этом фронте в Сибири. Но это уже тема самостоятельной статьи.

Б. Греков

БЫЛА ЛИ ДРЕВНЯЯ РУСЬ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ?

1

«Только та форма, в которой прибавочный труд выжимается из рабочего, отличает экономические формации общества, общество рабства от общества наемного труда»¹ «Общество рабства», или, иначе, рабовладельческое «античное» общество, и есть такой общественный строй, в котором рабство стало господствующим способом производства. Но не всякое рабство есть «античное» рабство, не всякое рабство означает наличие рабовладельческого общества.

Восточно-европейские племена, образовавшие в IX в. Киевское государство, очень хорошо знали рабство с древнейших, известных нам времен. Рабов здесь было много, отсюда их часто и в больших количествах вывозили на восточные, юговосточные и западные рынки. Эти факты настолько ярко бросаются в глаза каждому при первом же ознакомлении с историческими источниками, что невольно возникает вопрос, не было ли и восточнославянское общество в дофеодальный период своей истории обществом рабовладельческим.

Нужно сказать, что этот важный вопрос в нашей литературе уже поставлен, но решается он по-разному.

Например в недавно опубликованной работе И. И. Смирнова «О гене-

зисе феодализма» автор, рассматривая проблему чисто теоретически, приходит к выводу, что рабовладельческий строй есть неизбежная стадия в развитии каждого общества. Автор аргументирует свое положение следующим образом:

«1. Классы возникли до феодализма. 2. Господствующий класс дофеодального общества создал уже аппарат для угнетения эксплуатируемого класса и использовал государство как свое орудие в процессе генезиса феодализма... Моментом, определяющим структуру этого общества, является наличие в нем рабства.... Поскольку эксплуатация рабов является основным источником могущества господствующего класса, постольку мы имеем полное право сказать, что перед нами общество рабовладельческое»².

Нужно, однако, сказать, что несмотря на некоторую поддержку, которую это мнение иногда встречает у историков, такая трактовка вопроса далеко не находит общего признания. Можно даже без преувеличения сказать, что большинство исследователей смотрит на этот вопрос иначе. Не отрицая, что рабовладельцы и рабы есть первое деление общества на классы, они не считают рабовладельческую формацию необходимым этапом в развитии каждого общества. Следуя указаниям Энгельса, они видят в германском обществе пример того, как применявшееся в нем рабство не развилось до такого состояния, когда оно могло бы образовать рабовладельческую формацию подобную греческому или римскому обществу. Германцы «не довели у себя рабства до его высшего развития, не превратили его ни в античное трудовое рабство, ни в восточное домашнее рабство»³. Сторонники этого взгляда в таком же смысле рассматривают и историческое развитие восточного славянства.

Восточнославянское рабство не выросло, не развилось до подлинной си-

² «Проблемы истории материальной культуры» № 3—4, стр. 38—45. 1933 г.

³ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 158. Партиздат, 1932 г.

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 88. Изд. 1923 г.

стемы рабовладельческого хозяйства. Первому периоду классового общества, по мнению И. И. Смирнова, соответствуют два уклада: рабовладельческий и общинный. Но у восточных славян дальнейшая эволюция этого неустойчивого равновесия двух укладов заключалась в разрушении соседской общины и образовании феодалов-землевладельцев, с одной стороны, и крепостного зависимого населения — с другой. Ведущим процессом здесь был процесс феодализации.

Был ли рабовладельческий «уклад» остатком разрушающейся рабовладельческой формации или только лишь патриархальным рабством, игравшим служебную роль, роль вспомогательного средства превращения общинной собственности в феодальную и некоторой части свободных общинников в феодально зависимых (*hörige*, или *leibeigene*)—разрешение этого вопроса в отношении восточнославянского общества мы найдем при разборе конкретного материала. Теоретически, во всяком случае, ясно, что совсем не обязательна рабовладельческая формация как одна из необходимых ступеней в развитии каждого общества. Ленин в лекции о государстве говорил о переходе общества «от первобытных форм рабства к крепостничеству»¹, т. е. рабовладельческую формацию не считал обязательной.

Никоим образом нельзя забывать, как представляли себе это дело создатели учения об общественно-экономических формациях. Энгельс считал, что рабский способ производства в качестве господствующего появился в итоге сравнительно длительного периода развития общества: «Для того чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств». Классические страны античного способа производства приобрели эти специфические свои особенности не в первый период истории классов, а значительно позднее. «Греция еще в героические времена вступает в историю уже разделенная на классы... но и в ней значительнейшая

часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами... Италия была обработана по преимуществу крестьянами; когда же в последние времена римской республики крупное землевладение, латифундии, вытеснили мелких собственников — крестьян и заменили их рабами, они в то же время заменили земледелие скотоводством и разорили Италию»².

Перед нами стоит задача—проследить по источникам тот строй восточных славян, который предшествовал феодализму. Главнейшими письменными источниками для разрешения этой проблемы являются летопись и «Русская правда», которые в сочетании с данными памятников материальной культуры способны осветить нам эти спорные стороны общественной жизни восточных славян древнейшего периода.

Летописец совершенно определенно говорит, что славяне задолго до составления «Повести временных лет» (середина XI в.) жили родовым строем.

Старейшее упоминание о восточнославянском роде встречается в недатированной части «Повести временных лет», где заключены сведения, неясные для самого автора «Повести». Он пишет, что поляне «живяху каждо с своим родом на своих местах, владеюще каждо родом своим»³, т. е. поляне жили независимо каждый род на особом месте. Дальше летописец еще раз ссылается на это место своего труда: «Поляном же, живущим о себе, якоже рекохом» (полянам же живущим отдельно, как мы сказали). Тут род есть форма общественных отношений, хотя и не раскрытая перед нами в своем содержании.

Из дальнейшего, однако, выясняется, что материнский род здесь исключается, что, следовательно, речь может идти только о патриархальной семейной общине. О женском роде у славян в летописи нет ни звука, несмотря на то что летописец знает о существовании матриархата и многомужества, т. е. групповых браков у других народов. У полян летописец подчеркивает наличие моногамной

² Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 114, 126. Изд. 1933 г.

³ Лаврентьевская летопись. Изд. Арх. Ком., стр. 8. 1910 г.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 367.

семьи. Если не моногамная в полном смысле слова, то во всяком случае парная семья несомненна, по сообщению летописца, даже у тех славянских племен, которых автор «Повести» склонен считать более отсталыми, живущими, по его выражению, «зверинским обычаем». Но моногамная семья — это уже могила родового строя.

И не случайно летописец нам ничего конкретного о родовом строе не сообщает: он родового строя среди основной массы славянства уже не застал. Самый термин «род» он употребляет приблизительно в шести значениях: 1) совокупность родственников, 2) каждый из них, 3) соотечественник, 4) племя, 5) целый народ, 6) династия. Что касается термина «семья», то он употребляется совершенно буквально в том же смысле, что и латинская familia, — домочадцы, рабы, челядь, т. е. говорит нам о единовластии мужчины, о патриархальной семье, существенными чертами которой являются включение в состав семьи несвободных и отцовская власть.

Автор «Повести временных лет» также смутно помнит время существования отдельных племен. Он знает лишь территориальное объединение отдельных частей восточного славянства: в большинстве этих областей население состояло из разных племен. Это тоже очевидный признак разрушения родового строя. Частная собственность на землю, наследственность власти, индивидуальная ответственность за преступления, достаточно оформившаяся налоговая система — все это говорит о классовом обществе и государстве. Родовой строй мы можем наблюдать здесь только в отдельных пережитках. Мало того, «Русская правда» дает нам достаточно ясные указания на то, что и домашняя патриархальная община уже успела в итоге своего распада превратиться в сельскую общину, или марку. Патриархальная домашняя община была «переходной» ступенью, из которой развилась сельская община, или марка, с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахот-

ной земли, но «леса, выгоны и воды оставались общими» еще долгое время спустя. «Для России такой ход развития, по мнению Энгельса, представляется вполне доказанным»¹.

«Вервь» «Русской правды» Энгельс считает большой семейной общиной², но, само собой разумеется, не в статическом, застывшем виде. Эта вервь, так сказать, на наших глазах прорывается своей эволюцией, сохраняя в то же время свое наименование. Для точности необходимо указать на то, что термин «вервь» употреблялся далеко не на всей восточнославянской территории. Север, повидимому, не знал верви и с древнейших времен пользовался термином «мир», переживший века и дошедший до XX в. Древнейшая «Русская правда» — новгородская, северная — знает «мир»: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познает в своем миру...» (Если кто украдет чужого коня, или оружие, или одежду, и хозяин пропавшей вещи узнает свою вещь «в своем миру...») (стр. 12). «Правда Ярославичей» первой половины XI в. и «Пространная правда» (конец XI и начало XII в.) говорят только о «верви», вводя в то же время и новые термины, в древнейшей «Правде» отсутствующие: «град», «земля» (в смысле территориальной единицы).

«Аще кто конь погубит или оружие или портно... а... познает в своем граде»³. (Если у кого пропадет конь, или оружие, или одежда и он опознает «в своем граде»). Едва ли может быть сомнение в том, что северный «мир» оказался более живучим чем южная «вервь», успевшая раньше северного «мира» пройти весь путь своего развития. Источники позволяют нам наблюдать некоторые этапы этого пути. Я имею в виду «Правду Ярославичей» и «Пространную правду». На основании этих источников мы, прежде всего, имеем возможность ознакомиться с сущностью «мира» — «верви». Указания «Правды» об общей ответственности верви за убийство в случае обнаружения мертвого

¹ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 142 и др. Изд. 1933 г.

² Там же, стр. 59.

³ Карамзин список, ст. 29.

гела на ее территории и ненахождение убийцы ясно говорят нам о том, что вервь имеет свою очерченную границу территории и свидетельствует о связанности членов верви общими обязанностями и интересами. Если же убийца обнаружен, то ответственности подлежит именно он, а не члены общины. Об этом закон говорит совершенно ясно: «Платити... 80 гривен убийцы, а людям не надобе» («Правда Ярославичей», стр. 18). Повидимому перед нами вскрывается отмирающая—вернее уже отмершая старина,—время, когда за убийство отвечал весь коллектив.

Если мы обратим внимание на то, что «Правда Ярославичей»—это сборник законоположений, касающийся, прежде всего, княжеской вотчины, то для нас станет совершенно ясным, в какой среде, в каком социальном окружении мыслится княжеское владение первой половины XI в. Не может быть никаких сомнений в том, что княжеское имение окружено вервями, что князь, устанавливая высокие штрафы, предусматривает возможность ряда преступлений, главным образом против его частной собственности, именно со стороны членов верви. Это ими может быть убит любой из представителей княжеской вотчинной администрации, это ими может быть украден княжеский скот, хлеб, домашние и охотничьи птицы, это они готовы перепахать между княжеского поля, браконьерствовать в княжеских лесах и лугах и т. д. и т. п. Княжеская вотчина окружена далеко не мирными соседями. Понятным делается содержание этого закона, в целом направленного на защиту собственности от покушения общинников. Даниил Заточник прекрасно объясняет нам, почему это происходит: «Богатства и убожества не дай же ми, господи,—говорит он,—обогатев, восприму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татьбу и разбой»¹. (Богатства и бедности не дай мне, господи,—говорит он,—разбогатев стану гордым,

¹ Слово Даниила Заточника. Памятники древнерусской литературы. 3-е изд. Академии наук СССР, стр. 62. 1932 г.

заносчивым, а при бедности буду думать о воровстве и разбое).

По «Правде Ярославичей» мы можем проследить еще некоторые дальнейшие шаги в процессе разложения верви: появление индивидуальной, вернее, семейной (моногамная семья) ответственности за убийство, в связи с чем находится и очень интересный институт «дикой виру». «Аже кто не вложится в дикую виру, тому люди (это члены верви. — Б. Г.) не помогают, но сами (совершившие преступление или заподозренные в нем. — Б. Г.) платят»². Это говорит о том, что вервь определенно идет по пути разложения. В XII в. вервь помогает уже не всем своим членам, а только тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т. е. предварительно «вложился в дикую виру». Эти наиболее предусмотрительные члены верви, конечно, в то же время наиболее состоятельные, потому что «вложение» в дикую виру прежде всего обозначало взносы денег в общую кассу. В верви не стало имущественного равенства. Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что вервь «Русской правды» — это уже соседская община, или марка. Члены ее — это смерды³.

2

Наличие рядом с общиной крупной вотчины княжеской, боярской, церковной и рост крупного землевладения показывают, в каком направлении идет эволюция общественных отношений в XI—XII вв. «Гордость и буесть» феодала конкретно выражались, прежде всего, в том, что феодал стремился к расширению своих владений, к подчинению массы непосредственных производителей, т. е. в наступлении на крестьянскую общину. Недаром жития святых полны сообщениями о том, как враждебно общинники встречали отшельников, ищущих места для устройства обители: «Почто в нашей земле построил еси монастырь, —

² Карамз. список, ст. 5—6.

³ Доказательства этому положению см. Б. Д. Греков «Рабство и феодализм в Древней Руси», «Известия ГАИМК» в. 86, стр. 40—45.

не раз говорили они отшельнику,— или хочешь землями и селами нашими обладать?»

Феодал забирал населенную смердами землю, в результате чего мы видим в княжеской вотчине первой половины XI в. смердов, рядом с холопами (рабами) работающих в княжеском хозяйстве и зависимых от своего хозяина — феодала. Ту же картину мы встречаем на рубеже и X—XI вв. в договоре князя Владимира с болгарями, обязавшимися не торговать «с огневщиной (рабами) и смердиной», а вступать в торговые отношения только с их хозяевами — феодалами. Степень зависимости смерда от феодала выявляется в факте наследования земли смерда феодалом в случае отсутствия у смерда сыновей, т. е. рабочей силы, способной заменить смерда после его смерти. Это называется правом «мертвой руки», характерное для западноевропейского феодала. Зависимых смердов признает и В. И. Ленин. «Землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды»,— указывает он, подчеркивая, что «отработки (в России.—Б. Г.) держатся едва ли не с начала Руси». Наличие барщинного зависимого крестьянства в нашей древности В. И. Ленин подтверждает также, сравнивая древнюю барщину с отработками русских крестьян XX в. «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем»¹. Конечно, не все смерды-общинники в X—XI вв. успели потерять свою независимость. Очень много «миров»-общин продолжало жить независимо или же вынуждено было платить своим «завоевателям» дань, не зная в то же время над собой непосредственной власти феодала-землевладельца.

Кроме зависимых смердов в феодальной вотчине первой половины XI в. мы встречаем и другие категории зависимых людей: рядовичей, изгоев, закупов. Это люди, попавшие под власть феодала иным путем чем смерд. Нель-

зя забывать, что процесс феодализации шел различными путями. Феодал-землевладелец наступал на общину, так сказать, сверху. Снизу же шел встречный процесс—внутреннего разложения общины, в итоге чего появлялись выброшенные из общины, обедневшие люди, вынужденные искать работы и своеобразной феодальной «защиты» у тех же феодалов. Этим вторым путем попадали в феодальную зависимость, прежде всего, рядовичи и закупы.

Рядович—это чаще всего смерд, заключивший со своим хозяином ряд договоров и по договору подчиняющийся его власти. Он не окончательно при этом теряет свою независимость, но он уже стеснен в праве распоряжаться собой. В случае его смерти жена должна некоторое время проработать на хозяина, чтобы получить право ухода. Закуп—это тоже недавний смерд, лишенный средств производства и попавший в зависимость к феодалу. Последний снабжает его средствами производства (деньгами, конем, сохой, бороной, участком земли) и требует с него за это барщины. Закуп эксплуатируется на барском поле и на барском дворе. Попытка к бегству превращает его в раба. По уплате взятых у хозяина денег и возвращении в целости всего полученного от хозяина инвентаря закуп может от власти феодала освободиться. Конечно, сделать ему это чрезвычайно затруднительно.

Изгой—это тоже обедневшие люди, ищущие пристанища в чужом хозяйстве. Мы видим их прикрепленными к земле и вместе с ней передаваемыми в другие руки. Они крепостные. От деревенских изгоев, следует, однако, отличать изгоев городских, находящихся, повидимому, в несколько лучшем правовом положении.

Ни у кого не может возникнуть сомнения в том, что перед нами феодальное общество, основанное на эксплуатации в той или иной мере закрепощенной массы земледельцев. Перед нами феодальная собственность на землю и типичная для феодального способа производства форма выкачивания прибавочного труда из непосредственного производителя.

¹ Ленин «Развитие капитализма в России». Т. III, стр. 150, 242.

Где же здесь рабство? Рабство, конечно, есть.

Древнейшие письменные свидетельства византийских писателей говорят о рабах у славян. Маврикий Стратег в VI в. отмечает особенность в положении славянских пленных: «Пленники у них остаются не в вечном рабстве, как у других народов, но назначается им определенное время, по прошествии которого предоставляется их усмотрению или остаться у них в качестве свободных, или возвратиться к своим, заплатив выкуп». И мы имеем ряд доказательств, что Маврикий Стратег не ошибался в своей характеристике. Пленник действительно либо отпускался на волю за вознаграждение, либо продавался чаще всего за границу, либо сажался на землю в качестве крепостного. Мы имеем, например, летописное известие, относящееся к 1031 г., о том, что князья Ярослав и Мстислав захватили много пленников поляков и поделили их между собой. «Ярослав посадил своя по Роси (приток Днепра), суть и до сего дни»¹, т. е. летописец свидетельствует, что они жили на отведенных им участках долго и во время составления летописи находились там же. Это, конечно, были уже не рабы в римском, «античном» понимании слова. Античное общество стремилось сконцентрировать у себя возможно больше рабов: для античного общества таким путем решался вопрос о воспроизводстве рабочей силы. Здесь, у восточных славян, мы видим совсем другое отношение к рабу. Здесь как раз обратная тенденция—сбыть рабов туда, где в них есть нужда, чем подчеркивается в значительной степени и роль рабства в восточнославянском обществе. Но не нужно думать, что раб здесь был только товаром или же всегда превращался в крепостного. Мы имеем сколько угодно примеров, где рабы работают на своих господ. Но нетрудно будет видеть и здесь серьезные отличия от положения раба в античном обществе. Вот 13-летний Феодосий, будущий столп Печерского монастыря, сын сравнительно небогатых родителей,

«исходит с рабами своими на село делати со всяким прилежанием». Сыну богатого боярина Варлааму, насильно возвращенному в родной дом из того же Печерского монастыря по распоряжению отца, служат «рабов множество».

Мы видим в том же XI в. рабов в монастырях: в Печерском монастыре рабы мелют на ручных жерновах зерно, но часть братии делает то же самое. Едва ли это положение рабов чем-либо принципиально отличается от положения их собратьев в героические времена Греции, когда рабыни находились в непосредственном общении с Пенелопой, а Одиссей доверил свою тайну только своему рабу, божественному свинопасу Эвмею. Едва ли здесь есть какая-либо принципиальная разница с положением германского раба эпохи Цезаря и Тацита. Это домашнее патриархальное рабство, которое в германском обществе никогда не доросло до античного рабства, а греческое общество достигло этого состояния, во всяком случае, нескоро.

Нам важно здесь указать на то, что ни в IX, ни в X—XI вв. и тем более позднее, раб у восточных славян не был основой производства, что он был только условием, ускорявшим разложение общины и дальнейшее развитие классового общества. Весьма характерно для истории восточнославянского общества именно то, что рабство в XI в. и позднее обнаруживает явную тенденцию к исчезновению. Церковь—наиболее умелый хозяин во всех странах Европы и Византии,—владевшая рабами и пользовавшаяся их рабочей силой, с ростом феодальных отношений раньше других феодалов отказывается от рабского труда, заменяя его более продуктивным трудом крепостным. «Русская правда» в XII в. еще знает «чернеческих» рабов. В XIV в. мы их в церкви уже не встречаем.

3

Если раб не успел стать основой производства, то кто же являлся базой хозяйства древней Руси? Кто пахал и сеял, кто добывал пушного зверя, мед и воск, столь ценимые на рынках Европы и Азии?

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 146. Изд. 1910 г.

На этот вопрос ответить нетрудно. Главным производителем всех этих ценностей был смерд, либо общинник, плативший своим князьям дань, либо крепостной, приносивший своим хозяевам-землевладельцам ренту трудом и продуктами; рядом со смердом, конечно, нужно поставить и другие категории зависимого населения.

Для современников летописца это было совершенно бесспорно. Не раб, а именно смерд мыслился в качестве наиболее выгодного источника, питающего феодалов. В 1193 г., например, далекая Югра, подвергшаяся нападению новгородских боярских дружин, очень хорошо знала цель этого нападения и, притворяясь покорной, заявляла: «Не губите своих смерд и своей дани».

Не нужно, подобно Ключевскому и его последователям, преувеличивать значение торговли по Великому пути «из варяг в греки». Она, несомненно, вносила много оживления в жизнь, текущую на берегах этой водной дороги, но торговля эта питалась феодальным внеэкономическим принуждением: дань в руках власти превращалась в товар, хозяйство основной массы населения было не товаропроизводящим, а глубоко натуральным. Славянин-земледелец, смерд по преимуществу, интересовался гораздо больше своей землей, особенно черноземом, и не всегда замечал по соседству с собой знаменитую торговую магистраль. В конечном счете не торговля, а земледелие и ремесло создавали материальную базу Киевского государства.

Крупных латифундий, где работали закованные в цепи рабы под присмотром вооруженного кнута *villicus*'а (надсмотрщика), поставленного в бытовые условия, исключавшие возможность естественного размножения, восточные славяне не знали. Киев, Новгород, Ростов и Суздаль знают крупное феодальное землевладение и мелкое, крестьянского типа, натуральное хозяйство, где отводилось рабу сравнительно второстепенное место.

Характер классовой борьбы в восточнославянском обществе еще раз подтверждает правильность наших наблюдений и выводов.

Если в античном обществе боролись в основном два класса—рабовладельцы и рабы, если античное государство есть государство рабовладельцев для организации властвования над рабами и классовая борьба проявляется здесь в форме восстаний рабов, то в обществе восточных славян мы видим иные основные классы-антагонисты: землевладельцев-феодалов и закрепощаемых или уже закрепощенных смердов. Государственная власть здесь оберегает интересы феодалов-землевладельцев в целях сохранения эксплуатации ими крестьянской массы. Естественно, мы видим здесь и острые проявления классовой борьбы в форме крестьянских восстаний, а не восстаний рабов. Все исторические источники решительно подтверждают это наше положение. Мы не имеем ни одного движения рабов и достаточно много указаний на вооруженные протесты крестьян. Одним из наиболее ярко описанных в Лаврентьевской и Новгородской летописях восстаний смердов по праву следует считать восстание 1071 г. Началось движение в Ростовской области, где тогда был голод. Во главе народного движения стали представители старой веры—волхвы. Они агитировали в погостах (селениях), где основной массой населения были смерды. Восстание распространилось отсюда на Белоозеро. Здесь оно было прекращено вооруженной силой княжеской дружины. Трудность борьбы с восставшими смердами, описываемая в летописи, показывает силу движения и его размеры. Иллюстратор летописи в XV в. изобразил нам графически ряд сцен из этой ранней борьбы крестьян против своих поработителей.

Древняя Русь знала рабство, но никогда не была рабовладельческим, «античным» обществом.

НА ВТОРОЙ ДЕНЬ

ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1861 Г.

(КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ
В ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Волнения и беспорядки продолжаются

11 марта 1861 г. под колокольный звон и пение «многая лета всему царствующему дому» читали в церквах манифест о «воле» крестьянам. Сияли довольными лицами и парадными мундирами власти. Местные предводители дворянства и всесильные исправники мечтали о причитающихся им наградах за недавнее успешное подавление «только через легонькое наказание» бунтующих сел Богодуховского, Змиевского и других уездов неспокойной Харьковской губернии.

Крестьяне слушали манифест, подтягивали «многая лета», но никак не могли уловить слов о настоящей крестьянской воле. Кто-то в толпе шептал, что манифест не настоящий, что «ленточка на Малороссийском положении разорвана», а отставной унтер Аптекман потихоньку звал в избу, чтобы растолковать, что говорится в манифесте¹.

Но уже 23 марта 1861 г., через 12 дней после торжественных молебнов по поводу дарования манифеста, исправник Богодуховского уезда доносил губернатору Ахматову, что в «подведомственном» ему Богодуховском уезде все «обстоит благополучно

¹ Харьковский областной архив. Фонд канцелярии харьковского генерал-губернатора, о волнениях среди временно обязанных крестьян.

и спокойно, хотя беспрестанные волнения и беспорядки между временно обязанными крестьянами продолжают-ся»².

Его «коллега», купянский исправник, также в эти дни доносил господину генерал-губернатору Ахматову, что «крестьяне купянского помещика Николая Земборского после объявления Высочайшего Манифеста о новом устройстве быта помещичьих крестьян вовсе отказываются от выполнения барщины и... взбунтовавшиеся крестьяне посягают на жизнь его, помещика Земборского»³.

В апреле и мае властям стало ясно, что беспорядки несмотря на манифест продолжают-ся. Надежды на успокоение не оправдывались. Канцелярия генерал-губернатора была завалена донесениями с мест. Губернатор Ахматов не мог опомниться от визитов предводителей и помещиков, которых из имений в «губернию» гнал страх перед кольями, пожарами, потравками, страх перед «совершенно потерявшими совесть мужиками»⁴.

«Кавалер Ахматов», внимательно прочитав донесение предводителя дворянства Старобельского уезда о том, что «беспорядки эти более или менее произошли в имениях помещиков гг. Мухановых, поручика Попова, статского советника Быковского, надворного советника Суханова и титулярной советницы Хариной», подытожил донесения 8 уездов Харьковской губернии и решил снести с «государем императором» на предмет принятия более решительных мер.

Исправники к 1 июня получили извещение: «Согласно представлению моему о необходимости обеспечения порядка... распоряжением частей войск, кроме квартирующей там артиллерии, государь император высочайше повелеть соизволил перевести

² Харьковский областной архив. Фонд канцелярии харьковского губернатора, о волнениях среди временно обязанных крестьян в 1861 г. Папка Богодуховского уезда.

³ Тот же фонд. Папка Купянского уезда.

⁴ Харьковский областной архив. Фонд харьковского генерал-губернатора, о волнениях среди временно обязанных крестьян. Дело Купянского уезда. 1861.

теперь же по одному дивизиону Стародубского драгунского полка в Богодуховский уезд, а Чугуевского уланского в Лебединский уезд, из коих первый в Богодухов 8-го числа»¹.

Летом горели имения помещиков. Мужики жгли леса, и в десяти селах Богодуховского уезда ослушания крестьян дошли до открытых бунтов. Земский исправник Богодуховского уезда вынужден в своих донесениях сообщить, что в имении помещика Хруцова даже лакеи (дворовые крестьяне) ушли и не желают вернуться несмотря на воздействие местной власти, а крестьяне, бросив стада, разошлись из экономии «с оскорблением помещика». В соседнем имении временно обязанные крестьяне демонстративно, «на глазах у всех», удили рыбу в помещичьем пруду и «надсмехались над запрещением начальства». Там же 100 крестьян явились во двор помещика «и с угрозами и оскорблениями требовали смены атамана», а когда прибывший предводитель дворянства приказал арестовать «буянов», крестьяне «оказали сопротивление в производстве арестов» Это было в мае.

Мечты о спокойной деревне остались мечтами. Местные власти доносили, что после манифеста о воле волнения не только не прекращаются, но крестьяне, пожалуй, стали еще строптивей и требовательней. Появились какие-то «гордые люди», которые проявляют упорное сопротивление и действуют против тех, кто по-прежнему их называет «крипаками»².

В селе Шаровка, например, сын купца Ростовцева в трактире сказал, что «крестьяне есть и будут крипки». В ответ на это два брата, «увлеченные мнимым правом на все», с «ругательствами подступили к нему и стали доказывать, что они не хотят больше быть крипаками». Купеческий сын ударил одного из них по лицу.

¹ Харьковский областной архив. Фонд канцелярии харьковского губернатора, «Отношение генерал-губернатора Ахматова к исправникам Богодуховского и Лебединского уездов».

² Крипак — по-украински крепостной.

— Доношу, что у меня в уезде все обстоит благополучно.

Началась общая драка, но люди оказались, повидимому, «кем-то подученными», был объявлен сход, чтобы поговорить о том, как ответить на оскорбление со стороны купеческого сына. Собралось душ шестьдесят крестьян, и, «пользуясь правом громады», они постановили Ростовцева побить.

Но отец Ростовцева был большим человеком, и трактирщик спрятал от толпы купеческого сына. Тогда «громада» решила побить трактирщика «и побила его». Не удовлетворившись этим, громада предъявила два требования: 1) взыскать с Ростовцева 100 рублей серебром в пользу братьев Шульга, 2) сменить трактирщика, а если это не будет сделано, они откажутся вовсе от работы и расправятся с обидчиками по-настоящему. На место бунта прибыл исправник, который «нашел крестьян спокойными и благонамеренными» и тут же сотворил «праведный» суд.

«Чтобы быть совершенно справедливым в действиях, видя отчасти неправым и Ростовцева, я убедил его уплатить за бесчестье Шульги 5 рублей серебром, а последним приказал

5 рублей уплатить побитому трактирщику...»¹.

Вслед за летом с его пожарами и бунтами наступили тревожные осенние и зимние дни. «Нерадения крестьян переходят пределы». Донесения подписываются уже не только исправниками, сами предводители дворянства выезжают на места беспорядков. Но и они не в состоянии «вразумить людей, находящихся в туманном состоянии». Если и удастся внешне установить спокойствие, то это—непрочное спокойствие, которому сам предводитель дворянства не верит. «Спокойствие восстановлено, но убеждение в последовании чего-то нового, повидимому, сильно вкоренилось»².

Уездные власти мечутся между страхом перед разраставшимися беспорядками и страхом перед губернским начальством. Скрывать волнения в своих «епархиях» делается невозможным, не помогает уже формула о благополучии. Помещики в страхе за свою жизнь и имущество требуют замены неавторитетной полиции надежными войсками.

Одно распоряжение о посылке войск опережает другое. Шеф жандармов Богданович получает огромные полномочия и уже по своему усмотрению рассылает в беспокойные места драгун, кавалерию, вооруженную «на страх врагам» до зубов.

Богодуховский, Лебединский, Старобельский, Изюмский, Змиевский, Сумский уезды наполняются войсками для усмирения крестьян, наивно веривших, что манифест извращен врагами царя и народа.

Губернатор Ахматов получил досадную сводку: по черновому подсчету оказалось, что за неполный год и не считая рецидивов в Харьковской губернии волнениями было охвачено 51 село. Действительный подсчет имений, в которых бунтуют крестьяне, давал гораздо более грозную цифру, однако чиновники канцелярии губернатора знали, что ее не стоит сообщать и без того нервничавшему губернатору Ахматову.

¹ Харьковский областной архив. Дело канцелярии генерал-губернатора о волнениях среди временно обязанных крестьян в 1861 г.

² Там же.

Самый важный генерал в Малороссии обратился с любезным письмом к своим младшим братьям: курскому, черниговскому, полтавскому губернаторам — и предложил «обмен опытом» в подавлении «ослушников».

Но губернаторы были очень сдержанны в описании своих неприятностей: каждый хотел доказать, что «хотя беспорядки у них непрерывно и продолжаются», но в их губерниях в общем дело обстоит лучше нежели в других.

Особое внимание и тревога генерала Ахматова за положение в губернии его курского друга были не случайны.

Змиевский и Сумский уезды Харьковской губернии вплотную соприкасались с Курской губернией, и по всем донесениям змиевских и сумских властей беспорядки среди крестьян в этих уездах принимали особо угрожающие размеры и формы.

Из Курской губернии, где расположены были сахарные заводы, шла «зараза», попадающая на особо питательную почву Змиевского и Сумского уездов.

«Волнения во всей Харьковской губернии после манифеста были фактом, который скрыть было нельзя»³.

„Не хотим барщины! Своя земля, своя рабочая сила!“

Но ни тюрьмы, ни плети не могли все же заставить крестьян утихнуть. Крестьяне упорно требовали «безвозмездного пользования землей, они настаивали на выкупе усадеб и поземельных угодий»⁴. Они хотели стать владельцами и хозяевами земли, хотели сбросить вековой крепостнический гнет.

У исправника Сумского уезда крестьяне чуть не разорвали мундир, доказывая, что именно об этом говорит положение и что землю давно бы царь отдал им в собственность, что это дело давно бы было кончено, если бы не удержанные губернским правлением планы.

«Земля... земля в собственность!»—

³ Покровский «Чернышевский и крестьянское движение конца 1850 годов». «Историк-марксист» № 10 за 1928 г.

⁴ Харьковский областной архив. Тот же фонд. Папка Сумского уезда.

вот о чем кричали крестьяне в дыму пожаров, под грохот телег, увозящих зачинщиков и «буянов» в губернскую тюрьму.

И не только землю крестьяне объявили своей собственностью. Предводитель дворянства Старобельского уезда направляет «кавалеру Ахматову» 29 мая 1861 г. безграмотный рапорт за № 275:

«Вновь я получил от помещика Тевяшева — о беспорядках, в имении его происшедших со стороны временно обязанных крестьян при намерении г. Тевяшева продать свой лес на сруб купцу Кожухову мне пишет г. Тевяшев: ввалилась на господский двор толпа крестьян требовали, чтобы он никак не смел продавать леса, потому что оные принадлежат им до тех пор пока они не получают от Батюшки Царя письма; если же осмелится продать, то они леса вырубят и разделят между собой. При прочтении же г. Тевяшевым и при объяснении им содержания Высочайше утвержденного положения, они отозвались, что положения этого не знают, да и знать не хотят, и что оно «во все им не нужно»¹.

Упорно и настойчиво боролись крестьяне за землю, за лес, за собственность, которая была дозарезу нужна тем, кто вкусил уже «сладость» рынка, кто уже включился в цепь неуклонно шествующего капитализма.

«Чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, ...тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли»².

Предполагая, что царский манифест сделал их хозяевами земли и лесов, крестьяне боролись за право распоряжения своей рабочей силой. И

это было самым неожиданным для генерала Ахматова и дворян его губернии. Вековой гнет — 5- и 6-дневную барщину — крестьянин стремился сбросить сейчас же вслед за дарованием «всемилодивейшего манифеста». Против многодневной барщины они выдвигают самые веские доводы, которые подкрепляют «буйствами» и «дерзостью».

В деревне Рыбаковке, в имениях гг. Немисковых, Гундиуса, фон-Байера и помещицы Тягнеевой народ требовал двух дней работы на помещика в неделю. В ряде уездов Харьковской губернии крестьяне «совершенно отказались повиноваться своим владельцам, не хотят работать трехдневную барщину и вообще высказывают дух своеволия и дерзости». В имении Василевского, в Валковском уезде, крестьяне «кричали за один барщинный день». То же было в Змиевском уезде. А в деревне Бардаковке и в деревнях Богодуховского уезда крестьяне являлись «на барский двор с криками и невежеством» и требовали, чтобы бывшие на барщине женщины, отбывающие «отнюдь не более двух дней в неделю с тягла были совсем освобождены от барщины».

Стремление крестьян разрешить «женский вопрос» скоро было понято властями. Стремясь освободить жену, мать от каторжного труда, крестьянин вместе с тем заботился об оставлении в своем хозяйстве силы, которая могла пригодиться ему при расширении собственного хозяйства. В эту же точку били такие, казалось бы, необъяснимые притязания, как то, что крестьяне гг. Мухановых, слободы Александровки (Старобельского уезда), «забрали прислуг из комнат и не пускают на работы» мальчиков от 14 до 18 лет, наделенных землею, и девочек от 16 до 20 лет. В имении помещика Попова в Старобельском уезде, где крестьяне также не отпускали «мальчиков и девочек на ночные караулы».

Когда власти хотят вразумить крестьян и доказывают, что нельзя отнимать мальчиков и девочек у помещичьего хозяйства, крестьяне горячо протестуют против того, что дети попрежнему надрываются на работе, и

¹ Харьковский областной архив. Фонд канцелярии харьковского генерал-губернатора, о волнениях среди временно обязанных крестьян.

² Ленин. Т. XV, стр. 95.

ссылаются при этом на § 8 Малороссийского положения¹.

Помещик не мог уже спокойно выгонять лошадей в ночное, так как «погонщиков» не выпускали родители на ночную работу. Пастушата и лакеи, казачки и девки для услуг «снимались с работы» под предлогом страха за их участь.

Земля в собственность, свое хозяйство, своя рабочая сила, без которой нельзя в новых условиях жить, желание сбросить с себя вековой гнет крепостничества — об этом говорила, кричала, плакала деревня на другой день после того, когда поняла, что положение от 19 февраля вместо обещанной воли оставило крестьян по-прежнему в кабале у помещиков.

„Зараза бунтов идет с заводов!“

Там, где настойчиво пробивала себе дорогу организующая рука, там крестьяне были упорнее в своих требованиях.

Даже женщины-крестьянки следили за этой организующей рукой и слушались не своего «богом данного начальства», а тех, кто звал их к лучшей доле.

Как растерялся богодуховский исправник, когда по его приезду в деревне Слободке в имении наследников помещика Матвея Вучичева женщины отказались работать, ссылаясь на прокламацию в селе Константиновке, что «женщины не должны работать»².

Прокламации в Богодуховском уезде вызвали даже «буйства» среди женщин и зимой, когда таким привычным, казалось, было занятие женщин в избах за прялкой. Сам предводитель дворянства пишет тревожное послание губернатору, что «женщины также вышли было из повиновения, и когда в счет барщинных дней им да-

¹ В § 8 Малороссийского положения указаны возрастные нормы определения в тягло. Предельный возраст—70 лет, молодежь идет в тягло не моложе 18. Этот пункт сплошь и рядом нарушался.

² Харьковский областной архив. Дело канцелярии генерал-губернатора, о волнениях среди временно обязанных крестьян в 1861 г. Из донесения богодуховского земского исправника от 25 мая 1861 г. за № 495.

ли мотки, то они начали бросать их в старосту»³.

В самом «отчаянном» месте Харьковской губернии, в селе Снежный кут, близ такого же буйного села Знаменского, крестьяне под влиянием некоторых, «увлеченных мнимым правом на все», также оказывали «во всем непослушание и нерадение. На работы выходили не все и более для того, чтобы говорить в оправдание, что были на работе, но коль скоро от них отходили приказчики или другое уполномоченное лицо, отчаяннейше бросали работу и уходили, а оставшиеся работали как хотели. Кроме этого они вопреки всем распоряжениям выгоняли для пастьбы свой скот не на указанные экономией места, а на покосы и на зелени хлебов»⁴.

Губернатор совершенно растерялся, когда узнал, что в Валковском уезде крестьяне, работающие в помещичьих имениях, применяют новую грозную форму борьбы — оставление работ. Стихия, с которой генерал Ахматов дал обещание царю расправиться, в Валковском и Змиевском уездах стала входить в какое-то русло.

И это было самым опасным.

Генерал-губернатор внимательно изучает причины того, почему именно в этих уездах «бунты» стали более «правильными». Ахматов, хорошо зная географию своей губернии, сразу понял, что «зараза» идет из Сумского уезда и мест, граничащих с проклятой Курской губернией, из-за которой его курскому другу — губернатору — министерство внутренних дел давно колет глаза тем, что «смутьянство» на заводах приняло «нестерпимо грозные размеры».

Как и откуда появились прокламации в Сумском уезде? Об этом спрашивал губернатор земского начальника Сумского уезда 11 мая 1861 г. в своем отношении к нему за № 105.

Земский начальник прислал в ответ совершенно неудовлетворительную и бестолковую записку, в которой уверяет, во-первых, что ни возмутительных прокламаций, ни злоумышленных

³ Тот же фонд. Донесение богодуховского предводителя дворянства губернатору.

⁴ Тот же фонд. Из рапорта шефа жандармов Богдановича Ахматову из с. Снежный кут, Валковского уезда.

толкований манифеста в Сумском уезде нет и не было, но тут же весьма нелогично объясняет, что крестьяне требуют, во-первых, земли в безвозмездное пользование, во-вторых, полной свободы и «независимости» от владельцев, и, в-третьих, они, крестьяне, видят какое-то расхождение в обещании воли с толкованием манифеста, по которому, оказывается, они всего этого не получают. Посему они «не верят ни владельцам, ни чиновникам, ни даже самому Положению...» «Но,—старается успокоить губернатора земский исправник,—ожидание это распространено между крестьянами не только в Сумском уезде, но, сколько мне известно, и в других уездах, и вот что именно, положительно можно сказать, послужило основанием к появлению в Лебединском уезде прокламации, сообразной с духом и соответствующей ожиданиям крестьян, которая и нашла в них сочувствие»¹.

Такого рода донесения не могли не пугать генерал-губернатора. Ведь как раз в этих уездах находились сахарные заводы! А на сахарных заводах, на границе с Курской губернией, на заводах графа Рибопьера и князя Барятинского беспорядки сильно отличались от «бунтов» крестьян в остальных уездах Харьковской губернии.

Да и крестьяне, работающие на сахарных заводах, особенно упорно и длительно бунтуют и, не работая сами, мешают «производству работ людей благонамеренных».

Сумский начальник пугает «кавалера» Ахматова своими донесениями об имениях, находящихся по соседству с сахарными заводами Рибопьера и Барятинского, в которых «усиливаются в большем против других размеры ослушания и уклонение крестьян от установленных положением обязанностей». Сумский начальник указывает, что эти беспорядки «не прекращаются быстро», что бунтующие увлекают других своим примером и что для

этих «бунтовщиков» плохим примером являются крестьяне, работающие на заводах князя Барятинского и графа Рибопьера².

После производства, по предписанию губернатора, строгих розысков на сахарных заводах сумский начальник в следующем своем донесении уже просит Ахматова прислать ему подкрепление. «Крайне необходимо иметь в уезде войско, которое одним своим присутствием может иметь моральное полезное влияние на крестьян», — «присовокупляет» он. Начальник не стыдится просить подкрепления, так как скрыть беспорядки от губернатора больше невозможно. Он даже выступает в роли предсказателя: он предвидит, что движение грозит развернуться в будущем, и доносит, что с «начатием таковых работ (речь идет о начатии полевых работ) многие владельцы понесут большой урон. Непременно и повсеместно произойдут большие беспорядки и владельцы понесут большое расстройство».

Что делалось на сахарных заводах в этот момент, осталось пока тайной, умело похороненной в подвалах канцелярии; ясно только одно, что крестьяне, работавшие на заводе, сумели, прочитавши прокламации, передать их людям, работающим на полях помещика.

Пример «заводских ребят», не легко идущих на уступки и долго не прекращающих «беспорядки», заразителен и для крестьян, работающих в соседних с сахарными заводами имениях. Но напрасно губернатор Ахматов так много говорил о заразе, шедшей из одной Курской губернии. У самого Ахматова, в Богодуховском уезде, было очень «неблагополучно» не только в имениях помещиков. В Богодуховском уезде находились водочные винокурные заводы. И вот здесь, в этих «гуральнях», крестьяне-рабочие проявляли не только своеволие, не только «баловались» на своем предприятии.

На «гуральне» графа Уварова в конце декабря люди работали совсем «без охоты». Граф Уваров вызвал к себе управляющего и предложил при-

¹ Харьковский областной архив. Фонд канцелярии харьковского генерал-губернатора по делу о волнениях среди временно обязанных крестьян. Дело о волнении в Сумском уезде 1861 г. от сумского земского начальника за № 1024 мая 24 дня 1861 г.

² Тот же фонд. Изложено по рапорту сумского начальника губ. Ахматову.

нять все меры для поднятия настроения рабочих. Управляющий знал одно сильное средство—угостить крестьян водкой. Выпили, выпались, а на другой день после «мира», к удивлению управляющего, вовсе оставили работу на заводе.

Управляющий обратился с речью к буйствующим работникам. Он горячо порицал «небожеский поступок», убеждал «доработать по крайней мере, когда кончится выход водки». Из толпы в ответ на речь управляющего неслись неодобрительные и «даже нецензурные» замечания по адресу начальства: «Слушный час не за горами...», «Дубьем выгоним все панское отродье...». А упоминание о графе Уварове вызвало совсем страшный ответ: «Пусть явится сам Уваров, и его выгоним».

На управляющего стала наступать толпа, ругая его «разными скверными словами».

Управляющий пошел на крайние меры. Почти плача, он объяснял крестьянам, что он о них печется: «Ребята (говорил он), вы с ума посходили, ведь вам за это беда будет! Мы вызовем исправника!» Это было сигналом к действию. Крестьяне «возьми один кочергу, другой лопату, начали кричать, что они исправника не побоятся; что у них есть вон своя сила и свое начальство»¹.

Конечно, волнение исправнику удалось усмирить. Но спрятать концы в воду не удалось. Исправник уверял генерала Ахматова, что заранее обдуманного плана не было, но все же он не мог скрыть того, что бунтовщики сняли остальных крестьян с работы на заводе: «Своеволие их проявилось еще и в том, что они требовали, чтобы крестьяне, бывшие на винокурном заводе, оставили работы и не работали более одного дня»².

Генерал Ахматов разговаривал с самим графом Уваровым, который был чрезвычайно удручен тем, «что работы на заводе вовсе приостанови-

лись». Затихший завод, ушедшие с него крестьяне, угрюмые, сердитые лица работников, бросивших завод в горячую пору выпуска водки, — все это заставляло думать, что здесь дело обстоит серьезнее нежели в помещичьих имениях.

Местные власти еще не были на практике знакомы с забастовками. Но генерал Ахматов читал книжки, и страх перед «пролетарством» не мог его не пугать, так как и в его губернии начались необычные формы выступлений.

Владельцы заводов забрасывали генерала бесчисленными просьбами о посылке военной силы, а в помещичьих «кругах» долго обсуждали истерический поступок одной владелицы сахарного завода, поместившей в «Губернских ведомостях» в декабре 1861 г. воззвание ко всем «братьям помещикам-владельцам» промышленных предприятий. Помещица кричала «на весь мир» об ослушании рабочих. Жаловалась, что помещики от этого понесут огромные потери, и выдвигала совершенно потрясающее предложение: всех буянов выгнать с заводов, не приписывать и не принимать ни одного крестьянина, ни временно обязанного, ни государственного, а рабочую силу выписать из заграницы. Тогда, мудрствовала помещица, крестьяне останутся обездоленными и пожалеют о всех своих безобразиях. Рабочие руки из-за моря и дешевле и искуснее, и эта мера навсегда вылечит рабочих от ослушания и буйства!..³ Многие хвалили помещицу за «ум» и «смелость», но нашлось много скептиков, которые понимали, что помимо технических препятствий рабочие, пережившие 48-й год на Западе, пожалуй довольно опасны и «язва пролетарства», перенесенная на пылающую почву русской деревни, может сделать положение еще более серьезным.

Гораздо проще было своими, русскими способами усмирить крестьян, и в самые опасные места Харьковской губернии помещики срочно требуют от губернатора ввода военной силы.

Губернатор не заставил себя долго

¹ Харьковский областной архив. Дело канцелярии генерал-губернатора о волнениях среди временно обязанных крестьян. Донесение богодуховского земского исправника. Рапорт № 6 от 2 января 1862 г.

² Там же.

³ Содержание воззвания в «Губернских ведомостях» за декабрь 1861 г.

просить. Он обеспечил уже раньше продвижение воинских частей во все зараженные крамолой места. Но одновременно нужно было и собственными силами расправиться с зачинщиками, которые появлялись во всех селах.

„Зачинщики“

«Возмутительные» толкователи манифеста, вроде неграмотного унтера Аптекмана в имении Поповой или писаря Тицкого из села Знаменского, Валковского уезда, были сразу же взяты под стражу, и «дело для расследования изготовлено».

Не так легко удалось справиться с другими зачинщиками. Богодуховским властям пришлось повозиться с крестьянином Малезиком, «мужиком неглупым, имеющим сильное влияние на крестьян». Когда его захотели взять, толпа закричала: «Когда брат, то берите всех!» Только благодаря старикам удалось арестовать «смутьяна».

В Валковском уезде почти каждое село было «крамольным». А в знаменитом селе Знаменском из каждой избы неслись причитания и плач оставшихся жен и детей. В избе Коваленко по роли самого хозяина-зачинщика, ослушника—сына мужика Губы—выволокли совсем растерзанного и посадили на телегу. За мужиками Чернолихо, Шевченко, Усань, Глашенко и другими до самой околицы бежали родные, а мужики угрожали сопровождающей полиции.

В селе Снежный кут старики привели помещика к избам возмутителей Безобразовых, Самойловичей и Алексеевых. Крестьяне Валах, Похитайло, Устименко, Литвиненко, Сметаненко, Данильченко и Писцовой прощались с семьями, от которых их увозили в губернскую тюрьму.

Старобельский уезд не просто растался со своими руководителями. Деревня Петровеньки, принадлежавшая помещикам Шидловским, долго прятала крестьянина Прокофия Коваленко (он же Слюсарь), и местная полиция ничего не смогла с этим поделаться. По поводу этого «застрельщика» переписка между исправником, предводителем дворянства и губернией длилась от 27 апреля до 15 мая.

Коваленко был чем-то, уже похо-

жим на батько-атамана. Он завел себе даже «свиту», и когда его вызвал к себе для переговоров заместитель предводителя дворянства Бутков, Коваленко явился к нему со «свитой» в 5 человек. Смелость, с которой разговаривал Коваленко с начальством, показывает, что Коваленко был не одинок, что им руководила какая-то опытная рука, указывая ему, как надо держать себя атаману. Коваленко взволновал умы крестьян, он держал в руках всю деревню. Даже предводитель дворянства Бутков отмечает его ораторский талант и рассказывает, как внимательно ловили мужики слова Коваленко.

Ни полиция, ни суд не могли справиться с зачинщиком Коваленко. Деревня спасала своего руководителя, и когда по распоряжению земского суда Коваленко был арестован, крестьяне деревни Петровеньки отбили его... Но долго бороться не могли ни крестьяне, ни Коваленко. Земский суд, местная полиция, становой и предводитель дворянства явились в деревню для расправы с Коваленко.

Вся громада окружила Коваленко, и долго он не выходил из толпы, несмотря на вызовы властей. Но вдруг толпа расступилась, и Коваленко вышел, «дерзко тотчас же обратился с вопросом...», «...вместо раскаяния предводитель услышал выражения, которые дошли до неограниченных размеров... в коих он выражал непризнание никаких властей, законов, обязанностей»¹.

Коваленко арестовали, толпа притихла. Но вот снова из окна комнаты, где сидел арестованный, послышался крик: «Не верьте им: они обманщики, не верьте им, не покоряйтесь им!»². Крестьяне толпой бросились к окну, смяли слабую охрану. Однако в это время Коваленко вывели и посадили в повозку. Крик Коваленко: «Что же вы, дети мои, стоите? Разве не видите, что нужно делать, защищайте, не давайте меня, или идите все за мною, вся деревня идите!..» поколебал лишь нескольких,

¹ Харьковский областной архив. Рапорт предводителя дворянства губернатору Ахматову. Дело канцелярии харьковского генерал-губернатора в 1861 г.

² Там же.

которые бросились к повозке. Когда же схватили и этих смельчаков, толпа присмирела, а когда с другого края деревни показался отряд драгун, входивших в деревню Петровеньки, даже друзья Коваленко: Лавров, Скубаков, Бараник — «раскаялись» и, по словам предводителя дворянства, принесли повинную.

В разных местах Харьковской губернии, как и во всей бывшей царской империи, где очаги восстаний крестьян разгорались до открытых столкновений с властями, появлялись «батьки», устрашающие власть и ведущие за собой деревню. Но серая, закабаленная веками крестьянская масса не готова была еще в это время к организованной борьбе. Выделяющиеся из толпы смельчаки-одиночки оставались одиночками, и борьба за освобождение, борьба за свободу, за уничтожение крепостничества могла быть только стихийным, хотя и грозным предостережением для всего «панского отродья».

„Вот и войска!“¹

Как только губернатор стал получать донесения о новой волне крестьянских движений, в которых в сравнении с дореформенными выступлениями он увидел новые пугающие моменты, он тут же понял, что местная полиция не справится больше с «вошедшими в неповиновение мужиками».

Лишь несколько дней прошло после объявления воли, а губернатор Ахматов уже 27 апреля 1861 г. позаботился, чтобы дивизион Чугуевского уланского полка «спокойно проследовал через Богодухов». Нужно было обеспечить воинской силой и Старобельский уезд.

Май, июнь, август, сентябрь губернатор Ахматов занимался посылкой войск в «зараженные крамолой» деревни Богодуховского и Сумского уездов, где в имениях, граничащих с винокурными и сахарными заводами, произошли «большие недоразумения». «Расположены на квартиры 3-й

¹ Харьковский областной архив. Фонд харьковского генерал-губернатора. Заметка на полях, сделанная рукой Ахматова на прошении богодуховского исправника о введении войск.

и 4-й эскадроны Вознесенского уланского полка в помещичьих имениях, по случаю проявления в оных преимущественно перед другими имениями беспорядков».

По прямому «повелению государя императора», уланы входили в деревню, чтобы устрашить «одним видом своим» или чтобы подавить «мерами не одного легонького телесного наказания» крестьян, наивно защищавших положение о воле «от извратителей».

Войска вошли во все уезды, за окрестностей их встречали хлебом-солью и «окропили их святой водой» попы, исправники, становые и предводители дворянства...

Розгами и тюрьмами доказывали власти, помещики и усмирители крестьянам, что крестьянская реформа была бессовестнейшим надругательством над крестьянами, что «пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян» (Ленин), что «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам» (Ленин).

Крестьяне сейчас же после реформы в протесте против такой реформы, в борьбе против помещика, хотя и стихийно, но всеми способами стараются сбросить вековое рабство.

«И если века рабства настолько забрили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер»². Виднейшим из этих крайних немногочисленных тогда революционеров был Н. Г. Чернышевский. Эти революционеры давали в руки крестьян, женщин-крестьянок и крестьян-рабочих на заводах прокламации, они вдохновляли зачинщиков Аптекмана, Губу, Чернолиха, Шевченко и других на слушание, они вкладывали в уста Коваленко слова о новой жизни.

Объявление манифеста заставило

² Ленин. Т. XV, стр. 143.

крестьян еще сильнее, еще настойчивее искать путей для освобождения от векового гнета.

«И революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян»¹. Но вековой гнет настолько забил все крестьянство, что крестьянские массы неспособны были «во время реформы ни на что, «кроме раздробленных, единичных восстаний»².

«Крахом кончаются все попытки крестьян осознать свою силу» (Ле-

нин), так как в это время во главе крестьянского движения не мог еще стоять рабочий класс.

И только после десятилетий революционной борьбы под руководством рабочего класса и его авангарда, большевистской партии, исполнилась заветная мечта крестьянина о земле.

Из рук пролетарского государства крестьянство получило землю. При помощи рабочего класса, руководимого великой партией Ленина—Сталина, вышло трудящееся крестьянство из вековой нужды темноты и гнета на широкую колхозную дорогу, к зажиточной, культурной жизни.

¹ Ленин. Т. XV, стр. 143.

² Там же.

КУЛАЦКИЕ ВОССТАНИЯ

В Э П О Х У КОМБЕДОВ

Развертывание социалистической революции в деревне, решительная борьба с экономическим и политическим засильем кулачества, осуществлявшаяся советской властью при помощи комбедов летом и осенью 1918 г., встречали со стороны кулацких элементов ожесточенное сопротивление. Проявления индивидуально-кулацкого террора по отношению к советским работникам: выстрелы из-за угла, тяжкие избиения и т. д.— имели место во всех районах и на всем протяжении деятельности комбедов. Но основным методом борьбы кулачества против советской власти в условиях 1918 г. являлась организация контрреволюционных восстаний. Для этого требовалась более или менее длительная подготовка: подбор руководящих кадров, организация связей с контрреволюционерами, действовавшими в других районах, вербовка рядовых членов контрреволюционных организаций и т. д.

Кулачество неоднократно поднималось на восстания, и весной 1918 г., в частности под непосредственным влиянием савинковского и чехословацкого выступлений и деятельности интервенционистского десанта в Мурмане. Вспышки кулацких мятежей приняли частый характер и в момент организации комбедов, охватывая иногда территории целых уездов (Задонский уезд, Воронежской губернии, Ливенский и Дмитровский уезды, Орловской губернии, и ряд других районов).

Но особенно широкий размах приобрели кулацкие восстания в ноябре 1918 г. И это не случайно.

К этому моменту сильно были поколеблены надежды кулачества на помощь и звне — со стороны белогвардейского фронта: учредилловская авантюра в Поволжье была разгромлена, революционные события в Германии и Австрии указывали на близкое падение господства немецких оккупантов на Украине. На главных фронтах гражданской войны Советская Россия к ноябрю достигла очень заметных успехов. В то же время комбеды парализовали контрреволюционную деятельность кулачества внутри сельских и волостных органов советской власти. Целым рядом мероприятий комбеды подорвали и экономическое влияние кулачества на крестьянскую массу.

Наконец, что очень важно, к ноябрю кулачество не могло не заметить, что середняцкая масса деревни, вовлекаемая через комбеды в революционное строительство, все теснее и теснее начинает сближаться с советской властью.

Опасность полной социальной изоляции, перспектива окончательной утраты экономического и политического влияния на деревню, потеря уверенности в помощи извне—все это отчетливо обнаружилось для контрреволюционного слоя крестьянства к моменту ноябрьских восстаний. Анализ этого периода восстаний и посвящена наша статья.

1

Восстания охватили целый ряд районов, причем особенной остроты положение достигло в ЦЧО, где революционная работа комбедов развернулась наиболее активно. Самым распространенным лозунгом восстаний первого периода было «Долой комитеты бедноты!» Очень скоро, однако, движение превращалось в борьбу против советской власти вообще. Некоторые восстания, впрочем, начинались сразу же под лозунгом свержения советской власти и установления политического режима, защищающего интересы кулачества.

Восставшие разгоняли комбеды и

советы, уничтожали их документы и имущество, убивали председателей и членов этих организаций. Расправам контрреволюционеров подвергались продотрядники, продовольственные инструктора, уполномоченные по скотозаготовкам, контролеры мельниц и маслобоен, а также захваченные восставшими работниками милиции и чрезвычайных комиссий.

Этот перечень жертв кулацких восстаний уже показывает, против каких мероприятий пролетарской диктатуры направлено было острое ненависти эксплуататорского слоя деревни. Конкретное представление о том, против чего и за что боролось кулачество, под какими лозунгами проходили восстания и какова была их организация и тактика, дает, например, материал «следственных комиссий по выяснению причин мятежа» в Сосновском районе, Моршанского уезда. Этот район явился в ноябре центром восстания нескольких уездов Тамбовской, Пензенской, Рязанской губерний. Классовая борьба в Моршанском уезде развивалась летом и осенью 1918 г. в очень острых формах. Пользуясь здесь значительным влиянием в волостных и сельских советах, кулачество оказало организованное сопротивление строительству комбедов. Созванный в первой половине июля 5-й моршанский уездный съезд советов—кулацкий по своему составу—вынес резолюцию, требующую отмены хлебной монополии и уничтожения комбедов. Когда эта попытка контрреволюционного сопротивления была решительно парализована и кулацкие советы были распущены, а их функции были переданы комитетам бедноты, классовая борьба разгорелась с еще большей силой и вылилась, наконец, в вооруженное восстание кулачества против комбедов, против советской власти.

Свидетельские показания, собранные следственной комиссией, работавшей в момент ликвидации этого кулацкого мятежа, устанавливают, что одной из самых главных причин недовольства кулачества советской властью была продовольственная политика этой власти, вырывавшая из рук кулачества основное по тому времени орудие его контрреволюционного действия, а вместе с тем и основное

для него средство эксплуатации трудящихся — хлеб. «Богатеи наши, — говорится в свидетельских показаниях, — за учеты хлеба и реквизиции запасов выражали недовольство составом комитета бедноты»¹. Отмену хлебной монополии, введение свободной торговли и свободных цен кулачество стремилось осуществить теперь с оружием в руках. Не менее враждебно относилось кулачество и к тем мероприятиям комбедов, которые имели своей целью отобрать часть имеющихся в кулацких хозяйствах средств производства и снабдить ими бедноту. Недовольство «богатого класса» учетом и уравнительным распределением скота относится некоторыми свидетелями к главным причинам восстания². Здесь же следует указать и на тот факт, что основным плательщиком налогов, взимаемых советской властью при посредстве комбедов, являлась кулацко-зажиточная часть населения, в то время как даже середняки от платежа налогов иногда освобождались совершенно. Характерно, что, например, в Ольховской волости, Моршанского же уезда, толпа восставших при захвате делопроизводства комбеда похитила книгу постановлений, списки богатеев, акты о контрибуции на них и их подписки о признании советской власти³. Все остальные документы были оставлены на месте.

«Я, — говорит один из свидетелей мятежа в Ольховской волости, — ввиду приближающейся к комитету толпы стал позади председателя Попова, и в этот момент один из толпы... именно М. Т. Краснослободцев, обращаясь к председателю, обругал его матерными словами, крича: «Вот когда вам будет контрибуция!»⁴.

«Я шел рядом с председателем комитета бедноты Беляевым, — рассказывает один из участников расправы над комбедовскими работниками Вер-

¹ Тамбовский архив, фонд Губревтрибунала. Д. № 524 за 1918 г. Показание крестьянина Космина.

² Там же. Показание гр-на Быкова.

³ Там же. Показание председателя волкомбеда Попова.

⁴ Там же. Показание секретаря волкомбеда Макарова.

хнеярославской волости,— и, вспомнив... как он взял с меня семь тысяч контрибуции да еще назначил пять тысяч, ударил его «насадкой» по щеке, назвав его негодяем»¹.

Но кулачество выступало с оружием в руках не только против тех мероприятий пролетарской диктатуры, проводниками которых в деревне явились в основном комитеты бедноты. С неменьшей озлобленностью относилось кулачество к земельной политике советской власти, к результатам первого передела земли, проведенного в основном на протяжении весенних месяцев 1918 г., т. е. в предкомбедовский период революции. «Причину восстания у нас,— читаем мы в показаниях крестьянина Косминина,— я объясняю исключительно злобою богатого населения к беднякам, к которым «по новым» правам отошли их посевы»². Борьба велась, таким образом, и против «черного передела». Интересы восставшего кулачества смыкались с интересами помещика.

Понятно, что для защиты своих интересов кулачество стремилось к установлению в стране соответствующей этим интересам политической системы.

Стремление отстоять свои политические права, в частности вернуть себе право участия в выборных деревенских собраниях, где кулачество до Октября пользовалось господствующим влиянием, превратить эти собрания в общекрестьянские «полные» сходы, включающие в свой состав и кулачество, являлось, как показывают документы, одной из непосредственных причин вооруженных выступлений кулачества против советской власти.

Стремясь установить выгодный для защиты своих интересов политический режим, кулачество опиралось на весь предшествующий опыт борьбы контрреволюционеров против диктатуры пролетариата. Этот опыт оно усваивало под руководством антисоветских политических партий, главным образом под руководством эсеров. К тому моменту, когда восстания

против комбедов приняли широкие размеры, кулачество могло уже полностью учесть те результаты, какие приносит с собой осуществление лозунга эсеров: вся власть Учредительному собранию; власть «Комитета» членов Учредительного собрания в пределах нескольких губерний Поволжья и Приуралья («Комуч») оказалась для деревни властью помещика и кулака. То, что делалось в Самарской деревне с мая по октябрь 1918 г., полностью соответствовало интересам кулака, его эксплуататорским устремлениям. Вот почему лозунг эсеров о передаче власти Учредительному собранию был очень распространенным на территории кулацких восстаний в период комбедов.

«Восставшие, — говорится о мятеже в Лезоламской волости, — направились в канцелярию комбедноты за оружием, но оружия там не было; имеющийся красный флаг на канцелярии они сорвали, разгромили канцелярию и кричали: «Да здравствует Учредительное собрание!»³

В Мастиновской волости, Пензенского уезда, контрреволюционная толпа ходила по улицам, провозглашая: «Долой советы, да здравствует Учредительное собрание!»

Такая же картина наблюдалась во многих волостях других уездов, когда там поднимались на вооруженное восстание эксплуататорские элементы деревни.

Однако указанный лозунг не был единственным для кулацких восстаний. Наряду с ним мы встречаем в некоторых районах лозунг «Да здравствует монархия!» С ним выступило, например, кулачество в Пичаевской волости, Моршанского уезда⁴. Этот лозунг приходил на смену распространенным в начале восстаний призывам о передаче власти Учредительному собранию. В развитии кулацких восстаний на коротком отрезке времени повторялось то же самое, что происходило в эпоху гражданской войны во всех контрреволюционных лагерях (учредловщина, колчаковщина, деникинщина и т. д.). Движение против пролетарской

¹ Тамбовский архив, фонд Губревтрибунала. Д. № 524 за 1918 г.

² Там же.

³ Там же. Показания крестьянина Таткина. Дело № 524.

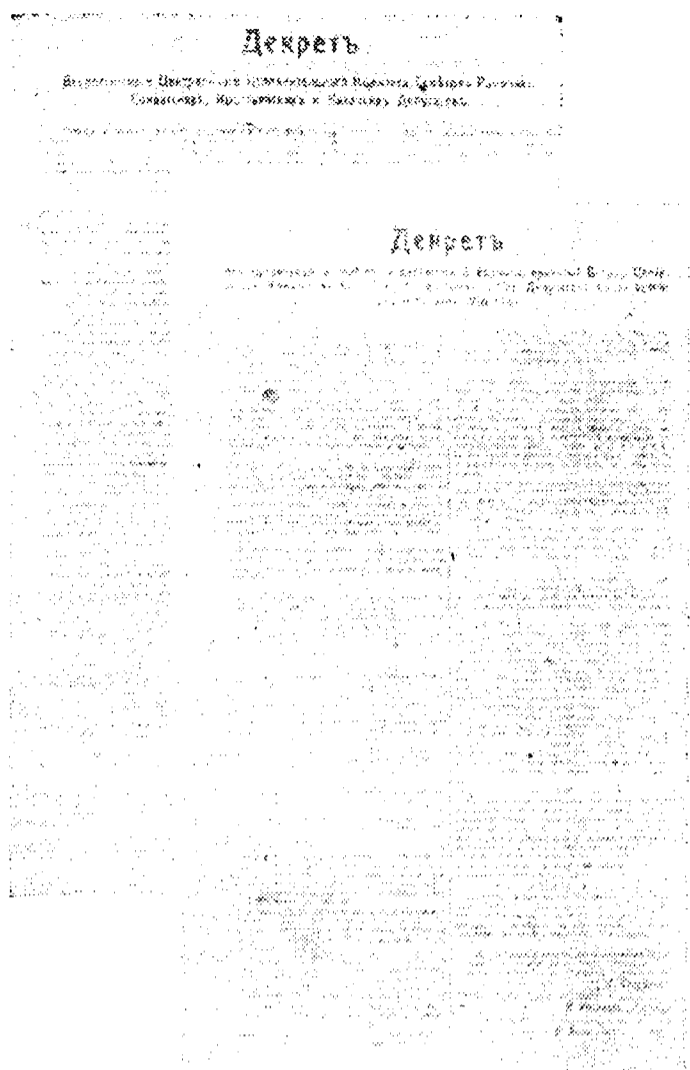
⁴ «Моршанская коммуна» № 2 от 13-IX 1918 г.

диктатуры начиналось с лозунга «широкой демократии», а кончалось генеральской или адмиральской диктатурой. «Господа белогвардейцы выставили лозунг «Учредительное собрание», — писал ВЦИК в своем обращении к трудовому крестьянству и деревенской бедноте по поводу ноябрьских восстаний.—спросите самарских крестьян и рабочих, спросите казанских, симбирских, спросите архангельских и уфимских, сибирских и украинских крестьян и рабочих: они вам расскажут горькую правду про Учредительное собрание, какое дали им правые эсеры, белогвардейцы, как отдавали снова их в кабалу помещикам и капиталистам, как лишили всяких прав, как собирали «народную» армию против русских рабочих и крестьян. Да разве вы забыли, что украинских крестьян закабалили тоже этой сказкой об Учредительном собрании. Да разве вы забыли, что немецкие генералы вели своих солдат в Россию тоже под этим видом: дескать, хотим вам устроить Учредительное собрание. Всякий негодяй, всякий черносотенец, всякий эксплуататор и паразит-миродед прикрывается в наши дни Учредительным собранием»¹.

Движение по пути к буржуазно-помещичьей диктатуре, основанное на однородности интересов кулака, промышленника, торговца и, наконец, помещика, обнаруживается в кулацких восстаниях тем более отчетливо, что на сцене деревенской политической жизни вновь появляются в этот момент прислужники царского режима: в восстаниях принимают активное участие волостные старшины и сельские старосты, во главе восстаний становится старое офицерство.

Что касается общего — «верхозного» — руководства восстаниями, то несомненно, что оно исходило из белогвардейских центров, связанных с внешней контрреволюцией и интервенцией, которые использовали в своих целях организационно-политический аппарат мелкобуржуазных антисоветских партий, в первую очередь и главным образом партии эсеров. Об этом свидетельствует такой факт, как единовременное (в рамках почти одной

¹ «Правда» № 251 за 1918 г.

Декреты советской власти об организации снабжения деревенской бедноты и об изъятии хлебных излишков и борьбе с хлебными спекулянтами-мешечниками. 1918 г.

недели—с 7 по 15 ноября) выступление кулачества сразу в нескольких губерниях. На это же указывают и единство лозунгов, которые были выставлены восставшими, и, наконец, наличие контрреволюционных политических организаций среди кулачества еще до начала восстаний. Непосредственные свидетели восстаний подчеркивают большую организованность кулачества, причем объясняют ее именно тем, что оно уже заранее было подготовлено к выступлению.

«Я полагаю, что восстание было организовано, так как все скрывшиеся в настоящее время руководители его— бывшие офицеры — сразу сорганизовались и стали во главе движения»².

«По моему личному убеждению, у нас среди кулаков существовала организация, так как выступить так едино-

² Тамбовский архив, фонд Губрев-трибунала. Дело № 321 за 1918 г. Т. II. Показание Н. М. Жукова, помощника начальника ст. Сосновка.

душно, как это было в начале восстания, они без предварительного соглашения не могли. Этой же организацией, этой сплоченностью и заранее выработанным планом я объясняю и массовое зверское убийство должностных лиц»¹.

«Что у богачей была своя организация, это подтверждается и тем обстоятельством, что по набату к сборной избе сбежались почти одни богачи»².

2

На месте разгромленных комитетов деревенской бедноты и советов возникали военные органы, руководившие вооруженной борьбой против советских войск — военные коллегии, военные штабы³, — где господствующее положение занимало офицерство, а также и органы гражданской власти, хотя им и не удавалось сколько-нибудь заметно проявить свою деятельность ввиду очень кратковременного их существования. О том, как создавались эти органы, из кого они состояли, как предполагали строить свою работу, наши материалы не содержат полных и отчетливых данных. Мы располагаем некоторыми сведениями на этот счет лишь по Ольховской волости, Моршанского уезда, которая принадлежала к району, наиболее сильно охваченному ноябрьским движением кулачества. Толпа восставших выбрала здесь волостного старшину, волостного писаря и сельского старосту. На должность волостного старшины прошел прапорщик Ногайцев — один из жителей села Ольхи, на должность старосты — один из наиболее активных участников мятежа, крестьянин того же села, Овчинников, призывавший «разрезать по кускам» комбедовских работников⁴.

¹ Тамбовский архив, фонд Губревтрибунала. Д. № 524. Т. IV. Моршанский уезд. Показание крестьянина Д. М. Сережкина.

² Там же. Показание крестьянина Ф. А. Попова.

³ Там же. Д. № 321 за 1918 г. Показание И. Гусельникова; см. также А. В. Шестаков «Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма», стр. 106. Воронеж. 1930.

⁴ Там же. Д. № 524 за 1918 г. Показание Попова.

Первым делом этого кулацкого органа власти явилась рассылка обращений ко всем окружающим деревням и селам с призывом — присоединиться к восстанию и прислать своих делегатов в волостной центр. Это имело место во многих районах, охваченных восстаниями. «Руководители этой банды, — читаем мы, например, в донесении Мастиновского волсовета, Пензенского уезда, о восстании в волости 11 — 12 ноября, — разделяли толпу на отряды и ставили в обязанность — одним идти разбирать железнодорожный путь, а другим — двинуться разломать мосты, пролегающие по пути следования к городу Пензе, а остальная толпа должна идти в село Рамзай возмущать, чтобы соединиться воедино и не давать вывозить продовольствие и хлеб»⁵.

В материалах следственной комиссии по выяснению причин мятежа в Сосновском районе сохранилось несколько обращений-повесток, которые были разосланы повстанцами села Троицко-Росляй другим селам района.

«Троицко-Росляйское сельское общество, — говорится в одной из таких повесток, адресованной Александровскому сельскому обществу, — постановило: избрать делегацию и послать таковую в село Грязное для возмущения, ввиду чего мы просим ваше общество присоединиться к нашей делегации и совместно отправиться всем на Грязное»⁶.

С первых же шагов своей контрреволюционной деятельности главарям восстаний приходилось прибегать к принудительной мобилизации населения в районах, которые были им подвластны. Под командованием контрреволюционного офицерства оказывались тысячные армии, иногда довольно хорошо вооруженные. В распоряжении восставших имелись иногда не только винтовки, но и гранаты, бомбы, орудия. Так например при ликвидации восстания кулачества в селах Дуплятском, Курганском и Покровско-Марфинском, Тамбовской губ., «у восстав-

⁵ Пензенский архив, фонд Губисполкома за 1918 г.

⁶ Тамбовский архив, фонд Губревтрибунала. Д. № 321 за 1919 г.

Продотряд, отправляемый в деревню за хлебом. 1918 г.

ших было собрано 2 орудия, 3 пулемета и около 200 винтовок»¹.

И все же несмотря на широкий размах движения мы не замечаем в нем централизации военных действий. Движение распадалось на отдельные участки, ограниченные пределами той или другой, то двух — трех волостей. В военной тактике восставших преобладали мероприятия, имеющие не наступательный, а оборонительный характер, причем эти мероприятия имели в виду создать защиту опять-таки только для узких, территориальных районов.

Причины заключались в том, что кулачество, стремясь сообщить своему контрреволюционному движению массовый характер, без чего это движение с самого начала было обречено на неудачу, вовлекало в движение и середняков, но участие середняков в движении тотчас же сообщало ему локальную ограниченность и инертность, с которыми кулацкое руководство справиться не могло.

Почему же середняк в ряде случаев принимал участие в контрреволюционном движении кулачества?

В первую очередь нужно отметить, что часть середняков вовлекалась в кулацкое движение нередко под угрозой расстрела всякого, кто откажется принимать участие в выступле-

нии против советской власти. (Так было, например, во время ноябрьского мятежа в Тамбовской губ.). Но этим, конечно, нельзя объяснить поведение всей массы середняков, примыкавших к кулацким выступлениям.

Громадную роль здесь играла, конечно, враждебная советской власти агитация кулачества. Однако почва для этой агитации создавалась теми отклонениями от политики пролетарской диктатуры в отношении середняка, которые замечались иногда в работе советов или комбедов.

Нередко экономический и политический нажим на кулачество комбеды распространяли и на середняка. Так например при конфискации продовольственных запасов, при взимании контрибуций и налогов к середняку применялся тот же подход, что и к кулачеству.

«В последнее время, — указывал Наркомвнудел в одном из своих циркуляров за декабрь 1918 г., — целый ряд губерний был охвачен восстанием. Еще не закончено расследование событий. Но уже с первых шагов следствия выяснилось, что наряду с работой контрреволюционеров одной из причин восстаний была недостаточная тактичность в действиях представителей местной советской власти, неумелое исполнение ими заданий центра и непонимание характера своей работы. Особенно это обнаружилось при осуществлении декрета о сборе

¹ А. В. Шестаков «Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма», стр. 104.

десяти миллиардного налога, наложении контрибуций и конфискации, проведении мобилизации, отделения церкви от государства. Оценивая огромное значение для революции этих декретов в настоящий, исключительный момент, создаваемый общим международным положением, необходимо помнить, что проведение декретов в жизнь должно совершаться с наибольшей пользой для укрепления власти на местах... Не давая пощады буржуазии и кулацким элементам, будьте внимательны, когда затрагиваются интересы среднего крестьянина. Привлекая их на свою сторону, не смешивайте их с контрреволюционными и кулацкими элементами. Только при такой работе возможно ближайшее достижение всех революционных задач, кои стоят перед советским правительством в области освобождения трудящихся от гнета эксплуататоров и обеспечения мирного развития страны»¹.

Отрицательное действие указанных извращений пролетарской политики еще более усугублялось, когда середняк замечал со стороны должностных лиц комбедов сознательное злоупотребление властью, носившее характер явных преступлений. Многотысячная масса комбедовских организаций несмотря на контроль, осуществлявшийся над ее деятельностью вышестоящими органами пролетарского государства, конечно, не могла быть совершенно свободной от присутствия в составе ее работников такого элемента, который очень часто не имел ничего общего с социальными слоями, объединявшимися в комбедах, и прежде всего старался использовать свое положение в корыстных, преступных целях. Нередко эту роль выполняли те выходцы из кулацких слоев деревни, которым удавалось проникать в состав комбедов и которым выгодно было дискредитировать своими действиями бедняцкие организации.

Все это и старался использовать кулак, для того, чтобы возлечь середняцкие массы на путь открытых вооруженных выступлений против комбедов. Успеху этой тактики кулачества косвенным образом способство-

вали также и те социально-экономические условия, в которые была поставлена в 1918 г. деревня в результате империалистической войны и вооруженных выступлений внешней контрреволюции. Мы здесь имеем в виду главным образом кризис в снабжении деревенского населения промышленными товарами и проведение мобилизаций в Красную армию. Кулачество распускало среди новобранцев ложные слухи о тяжелом положении советского фронта, о падении советской власти в центре, о плохом обращении на военной службе с красноармейцами и т. д. и всю тяжесть гражданской войны и ее причины приписывало установлению пролетарской диктатуры и действиям ее органов на местах.

Точно так же поступало кулачество и в своей агитации по поводу недостатка необходимых для крестьянского хозяйства промышленных товаров.

«Поводом к восстанию, — говорится в показаниях свидетелей мятежа в Сосновском районе, Тамбовской губернии, — считаю недостаток продуктов, который населением, вследствие агитации богатого класса, вменялся в вину тому же комитету бедноты»².

«Народ восстал вследствие чисто экономических причин: в настоящее время у нас ощущается недостаток соли, керосина и других продуктов; население волновалось, высказывало недовольство против комитетов бедноты, которых обвиняли в отсутствии забот о населении»³.

Трудности, которые были результатом хозяйничанья буржуазии и помещиков в дооктябрьскую эпоху, кулачество объясняло середняку действиями комбедов. И в тех случаях, когда эти действия ущемляли интересы середняка, ставили его в положение, аналогичное положению кулачества, середняк поддавался кулацкой агитации и выступал вместе с кулачеством против органов советской власти.

Но в то время как кулак имел конечной и главной целью своих вооруженных выступлений свержение

² Тамбовский архив, фонд Губревтрибунала. Д. № 524 за 1918 г. Показание гражданина гор. Новохоперска.

³ Там же. Показание одного из свидетелей-крестьян.

¹ «Власть советов», орган Наркомвнудела, № 28 от 15/ХІІ 1918 г., стр. 3.

1-й с'езд комбедов Малиновской волости, Саратовской губернии, 1918 г.

пролетарской диктатуры и реставрацию буржуазно-помещичьих порядков, для середняка эта цель была совершенно чуждой, так как с ее достижением середняк терял свои завоевания в революции, в частности и главным образом завоевания в области ликвидации крепостнических пережитков. В то время, как кулак боролся против политики пролетарского государства во всех ее областях, середняк боролся лишь против извращений этой политики, которые встречались в деятельности некоторых местных органов советской власти и которые сильно ущемляли его интересы. И, наконец, в то время как для кулака разгром деревенских органов советской власти был лишь началом контрреволюционной организации, преследовавшей дальнейшую цель ликвидации уездных, губернских и центральных органов пролетарской диктатуры, середняк готов был успокоиться, как только оказывались ликвидированными те органы власти, которые по отношению к нему непосредственно проводили мероприятия, носившие антисередняцкий характер.

Поэтому середняк оставался глух к призывам кулачества развивать наступление. Он предпочитал оставаться в пределах своего района и вести оборонительные действия. Но

здесь его позиция не была прочной. Средняк чуть ли не с первых же дней восстания начинал колебаться и выискивать удобный момент для того, чтобы войти в соглашение с советской властью.

В ликвидации кулацких восстаний, когда они охватывали значительные районы, иногда участвовали регулярные части Красной армии, но в основном работа по разгрому вооруженного кулацкого сопротивления проводилась силами губернских и уездных комитетов партии, которые проводили мобилизацию партийцев, составляли из них вооруженные отряды и направляли эти отряды в районы восстаний. Эти отряды опирались в первую очередь на деревенские партизанские и бедняцкий актив деревни в лице комбедов.

Необходимо отметить при этом, что в районах обостренной классовой борьбы комбеды принимали меры к вооружению и боевой подготовке своих членов. Чаще всего это встречалось в ЦЧО, где, например, требования о вооружении членов комбедов выносились на целом ряде губернских и уездных комбедовских с'ездов, причем эти требования мотивировались именно необходимостью разоружения и подавления антисоветских элементов деревни, борьбы с контрреволюционным террором и восстаниями ку-

личества. Так, происходившее в Орле 22 августа 1918 г. губернское совещание председателей всех уездных комбедов вынесло постановление, подчеркивавшее, что «в целях закрепления власти беднейшего крестьянства над кулаками необходимо немедленно приступить к организации вооружения комбедов»¹.

Учитывая силу кулацкого сопротивления и революционный подъем бедноты, ряд губисполкомов ЦЧО пошел навстречу требованиям комбедовских организаций и содействовал им в получении оружия.

Очень часто вооружение бедноты проводилось коммунистическими отрядами, направлявшимися в деревню для подавления контрреволюционных выступлений кулачества. В лице бедноты партийные и советские органы, руководившие ликвидацией кулацких восстаний, получали, таким образом, в самой деревне вооруженную опору для своих действий. С другой стороны, и в самом лагере восставших эти органы встречали в лице середняка такой социальный слой, который, как указано, занимал по отношению к восстанию чрезвычайно неустойчивую позицию и быстро вступал на путь соглашения с советской властью.

Средняцкая масса восставших начинала рассыпаться, как только видела, что дело доходит до энергичной ружейной или пулеметной перестрелки.

«Утром, в четверг, когда ударили в набат, — рассказывает один из участников ноябрьского мятежа в селе Сосновке, Моршанского уезда, — мы собрались на площади. Здесь нас построили те же офицеры Козлов, Жуков, Корнышев, Шелелев, Плетнев (который потом был убит) и повели по дороге на Моршанск, но скоро остановили и повернули нас на дорогу в Ламки... Сколько всех нас было сосновских, точно не укажу, но во всяком случае не менее 400 человек. Только мы отошли от Сосновки, как услышали, что в Ламках стреляют из пулемета. Я и другие испугались, и мы по несколько человек, не обращая

внимания на команду рассыпаться цепью, стали незаметно отходить в сторону, причем я ушел в лес, просидел там, а когда заметил, что многие пошли домой, ушел и я»².

Такие описания, свидетельствующие о неустойчивости кулацких восстаний, вслед за тем как в них начинал принимать вынужденное или даже добровольное участие середняк, встречаются в показаниях свидетелей и участников этих восстаний довольно часто. Развал в рядах восставших особенно увеличивался после того, как до них доходили известия о ликвидации восстаний в соседних районах и о восстановлении там советских учреждений. Слух о поражении мятежников в соседних волостях нередко заставлял другие волости идти на самоликвидацию восстаний. Крестьяне, принимавшие участие в мятеже, освобождали в этих случаях арестованных комбедовских работников и избирали их в качестве посредников для переговоров с советскими органами, руководившими ликвидацией восстаний.

При таком положении вещей сравнительно небольшим советским отрядам удавалось в очень короткий срок ликвидировать восстания в довольно обширных деревенских районах. И только отдельные вооруженные группы кулачества, уже изолированного от остальных слоев крестьянства, продолжали свое контрреволюционное сопротивление, переходя к бандитизму, борьба с которым велась дальше при посредстве бедняцкой и середняцкой массы крестьянства силами волостной и уездной милиции.

Восстания, подобные тем, какие имели место в эпоху комбедов, кулачество организовывало и в дальнейшем. Но эти обреченные на неудачу восстания не могли поколебать устойчивости пролетарской диктатуры, не могли помешать сплочению бедняцко-середняцкого крестьянства под знаменем коммунистической партии, под знаменем великих боев за социализм.

¹ «Известия орловского совета» № 154 от 1 сентября 1918 г.

² Тамбовский архив, фонд Губревтрибунала. Д. № 321 за 1919 г. Показание крестьянина Русельникова.

В. Васютинский

ОЛИВЕР
КРОМВЕЛЬ

Вспомним историю Англии XVII века.

Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы добить его силой? (из беседы товарища Сталина с Г. Д. Уэллсом).

Фигура Кромвеля выступает перед нами из тумана истории в самых разнообразных видах. Кромвель изображался то лицемерным узурпатором с обгаренными кровью невинных жертв руками, то великим героем-освободителем. Характеристика Кромвеля как политического деятеля видоизменялась в зависимости от расстановки классовых сил, от социальной обстановки и от политических симпатий тех, кто изображал его. В XVIII в. Юм в своей «Истории Великобритании» изображал английскую революцию «великим мятежом», а Кромвеля — лицемерным честолюбцем, демагогом и тираном. С окончательной победой капитализма в XIX в. уверенная в своем могуществе буржуазия начала со спокойной улыбкой взирать на «грехи молодости» своего класса. Революцию XVII столетия определяли как религиозно-политическое движение, как пуританскую революцию, без каких бы то ни было классовых основ. Кромвель превозносился как буржуа, заложивший основы мирового величия Англии. Гарднер и Ферс¹ подчеркивали его консер-

ватизм, политическую осторожность, выдвигали на первый план только его военные таланты. Суть этих исторических построений заключалась в том, чтобы затушевать значение революции масс, начавшейся в 1640 г. Эта тенденция держалась в буржуазной исторической науке в течение всего периода «мирного» развития капитализма.

Сейчас, когда и перед английской буржуазией столь реально встал образ социалистической революции и известные слои этой буржуазии ищут спасения в фашистской диктатуре, буржуазные историки стремятся изобразить Кромвеля в качестве прототипа фашистского вождя. Эту точку зрения проводит в своей новой работе о Кромвеле (скорее романе, чем исследовании) немецкий квази-ученый Бауэр. В более замаскированной форме эта точка зрения проглядывает и в едких парадоксах на тему о парламентаризме, протестантской религии и демократии эпохи Великой английской революции в недавно вышедшей книге о Кромвеле известного английского писателя Хилэра Беллока, католика-мракобеса и сторонника фашизма.

Либеральные историки, отражающие тенденции других слоев английской буржуазии, пытающихся сохранить свое господство методами парламентаризма и буржуазной демократии, смогли противопоставить фашистским историкам лишь старую точку зрения Гардинера и Ферса (см., например, работу Джона Бьюкена «Оливер Кромвель»).

1

Англия в начале XVII в. являлась полуфеодальной страной с многочисленным дворянством и крепким слоем именов² и ремесленников.

² Иомены — так назывались в Англии XVII в. зажиточные крестьяне вне зависимости от прав этих крестьян на землю: и собственник земли (фригольдер) и зажиточный держатель земли по воле лорда, согласно обычаю (держатель по копии—копигольдер).

¹ Гарднер (1829—1900) и Ферс (1857) — крупнейшие буржуазные историки Великой английской революции, собравшие громадный документальный материал по этому вопросу.

Но к этому времени в стране уже развивались капиталистические отношения. Возросло значение мастера-мануфактуриста и богатого купца, в деревне капиталистический фермер уже заменял прежнего крестьянина-обычника¹, феодального помещика вытеснял землевладелец нового типа, который, по выражению Маркса, «находился не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии...»². Общие интересы сближали эти группы и противопоставляли их феодальному порядку.

Процесс первоначального накопления продвинулся в это время уже далеко: мануфактура разоряла ремеслен-

¹ Крестьянин-обычник — держатель земли по воле лорда, согласно обычаю манора. Крестьяне-обычники составляли основную массу английского крестьянства, опутанного пережитками крепостничества. Крестьянин-обычник на основе феодального обычая должен был платить помещику различные денежные подати, заменившие натуральные повинности. Платежи эти с развитием денежного хозяйства все возрастали; кроме того в результате огораживаний у копигольдеров-обычников отрезались все большие части их земли, и из держателей по копии они частично превращались во все более эксплуатируемых арендаторов (лизгольд), частично вообще экспроприировались и пополняли ряды армии будущего и уже существующего пролетариата. Известная часть крестьянства выделялась из общей массы в виде капиталистического фермерства.

² Сборник «Маркс и Энгельс в германской революции 1848 г.». Изд. 1926 г., стр. 441.

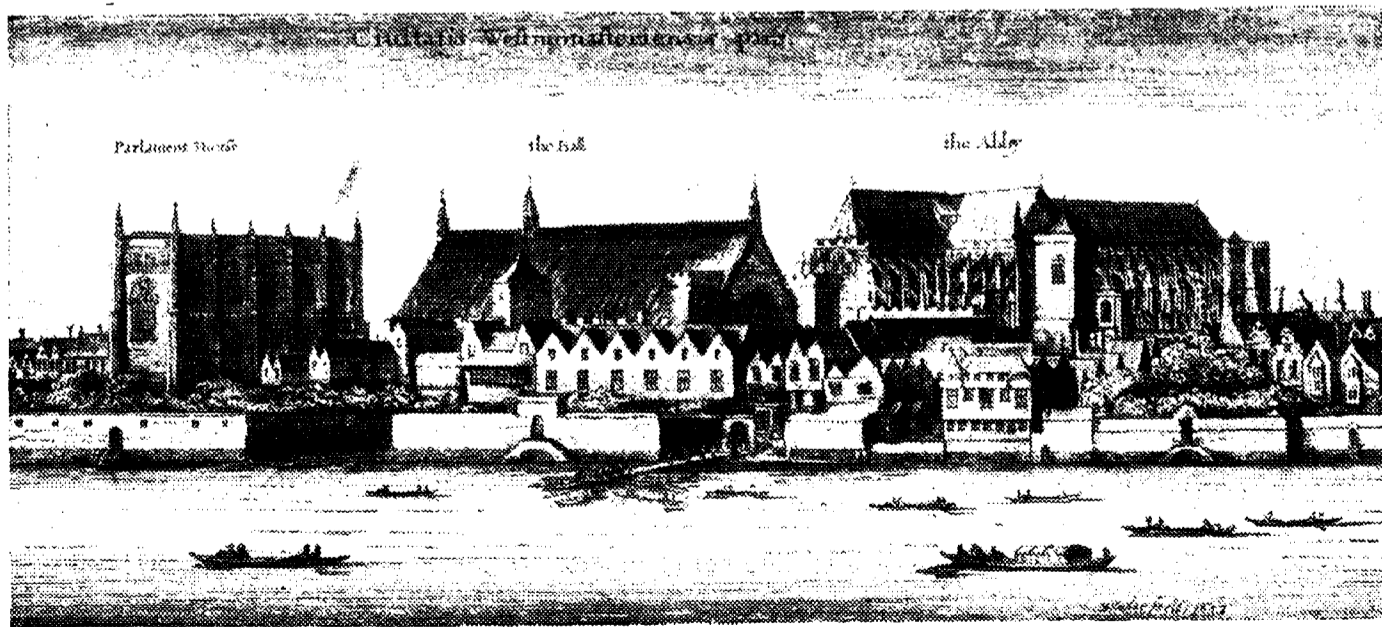
ника, огораживания превращали крестьянина в безземельного пролетария, а колониальные завоевания приносили все новые богатства буржуазии. Обострялась классовая борьба: участились стачки предпролетариев того периода, волнения городской бедноты и восстания крестьян. Все свидетельствовало о развитии капитализма. «Торговля, — писал современник, — жизнь государства, мануфактура — его нервы, деньги — душа их обоих»³.

Тем не менее, ни буржуазия, ни союзник ее, новое дворянство, еще не имели полной политической власти. Основными столпами феодализма были королевская власть, крупное дворянство и государственная английская церковь. Как глава церкви король через зависимое от него духовенство и особенно епископов контролировал всю жизнь своих подданных.

Теснейшая связь между церковью и духовенством нашла выражение в заявлении Иакова I: «Нет епископа, нет и короля».

Антифеодальная оппозиция приняла религиозную форму, а знаменем ее стало пуританство, эта «готовая теория борьбы буржуазии» (Энгельс). Объединяя разнородные социальные элементы, пуританство распалось на два основных крыла: пресвитериан, защищавших интересы крупной финансовой буржуазии, интересы Сити и обуржуазившегося крупного дворянства, и ин-

³ M. James «Social problems and policy during the Puritan Revolution», p. 44.

Вестминстер времен Карла I.

Со старинной английской гравюры.

делендентов, выразителей интересов массы средней и отчасти мелкой буржуазии и джентри.

Наряду с антифеодальными настроениями буржуазии росло возмущение широких народных масс города и деревни. Англия стояла перед своей буржуазной революцией.

2

Экономические интересы Оливера Кромвеля, его общественное положение определили его оппозиционность. Оливер Кромвель родился 25 апреля 1599 г. в маленьком городке Хентингдоне, в Средней Англии. «По происхождению,—рассказывал он о себе,— я джентльмен, стоящий не на очень высоком уровне, но и не на очень низком». Действительно, отец его был преуспевающий, деловой сквайр¹, имевший связи с буржуазными кругами; политические симпатии его склонялись к пуританству; это был типичный помещик-предприниматель.

Сын его получил строго пуританское воспитание, которое продолжили школа и университет. Но молодой Кромвель не мог закончить своего образования: в связи с ранней смертью отца он вернулся в родное поместье, вскоре женился и всецело отдался заботам о семье и хозяйстве.

Общение с такими выдающимися пуританами, как Гемден и Сент-Джон и собственные его наблюдения привели Кромвеля в лагерь самых горячих сторонников пуританизма. Он открыто защищал пуританских проповедников, а позже вступил в резкий конфликт с аристократическим самоуправлением родного города. Авторитет его, однако, возрастал: сначала он был избран мировым судьей, а в 1628 г., — в парламент.

В этом году палата общин пред'явила знаменитую «петицию о правах», по поводу которой начались острые конфликты между палатой общин и королем. Карл I, распустив в 1629 г. парламент, стал править как единоличный, абсолютный монарх. Кромвель в это

¹ С к в а и р — помещик, представитель джентри или поместного дворянства.

OLIVARIVS CROMWELL EXERCITIVVM
ANGLIÆ REIPUBLICÆ DVX GENERALIS
LOCVM TENENS ET GOVERNATOR HIBERNIÆ
OXONIENSIS ACADEMIÆ CANCELLARIVS

Оливер Кромвель. Со старинной английской гравюры.

время еще не играл большой роли. Выступал он в парламенте только раз в защиту свободы проповеди, показав себя непримиримым пуританином; кроме того, надо предполагать, что он поддерживал «петицию о правах».

С роспуском парламента Кромвель уехал в свое поместье и снова превратился в скромного хозяйственного сквайра.

Феодальные путы мешали развитию капиталистических отношений. Деспотизм Карла I достиг высшей степени. Монополии тормозили свободную конкуренцию: бремя налогов необычайной тяжестью давило страну, свирепствовал религиозный и политический террор, кризис охватил все хозяйство.

Попытка Карла I ввести англиканство и английские бюрократические порядки в пресвитерианской Шотландии, вызвала восстание (1637 г.): шотландцы заключили ковенант¹ и нача-

¹ К о в е н а н т — политический договор, заключавшийся в Шотландии между кланами или отдельными социальными группами; в более важных случаях — это обязательство всей нации защищать религию или свободу всей страны.

ли войну с королем, который потерпел в ней поражение.

Англия была накануне революции. Начались восстания крестьян, демонстрации в городах, движение среди рабочих предместий. Под влиянием все возраставшей нужды повысилась активность масс.

Налицо была революционная ситуация: «верхи не могли», а «низы не хотели» жить по-старому»¹.

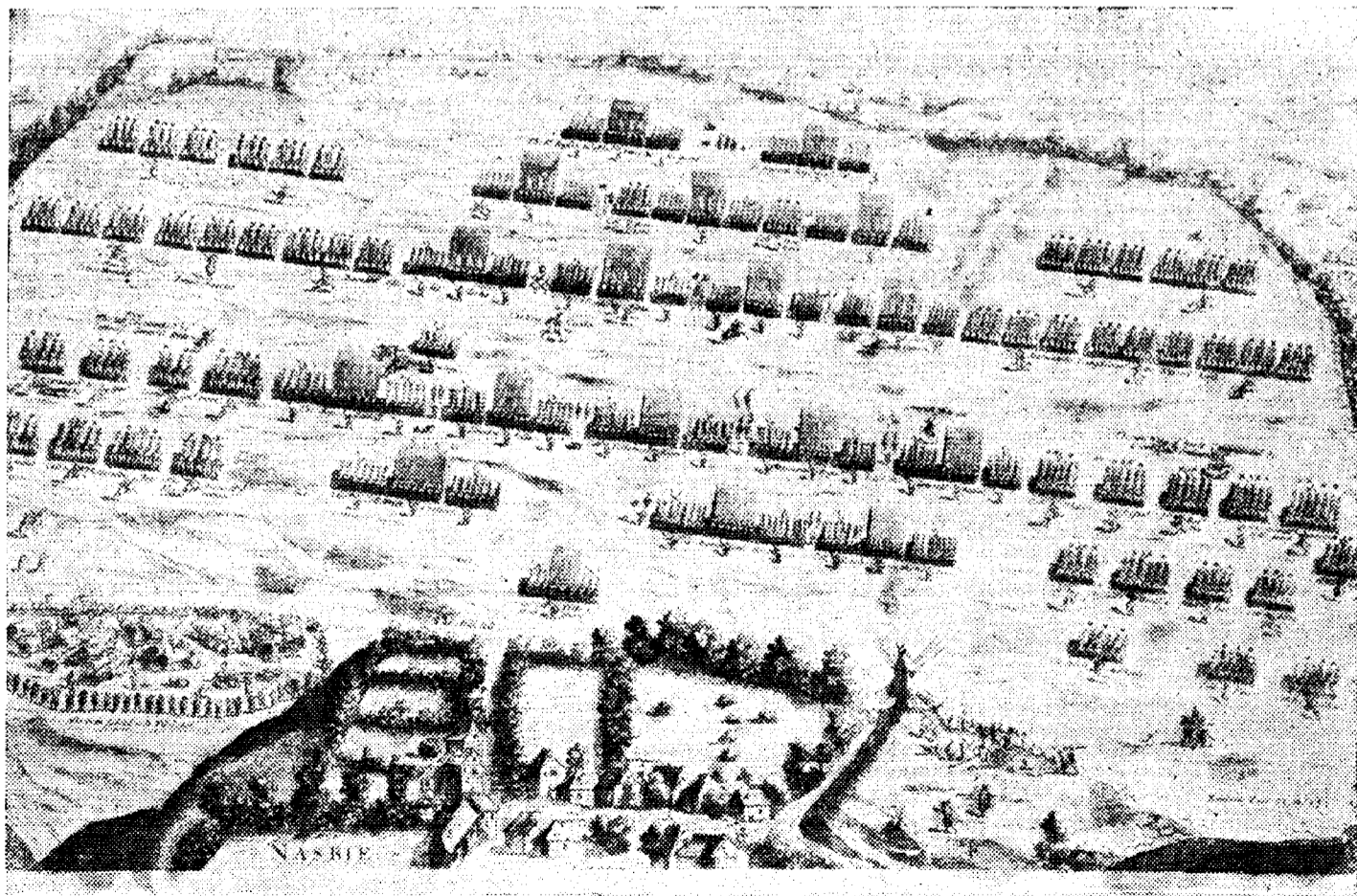
Неудачи в борьбе с шотландцами заставили Карла I созвать в апреле 1640 г. парламент. Но парламент требовал реформ. Через три недели Карл I распустил этот парламент, получивший в истории название Короткого. Однако в связи с усилением революционного движения в стране (в частности, в Лондоне была значительная демонстрация: массы пытались освободить политических заключенных и убить архиепископа Лода) Карл I был снова вынужден созвать парламент в ноябре 1640 г. Этот парламент получил название Долгого, так как не расходился 12 лет. Король вынужден

был капитулировать. Власть перешла в руки Долгого парламента. Членом его был и Оливер Кромвель, избранный несмотря на противодействие властей в парламент от Кембриджского графства, куда он переехал после конфликта с аристократическим самоуправлением Хентингдона.

11 лет абсолютного правления Карла I укрепили в Кромвеле его антифеодалные воззрения.

В Долгом парламенте он принимал активное участие в осуществлении ряда реформ: были отменены многие налоги, ряд жертв абсолютизма получил свободу, были упразднены наиболее бюрократические органы абсолютизма: Звездная палата, Высокая комиссия, Палата прошений. Когда, наконец, призвали к ответу ближайших советников Карла I и парламент под давлением широких трудящихся масс, особенно рабочих предместий Лондона, добился казни Страффорда, злейшего врага революции и первого помощника короля, а потом и казни архиепископа Лода, Кромвель был в числе самых решительных сторонников беспощадного наказания слуг старого режима.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 244.

Битва при Незби. На первом плане — армия Кромвеля, за ней — королевские войска. Со старинной английской гравюры (из собрания автора).

Все это время Долгий парламент, в котором руководящую роль играли пресвитериане, а индипенденты составляли меньшинство, действовал единодушно. Но когда было внесено предложение об отмене епископата и конфискации епископских земель, это единство нарушилось; несмотря на все старания Пима, Гемдена и Кромвеля (он был главным инициатором проекта) многие высказались против билля об отмене епископата. «Если епископат будет уничтожен народом, — сказал Уоллер, — мы ни в чем не сможем ему отказать, и на нас ляжет трудная задача — защищать от него нашу собственность»¹.

Эти слова Уоллера являются доказательством того, что дворянство и купечество Долгого парламента уже страшались растущего народного движения. И, действительно, на местах усиливались крестьянские волнения.

Еще большие разногласия вызвала так называемая Великая Ремонстрация (политическая программа, представленная парламентом Карлу I), в которой содержались такие резкие нападки на монархию, что умеренное дворянство не голосовало за нее. Ремонстрация прошла ничтожным большинством голосов. Прения настолько обострились, что коммонеры² обнажили шпаги. Любопытны следующие слова Кромвеля по этому поводу: «Если бы Ремонстрация была отвергнута, я завтра же продал бы все, что имею, и никогда более не увидел бы Англии; я знаю, — добавил он, — что многие честные люди пришли к тому же решению»³. Известие об ирландском восстании против угнетателей — английских колонистов — еще больше обострило борьбу. Король и его сторонники готовили контрреволюционный переворот, вербуя новую королевскую гвардию. Между лондонским плебсом и королевскими отрядами начались уличные бои, вооруженные столкновения. В этот период и появились клички: «кавалеры» (так прозвали сторонни-

ков короля) и «круглоголовые» (представители буржуазии, которые начали стричь волосы вскобку).

Карл I пытался произвести переворот, разогнать парламент и арестовать вождей оппозиции. Но это ему не удалось, и он вскоре уехал из Лондона, где особенно сильно было революционное напряжение в массах, на север, чтобы готовиться к гражданской войне. В октябре 1642 г. гражданская война началась.

3

Силы борющихся партий распределились следующим образом: за короля стояли отсталые север и запад, за парламент — торгово-промышленный восток и приморская Англия с крупными портовыми городами во главе с Лондоном. В первое время побеждали кавалеры, имевшие солидную военную выучку и сознательно боровшиеся за свои классовые интересы. Армия парламента состояла из широких слоев крестьянства, ремесленников, сельского и городского пролетариата.

Но в составе этой армии, пополнявшейся принудительными наборами, было немало случайных пассивных элементов. Эта армия не имела достаточной военной подготовки, да и парламентские генералы Эссекс, Манчестер и др. сочувствовали королю и придерживались пассивной, нерешительной тактики. Впрочем, буржуазное дворянство и финансовая буржуазия, которым в начале революции принадлежала руководящая роль, также достаточно вяло занимались войной, затруднявшей их финансовые и торговые дела. Правда, в это время парламент отменил епископат и пустил в продажу епископские земли и конфискованные земли короля и его сторонников (называвшихся «преступники» — «делинквенты»), причем на этой операции прежде всего нажились члены парламента. Если лендлорды стали полными буржуазными собственниками земли, если часть распроданных земель епископов и роялистов попала в руки буржуазии, купцов и новых дворян, то пережитки феодализма в положении крестьян не были

¹ «Journal of the House of Commons», vol. II, p. 571.

² Члены палаты общин назывались коммонерами.

³ Carlyle «Oliver Cromwell», Letters and speeches, vol. I, p. 117.

уничтожены. Крестьяне требовали отмены десятины, прекращали уплату рент лендлордам, перешли в ряде мест к открытым возмущениям и вооруженным выступлениям. Началось оппозиционное движение против парламента внутри и вне его.

Главной опорой оппозиции стала реформированная в 1646 г. по инициативе Кромвеля армия. Сначала Кромвель создал отряд из своих земляков — фермеров и именов кембриджских топей. Свои цели Кромвель изложил Гемдену в следующих словах: «Вы должны добыть людей духа, т. е. сравниться с джентльменами, иначе вы будете разбиты... Я набрал таких людей.. чтобы они имели сознание того, что они делают, и с этого дня... они всегда побеждали»¹.

Мало-помалу росли войска Кромвеля, создавалась знаменитая армия Восточной ассоциации, душой и организатором которой он был; она нанесла ряд поражений кавалерам, а при Марстон-Муре 2 июля 1644 г. Кромвель одержал решительную победу над королем. Его военная тактика была настолько сокрушительна², что кавалеры прозвали его «железнобоким»³; этим прозвищем стали называть затем и всех солдат революционной армии.

Армия Кромвеля была вначале очагом индипендентства. На командных постах в этой армии были также преимущественно индипенденты. Кромвель был вождем этой армии. Он открыто высказывал индипендентские взгляды, и пресвитериане называли его «великим индипендентом»⁴.

Умеренные члены парламента и генералитет, недовольные ростом влияния индипендентов и Кромвеля, попытались устранить его, но «акт о самоотречении» (3 апреля 1645 г.) заменил нерешительное командование сторонниками твердой борьбы: Кромвелю удалось теперь реорганизовать армию сверху донизу.

Так создавалась известная «Но-

вая модель» — тогда самая революционная в мире армия. Она была спаяна крепкой революционной дисциплиной, офицерство ее было демократизировано. Среди командного состава были и выходцы из настоящих низов: сапожник Хьюсон, извозчик Прайд, шкипер Рейнсборо и др. Ферфакс стал во главе ее. Кромвель был его генерал-лейтенантом. Эта армия сразу добилась решающего поворота: 14 июня 1645 г. при Нэзби Кромвель наголову разбил короля. Армия кавалеров была уничтожена в ближайший год. Карл I бежал в Шотландию, но парламент выкупил его и заключил в замок Холмби. Абсолютизм пал, но перед революцией стояли еще другие задачи; борьба только развертывалась.

4

Очень скоро в рядах победителей произошел раскол. Между революционной армией и пресвитерианским парламентом обнаружился резкий антагонизм. Напуганное растущим влиянием крайних сект в армии и стране пресвитерианское большинство парламента жаждало закончить революцию хотя бы на полпути. Представляемые им классы кое-что получили. Нужно было только договориться с королем, добиться от него введения пресвитерианства и конституционных гарантий.

Широкие народные массы требовали продолжения революции.

Авторитет армии в глазах этих масс был высок. Армия жила активной политической жизнью и являлась своеобразным парламентом.

Но индипенденты, игравшие основную роль в армии, отражали преимущественно интересы представителей развивающегося промышленного капитала, страдавших от цеховых ограничений, интересы купцов и мелких торговцев, недовольных монополиями больших компаний. Низшие же слои армии: крестьяне, мелкие буржуа, ремесленники, рабочие того времени — постепенно дифференцировались от общей индипендентской массы и группировались вокруг подполковника Лилберна, который и после ухода из армии поддерживал с ней тесную

¹ Carlyle. Op. cit., vol. IV, p. 66.

² См. отзыв Ф. Энгельса о Кромвеле как генерале. Собр. соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 448.

³ Mercurius «Civicus». Oct. 16—26, 1644.

⁴ Baillie «Letters». Vol. II, p. 153.

связь. Сторонники Лилберна и назывались левеллеры (уравнители). Армейскую верхушку с Кромвелем во главе они прозвали «грандами».

Левеллеры выступали за демократическую республику, против гнета крупного капитала и землевладения.

Когда парламент, стремясь покончить с революционной армией, постановил частью распустить армию, частью отправить ее на подавление ирландского восстания, левеллеры¹ организовали активное сопротивление этому намерению пресвитерианского парламента. По их инициативе солдаты организовались, избрали своих представителей, так называемых агитаторов, державших связь с левеллерами и вне армии. Агитаторы даже захватили в качестве заложника короля и потребовали удаления из парламента реакционных депутатов. Из собрания агитаторов от всех полков возникла общеармейская организация — всеобщий совет армии, который вынуждены были признать и генералы.

Кромвель ни в коем случае не сочувствовал ни левеллерам, ни агитаторам, но он видел неспособность и нерешительность пресвитериан довести до конца дело своего класса. Поэтому, хотя вначале он пытался занять среднюю позицию, стараясь смягчить политический радикализм солдат и удержать их от крайних действий, рекомендуя им мирный путь борьбы, но впоследствии, когда парламент постановил начать роспуск армии, он также не подчинился приказу парламента. Обе армейские партии об'единились, и армия присту-

¹ Надо отметить, что левеллеры получили название «уравнители» потому, что являлись сторонниками всеобщего избирательного права и прав солдатской массы участвовать в разрешении вопросов в армии. Левеллеры, являясь представителями различных социальных элементов, отражали в очень значительной степени интересы мелкой буржуазии и не являлись сторонниками экономического равенства или отмены частной собственности. Они требовали политических свобод, отмены десятины, уничтожения купеческих монополий, религиозной терпимости. Однако среди левеллеров имелось левое ядро, тяготевшее к коммунизму. Лилберн (1617—1657), по происхождению мелкий помещик, был связан с ремесленниками и плебейскими элементами.

THE CASE² OF THE ARMIE

Truly stated, together with the mischiefs
and dangers that are imminent, and some feasible remedies,

Humbly proposed by the Agents of five
Regiments of Horse, to their respective Regiments,
and the whole Army.

As it was presented by Mr. Edmond Beaw, and Mr. William Russell,
October 15. 1647. unto his Excellency
Sir Thomas Fairfax.

Enclosed in a Letter from the said Agents: Also his Excellencies
Honourable Answer thereunto.

D. at. 20. 8. *what man is there that is fearefull and faint hearted? Let
him go and returne unto his House, least his bretherens heart faint
as well as his heart.*

Judg. 7. 7. *And the Lord said unto Gideon, by the three hundred men
that lapped, will I save you, and deliver the Midianites into thine
hand, and let all the other people go, every man unto his place.*

LONDON Printed in the Yeare,
1647.

Обложка памфлета «Дело армии» социально-политической программы левеллеров (из собрания автора).

пила к захвату власти. Когда в Лондоне вспыхнул контрреволюционный мятеж пресвитериан и роялистов, Кромвель встал вместе с Ферфаксом во главе армии и в августе 1647 г. при помощи народных масс, особенно лондонских ткачей, захватил Лондон. Мятеж был подавлен, а 11 пресвитерианских лидеров были удалены из парламента. Индепенденты пришли к власти.

Но чем дальше, тем более убеждался Кромвель в том, что широкие массы армии уходят из-под его влияния. Это обнаружилось, когда армия приступила к обсуждению вопроса о переустройстве страны.

Представитель высшего офицерства, генерал Айртон, зять Кромвеля, представил проект конституции, так называемые «Основные предложения», удовлетворявшие только интересы средних классов. Проект сохранял и монархию (с некоторыми ограничениями королевской власти) и палату лордов. Агитаторы выдвинули программы левеллеров — «Народное согла-

шение» и «Дело армии», — в которых были изложены требования о введении всеобщего избирательного права и отмене монополий и огораживаний. Большинство приняло проект Айртона. Это вызвало волнение среди солдат, часть полков переизбрала умеренных агитаторов и заменила их левеллерами. Тогда офицерство пошло на компромисс и созвало общеармейскую конференцию в Петни для обсуждения всех конституционных проектов. На этой конференции обнаружилась резкая дифференциация между верхами и низами, грандами и левеллерами. Айртон твердо защищал политические права только для буржуазных классов; напротив, агитаторы настаивали на всеобщем избирательном праве. Кромвель еще раз попытался добиться компромисса, внося предложение о предоставлении избирательных прав зажиточным копигольдерам. «Существует,—сказал он, весьма значительная группа копигольдеров, они должны иметь право голоса»¹. Но дальше этого он, как буржуа и землевладелец идти не мог. Соглашение не состоялось, тем более что агитаторы требовали решительного устранения короля и лордов, а гранды защищали их.

Кромвель твердо решил устранить «двоевластие» в армии; он подавил

¹ Clarke «Papers», vol. I, p. 328.

Совет офицеров армии под председательством Ферфакса. Со старинной английской гравюры.

выступление солдат в Уэре, расстрелял их руководителей и распустил совет агитаторов (15 ноября 1647 г.). Потерпев поражение, левеллеры продолжали свою агитацию, но в это время произошли события, которые временно отодвинули споры между грандами и левеллерами на задний план: бежал король, а вскоре герцог Гамильтон, один из вождей роялистов, начал восстание в пользу короля. (1648 г.).

5

Индепенденты и левеллеры заключили перемирие. Под руководством Кромвеля, Ферфакса и Айртона, началась вторая гражданская война — война блока индепендентов и левеллеров против блока роялистов и пресвитериан.

И в этой войне Кромвель обнаружил незаурядный организаторский и военный талант. Под его руководством Гамильтон был разбит, опасность монархического переворота была предотвращена. Армия вернулась в Лондон; широкие массы требовали покончить с королем. Суда над ним требовали и армия, и левые индепенденты в парламенте, и, конечно, левеллеры. Кромвель, как всегда, по вопросу о крайних действиях сначала колебался: он опасался возможной победы левеллеров при республике, а также международных осложнений. В конце концов нажим масс заставил Кромвеля решиться. 6 декабря была проведена «чистка» парламента от пресвитерианских депутатов, сторонников переговоров с королем. Чистка эта известна в истории под названием «прайдовой чистки», ибо ею руководил полковник кромвелевской армии Прайд. К началу января 1649 г. был подготовлен суд над королем.

Некоторые индепенденты, ссылаясь на то, что суд над королем организован без соблюдения правил буржуазной законности, отказывались участвовать в суде. Но, решившись, Кромвель уже твердо стоял за казнь. «Мы все-таки отрубим ему голову,—сказал он,—и вместе с короной на ней»². Через несколько дней (27 ян-

² Blencowe «Sidney Papers», p. 237.

варя 1649 г.) суд вынес королю смертный приговор. 30 января Карл I был казнен. 6 февраля была упразднена палата лордов, а 7 февраля парламентом был издан акт, официально отменявший королевский сан. Англия превратилась в республику.

«Только благодаря вмешательству... иоменов и плебейских элементов городов, — писал Энгельс, — борьба была доведена до решительного конца, и Карл I взошел на эшафот»¹.

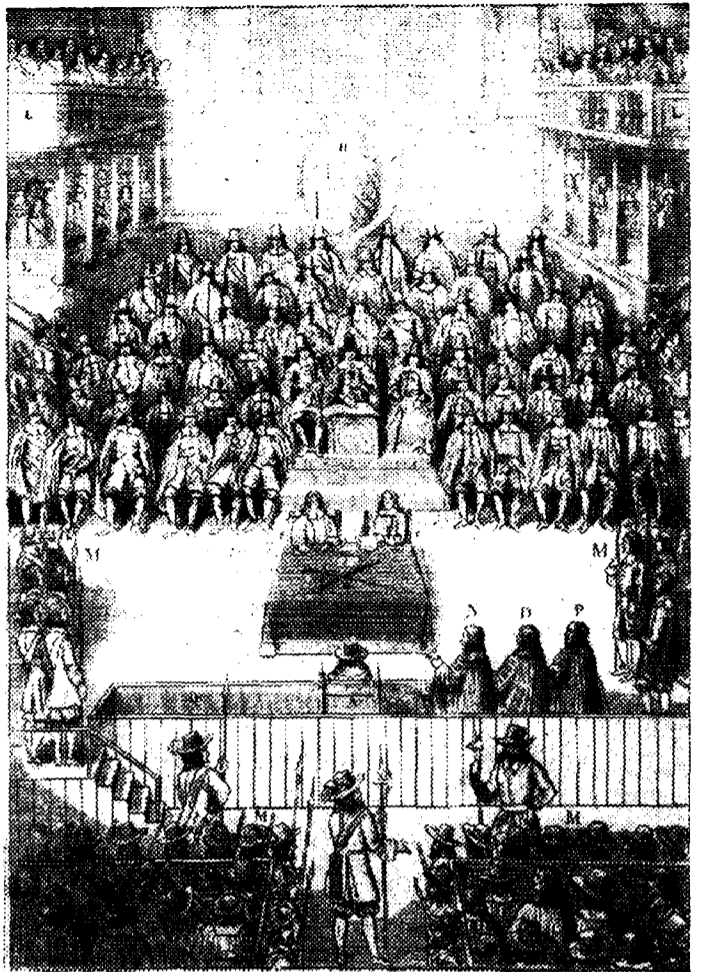
Кромвель, завоевав власть для буржуазии, рассчитывал расправиться с ее противниками слева, как он расправился с королем. С образованием республики он немедленно приступил к осуществлению своей миссии вождя буржуазии: подавление восстаний левеллеров и завоевание колоний для английского капитала — таковы основные моменты его деятельности в это время.

Власть после «чистки» парламента и казни короля принадлежала «охвосту» Долгого парламента в составе одних индипендентов. Кромвель был вождем этого парламента.

Экономическое положение страны в это время было весьма стесненным. Индипенденты всю тяжесть кризиса и разрухи переложили на плечи трудящихся масс, не тронув буржуазии. Высокие налоги усиливали нищету и разорение масс; конфискация и распродажа земель епископов, короля и роялистов, явившись средством накопления капитала у буржуазии, вызвали новую волну огораживаний, больно ударивших по крестьянству. В довершение всего солдаты — главная революционная сила — не получали жалованья и не добились политических прав.

Пропаганда левеллеров приобрела самый широкий размах, а памфлеты их вождя Лилберна пользовались огромной популярностью. В этих памфлетах он бичевал политику правительства и требовал мер для улучшения положения народа. Особенно горячо нападал он на Кромвеля, обвиняя его в измене революции и в бедствиях трудящихся масс. В ряде горо-

¹ Энгельс. Предисловие к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». Изд. 1932 г., стр. 284.

Суд над Карлом I. Со старинной английской гравюры.

дов происходили выступления масс в пользу «народного соглашения» с требованием социальных и политических реформ; среди крестьянской бедноты началось коммунистическое движение так называемых диггеров²; в некоторых полках вспыхнули восстания солдат под теми же лозунгами.

Кромвель вел суровую борьбу с разрушителями буржуазного порядка. Лилберн и его друзья были заключены в тюрьму, городской плебс и деревенская беднота подверглись за свои выступления суровым репрессиям. Кромвель призывал покончить с левеллерами раз и навсегда и уничтожить их как партию. «Я утверждаю, сэр, — говорил он, — что с этими людьми нечего делать, как только разбить их на куски... Если вы не сокрушите их, они сокрушат вас... я еще раз поэтому повторяю: вы должны раз-

² Диггеры (копатели), или истинные левеллеры, — мирное коммунистическое движение деревенской бедноты и сельских рабочих. Вождями их были Эверард и Уинстэнли. Последний написал в 1652 г. коммунистическую утопию: «Защита свободы».

давить их»¹. Вместе с Ферфаксом он жестоко подавил восстание в армии; левеллеры были разгромлены, Лилберн до самой смерти (1657 г.) пробыл в тюрьме. Основной причиной разгрома левеллеров явилось то, что армия, оплот демократии, была брошена на подавление Ирландии, что левеллеры предали интересы национально-освободительного движения в Ирландии, что армия потеряла в глазах масс свое значение как демократическая сила. «Английская республика при Кромвеле разбилась об Ирландию», — писал Маркс². Укрепив «порядок» в самой Англии, Кромвель при помощи армии потопил в крови восстания в Ирландии и превратил ее в колонию английской буржуазии. Население Ирландии сократилось на целую треть. Все лучшие земли были конфискованы правительством республики; ирландские землевладельцы были переселены в дикую и неплодородную местность Коннаут, а крестьяне были превращены в арендаторов английских помещиков; Ирландия обезлюдела и пришла в упадок. «Где твоя молодежь, храбрая, как лев, Ирландия? — пелось в песне то-

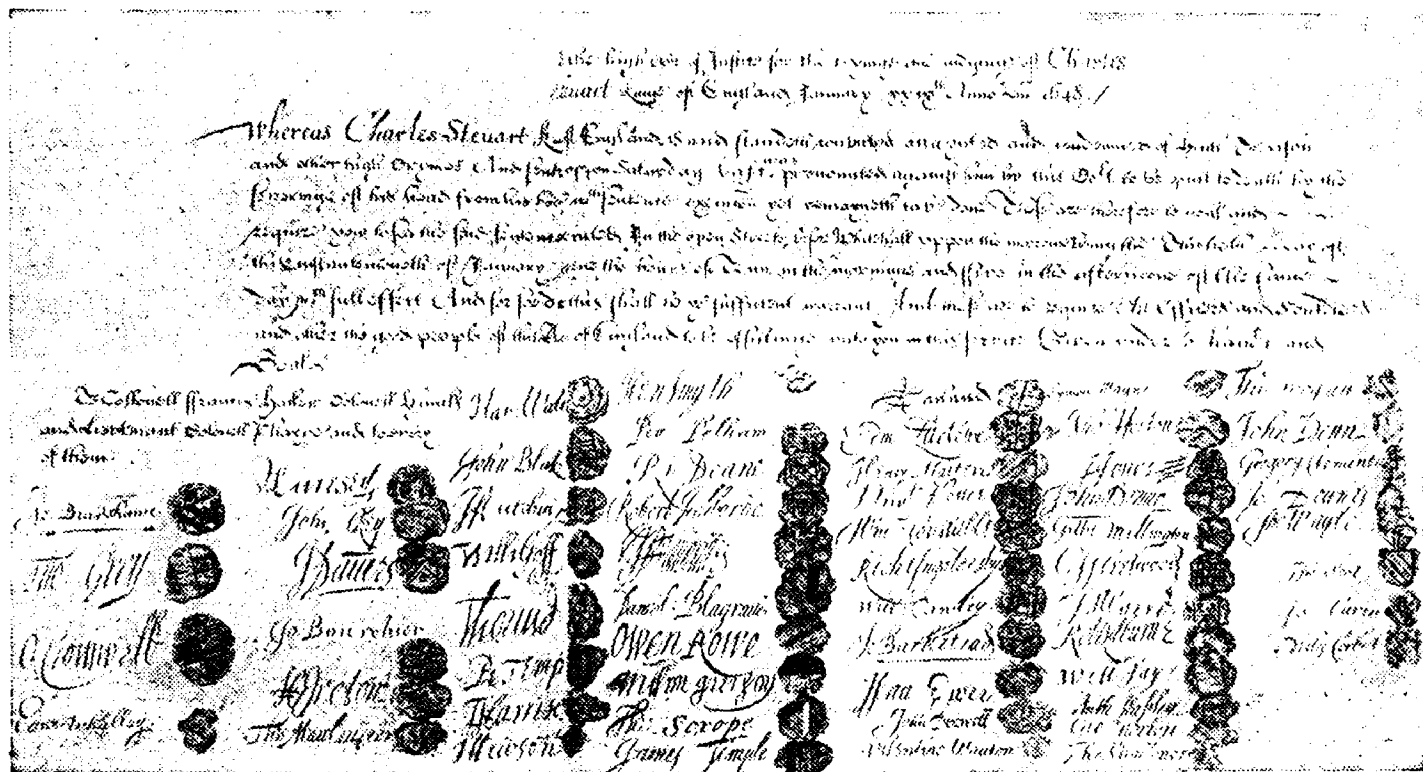
го времени.—Где твои мужи, бывшие когда-то свободными? Все храбрые и мудрые покинули тебя, изгнаны силою или обманом»³. Порабощение Ирландии с этих пор стало основой господства английского капитала и средством для эксплуатации английских трудящихся масс. Столь же успешно закончил Кромвель и войну с Шотландией, где после казни короля пресвитерианский парламент признал королем его сына Карла II. Кромвель сам был главнокомандующим армией против Шотландии. 3 сентября 1650 г. в битве при Денбаре он разбил шотландских пресвитериан, а ровно через год при Устере — роялистов во главе с Карлом II.

В 1654 г. был издан акт о соединении Шотландии с Англией и Ирландией в одно государство. Более развитая в промышленном отношении Шотландия не стала колонией англичан, как Ирландия, но тоже потеряла самостоятельность. Надо отметить, что в тот период, когда Кромвель был у власти, был издан ряд законов, уничтожавших многие пережитки феодализма в Шотландии. Кромвеля чествовали в Лондоне как национального героя, на голову его щедрой рукой сыпались награды. Авторитет его в глазах имущих классов все возрастал.

¹ Lilburne «The picture of the Council of State», pp. 14—15 (коллекция памфлетов ИМЭЛ).

² Маркс и Энгельс. Письма под редакцией Адоратского. Изд. 1931 г., стр. 248.

³ Prendergast «Cromwellian settlement in Ireland», p. 261.

Смертный приговор над Карлом I. Слева (третья сверху) подпись и печать Кромвеля (из собрания автора).

Каань Карла I.

Со старинной английской гравюры.

6

Фигура Кромвеля заслоняла уже «охвостье» Долгого парламента, который к тому времени превратился в узкую олигархическую группу: от многолюдного собрания, избранного страной, осталась жалкая кучка, меньше чем в 100 чел., претендовавшая на господство. Взятничество, казнокрадство, спекуляция и другие злоупотребления «охвостья» возмущали все население, в том числе и буржуазию. Торговый и финансовый кризис расстраивал хозяйственную жизнь, порождал нищету и голод; налоги разоряли городскую бедноту, а проводимые в широком масштабе огораживания вызывали волнения крестьян. Чтобы выйти из кризиса, парламент обнародовал еще в 1651 г. Навигационный акт, направленный в первую очередь против Голландии, являвшейся в то время крупнейшей капиталистической страной и основным торговым соперником Англии. В результате конфликта, возникшего в связи с Навигационным актом, между Голландией и Англией началась война. Но война эта была сначала неудачна и ухудшила положение страны. Недовольство росло; в оппозиции к «охвостью» Долгого парламента было и высшее офицерство во главе с Кромвелем. Кромвель учитывал и позицию Сити — крупной финансовой буржуазии — пре-

свитериан, с которыми сейчас он мог действовать заодно. Представители Сити, а также широких слоев буржуазии, конечно, были недовольны тем, что величайшими возможностями обогащения пользовалась лишь ничтожная часть — члены парламента. Под давлением всех этих факторов, под давлением широких трудящихся масс Кромвель решился разогнать Долгий парламент (20 апреля 1653 г.).

В простом домашнем костюме, как бы подчеркивая свое презрение к собравшимся, Кромвель явился в палату и произнес речь, в которой он вскрывал все преступления парламента. Шатающаяся по залу, он повторял: «Нет, вы не парламент, идите, идите, нам довольно и этого; я положу конец вашей болтовне!»¹. По его знаку вышли мушкетеры и удалили всех депутатов. «Английский народ в лице Кромвеля, — характеризовал это событие Маркс, — разогнал Долгий парламент»². Этот акт встретил всеобщее одобрение: «Ни одна собака, — заметил по этому поводу Кромвель, — не тьякнула в его (т. е. парламента) защиту». Но особенное удовлетворение выражала крупная буржуазия: на бирже даже появился портрет Кромвеля с весьма знаменательной надписью: «Взойди на

¹ Ludlow. «Memoirs», vol. II, p. 456.

² Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. VII, стр. 7.

три трона, великий капитан и святой: волей божьей они все твои!» В этих словах звучал уже скрытый призыв к диктатуре, и последняя вскоре осуществилась.

7

Разогнав Долгий парламент, Кромвель, несомненно, действовал от имени английского народа.

Но Кромвель разогнал парламент непосредственно в интересах буржуазии.

Кромвель — Робеспьер английской революции—постепенно превращался в ее Бонапарта¹, по выражению Энгельса.

Английская буржуазия, получившая теперь руками трудящихся масс все, к чему она стремилась, нуждалась в твердой, сильной власти, которая защищала бы ее завоевания и базу ее господства—возможность эксплуатации Ирландии—от всех покушений как со стороны трудящихся масс, так и феодального дворянства. Такой силой были в первую очередь вожди армии и прежде всего Кромвель. Кромвель и высшее офицерство сильно разбогатели на захвате ирландских земель и конфискации владений роялистов. Всеми своими экономическими интересами Кромвель уже был тесно связан с крупной буржуазией. Фактически Кромвель уже в это время обладал диктаторской властью, его попытка править при помощи конвента, составленного из офицерства и представителей различных индипендентских сект, известного под названием Малого парламента, оказалась неудачной: широкие слои буржуазии были несогласны с крайними мероприятиями, намеченными радикальной частью Малого парламента² (представителями

радикальных религиозных сект). Малый парламент в декабре 1653 г. был распущен. Через несколько дней (16 декабря 1653 г.) Кромвель был провозглашен протектором (буквально: покровитель, защитник) республики. Была установлена открытая военная диктатура.

Установление протектората являлось выражением реакционности буржуазии, больше всего боявшейся движения народных плебейских масс.

Новая конституция—«Орудие управления»,—разработанная советом офицеров, облекла Кромвеля как протектора самыми широкими полномочиями, парламент был сохранен, но всецело зависел от воли протектора.

Во всей своей политике Кромвель как протектор руководствовался исключительно интересами буржуазии. Аграрные его мероприятия имели целью развитие буржуазной собственности и содействие дальнейшему процессу накопления капитала. Те же принципы проводились в торговле и промышленности: мануфактуре оказывалась всемерная поддержка, был организован торговый совет для покровительства торговле, предполагали организовать единый государственный банк.

Во внешней торговле Кромвель также добился значительных успехов с точки зрения буржуазии. Он удачно закончил в 1654 г. войну с Голландией, признавшей Навигационный акт, заключил ряд прибыльных для Англии торговых договоров: с Швецией, Данией и Португалией (эти договоры открывали английским торговцам доступ в прибалтийские страны и Восточную Европу),—наконец, вступил в союз с Францией и при ее поддержке одержал победу в войне со старейшим конкурентом английской буржуазии—Испанией, захватив в Европе Дюнкирхен, а в Америке—Ямайку. Англия устранила теперь своих торговых конкурентов на мировом рынке и превращалась в могучую морскую державу. Кромвель защищал буржуазию от всех покушений со стороны враждебных ей классов. Попрежнему жестоко подавлялись как роялистские выступления, так прежде всего движения трудящихся масс.

¹ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. II, стр. 351.

² Эти мероприятия: сбор акцизов и других косвенных налогов, сдававшийся на откуп, поручался теперь правительственным чиновникам; намечалось введение отчетности по поступлению налогов, уменьшение постоянной армии, сокращение окладов офицерству, составление единого судебного кодекса вместо многочисленных законов, оставшихся от феодализма, осуществление независимости церкви от государства и т. п.

Разгон Кромвелем Долгого парламента.

Со старинной английской гравюры.

Разочарование мелкой буржуазии, которая после разгрома левеллеров поняла свое бессилие в активной борьбе с диктатурой крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, нашло отражение в возникновении новой мистической секты «квакеров»¹, отрицавших политическую борьбу и всякие насильственные действия и провозглашавших необходимость внутреннего самоусовершенствования («друзья внутреннего света»). Однако отголоски бури долго не замолкали. Отдельные участники разрозненных революционных групп устраивали заговоры против протектората, покушались на жизнь Кромвеля, но эти движения на том этапе были бессильны что-либо изменить. Убедившись в том, что Кромвель действует в интересах буржуазии, пресвитериане—представители крупных финансовых капиталистов из Сити—примирились с диктатурой бывшего вождя индепендентов.

Диктатура Кромвеля являлась зама-

¹ К в а к е р ы—трясущиеся; они получили это прозвище потому, что на своих молитвенных собраниях приходили в религиозный экстаз, вызывавший нервные судороги и дрожь.

скированной формой монархии. В конце концов сан протектора стал наследственным. Кромвелю предлагали и корону, но он от нее отказался, учитывая отрицательное отношение к этому большинства офицерства и демонстративно заявив: «Я ценю ее не больше чем перо на шляпе».

Кромвель осуществил и ряд мероприятий в интересах крупных землевладельцев (феодалы платили, которые платили лендлорды государству как верховному владельцу земли, были ликвидированы), но крестьянские платежи за землю были сохранены, крестьянство решительно ничего не получило из земель, конфискованных у епископов и роялистов. В результате победы буржуазного способа производства, бурного развития шерстяной промышленности усилился процесс огораживаний и массовое обезземеливание крестьянства.

Кромвель умер 3 сентября 1658 г. После его смерти республика просуществовала недолго: крупная буржуазия вновь обратилась к монархии. Престол был занят сыном казненного короля—Карлом II Стюартом. Торжествующая реакция казнила участ-

ников суда над королем, а тела Кромвеля и Айртона, извлеченные из могил, подверглись издевательствам. После падения монархии Стюартов буржуазия посадила на престол голландского наместника Вильгельма Оранского, подписавшего «билль о правах». Так в 1688 г. свершилась «славная революция», о которой Маркс писал: «Славная революция вместе с Вильгельмом III поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов»¹. «Загадка консервативного характера английской революции, — писал Маркс, — объясняется длительным союзом между буржуазией и значительнейшей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение. Этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев... находился в отличие от французского феодального землевладения 1789 года не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии. Дело в том, что земельные владения этого класса представляли не феодальную, а буржуазную собственность. Эти землевладельцы, с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для ее мануфактур рабочие руки, а с другой — были в состоянии дать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли. Этим объясняется общность их интересов с интересами буржуазии, этим объясняется и союз обоих классов»².

Оливер Кромвель был типичным буржуа. Но он был представителем буржуазии на том этапе, когда «буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII в. или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «непереносимости» меньшого брата, не строила кислых гримас по поводу «слиш-

ком пламенных ораторов» из числа этого меньшого брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) самых пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным воздыханиям, к колебаниям и нерешительности»³.

Но Оливер Кромвель смог осуществить исторические задачи английской буржуазии только под давлением «низов».

Ибо и в Англии и во Франции «большой частью демократическое, ультрадемократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы «низов»...

Эти «низы», ...когда им случалось в истории играть роль «центров притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось вырвать эту роль из рук либеральной буржуазии, оказывали решающее влияние на то, какую степень демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития...

В эпохи буржуазных преобразований (или, вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид... смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к плебейству»⁴.

Кромвель доставил победу своему классу — буржуазии — именно потому, что только под давлением широких трудящихся масс он решался на беспощадную борьбу с представителями феодального режима. Вместе с тем история жизни и действий Кромвеля — вождя буржуазной революции — особенно ярко подтверждает, что «буржуазная революция ограничивается заменой власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой...» (Сталин).

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 580.

² Маркс и Энгельс. Т. VIII, стр. 278—279.

³ Ленин. Т. XV, стр. 194.

⁴ Ленин. Т. XV, стр. 195—196.

С. Лившиц

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1868—1874 гг.

Вооруженное восстание пролетариата в Испании в октябре 1934 г. против фашизма и реакции, которым руководили организации единого фронта, характеризовалось совершенно исключительным героизмом и стойкостью восставших рабочих. Одной из важнейших причин поражения этого восстания, так же как и того, что в Испании, где так сильно напряжение революционных сил, пролетариату под руководством компартии не удается пока захватить власть в свои руки и что в стране растет фашистская опасность, является влияние на известные слои испанского пролетариата анархистов, тормозящих развитие революции.

В связи с этим особенно актуальное значение имеет изучение испанской революции 1868—1874 гг., одной из крупнейших буржуазных революций XIX в.

В 1873 г. в Испании была впервые провозглашена республика. Активно выступивший на арену политической борьбы во время этой революции рабочий класс Испании проводил эту борьбу под лозунгами анархистов-бакунистов.

Резко отрицательная роль последних в этой революции закреплена в великолепной брошюре Энгельса «Бакунисты за работой»¹ и статье Ленина «О временном революционном правительстве», посвященной полемике с меньшевиками в 1905 г. по вопросу

¹ Впервые эта работа напечатана в газете «Der Volkstaat» в номерах от 31/X и 5/XI 1873 г. (Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. XV. 1933).

об участии во временном революционном правительстве².

1

Накануне революции 1868 г. Испания была аграрной, экономически отсталой страной с сильными остатками феодализма. Католическое духовенство обладало колоссальными богатствами и оказывало огромное влияние на жизнь страны. Политический строй характеризовался диктатурой дворцовой камарильи.

Правящим классом были крупные помещики. Особенно тяжелым было положение крестьянства. В южных областях (Андалузии, Мурсии, Эстрамадуре и др.), где существовали громадные латифундии, крестьянство было крепко опутано всевозможными остатками феодализма, кабальной арендой. Крестьяне имели ничтожные клочки земли или были безземельными и превращались в батраков. В южных областях образовались весьма значительные постоянные кадры сельскохозяйственных рабочих, которые эксплуатировались жесточайшим образом. В деревнях царил безысходная, неопишная нищета.

Промышленность Испании была слабо развита. Добывающая (горная) промышленность почти целиком находилась в руках иностранного капитала. Тяжелая промышленность была в зачаточном состоянии. Легкая промышленность (текстильная, табачная и т. п.) была более развита, но концентрация ее была крайне незначительна. Так, в важнейшей отрасли промышленности — текстильной (сосредоточенной в Каталонии) — существовало множество мелких предприятий (фабрик и мастерских) с незначительным количеством рабочих в каждом предприятии.

Официально, по утверждению монархического испанского правительства, Испанию населяли только испанцы (кастильцы). На самом же деле значительную часть населения составляли угнетаемые национальные

² Ленин. Т. VII, стр. 314 и след.

меньшинства: каталонцы, баски, галисийцы. Национальный вопрос тесно переплетался с аграрным вопросом и имел (имеет и сейчас) очень важное значение.

Оппозиционные партии и группировки, стремившиеся к свержению старого режима: 1) прогрессисты и либералы, выражавшие интересы либеральной части дворянства и известных слоев военных, являвшиеся сторонниками конституционной монархии, 2) радикалы — выразители интересов крупной кастильской буржуазии, колебавшиеся между конституционной монархией и централизованной республикой, отдавая предпочтение первой, 3) федералисты, отражавшие интересы средней и мелкой буржуазии (Каталонии, Андалузии и др.) и добивавшиеся установления буржуазной федеративной республики.

Абсолютистский централизм, многовековой политический и экономический гнет кастильских дворян-крепостников, кастильского высшего духовенства, кастильских чиновников вызвали громадный успех в Испании идей федерализма и партикуляризма. Гнет монархии, мешавший экономическому развитию мест, толкал буржуазию Каталонии, Андалузии и др. на борьбу с феодально-помещичьим монархическим строем. Буржуазия этих провинций выдвигала требование федеративной республики, желая быть хозяином положения в автономных областях. На удочку федерализма попались впоследствии и анархисты, полагавшие, что государственную власть уничтожить легче, когда она раздроблена.

К. Маркс дал такую характеристику испанского централистского режима:

«Как объяснить, что именно в той стране, где из всех феодальных государств впервые поднялась абсолютная монархия в самых резких формах, централизация никогда не могла пустить корней? Ответить на эти вопросы не трудно. XVI век был эпохой образования великих монархий, которые повсюду воздвиглись на развалинах враждовавших между собой феодальных классов... в других крупных государствах Европы абсолютная мо-

нархия выступает в качестве централизующего центра, в качестве основоположника национального единства. Там она была лабораторией, в которой различные элементы общества подвергались такому смещению и обработке, что города находили возможным променять свою средневековую местную независимость и свою суверенность на всеобщее господство буржуазии и публичную власть (сommon sway) гражданского общества... абсолютная монархия нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, она сделала все от нее зависящее с целью не допустить роста общих интересов, возникающих из национального разделения труда и многообразия внутреннего обмена, которые и являются подлинным фундаментом для единой системы администрации и господства общего закона. Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления. Испания подобно Турции осталась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе»¹.

Испания пережила ряд революций: 1808—1814, 1820—1823, 1834—1843, 1854—1856 гг. Но ни одна из этих революций не уничтожила пережитков феодализма, не изменила положения крестьянства и не создала условий для свободного развития капитализма. Вот почему против существовавшего в Испании режима выступали и представители буржуазии.

К. Маркс в 1854 и 1856 гг., в связи с происходившей тогда в Испании революцией, поместил в газете «Нью-Йоркская ежедневная трибуна» ряд блестящих статей об Испании. Он дал детальный исторический очерк революций 1808—1814 и 1820 гг., его корреспонденции содержали обильный и интересный материал о революции 1854—1856 гг. Он писал:

«Почему армия играла такую выдающуюся роль в испанских революциях, объяснить нетрудно. Существо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 721—722. 1933 г.

Чтение конституции перед дворцом кортесов в Мадриде. 1869 г.
Рис. из журн. «Всемирная иллюстрация».

вание должности генерал-капитанов, которые являлись настоящими пашами своих провинций; война за независимость против Франции, которая сделала армию не только главным оружием национальной обороны, но также первой революционной организацией и центром революционной деятельности в Испании; заговоры 1815—1818 гг., сплошь исходившие из армии; династическая война 1831—1841 гг., в которой с обеих сторон решающим фактором была армия; изоляция либеральной буржуазии, принуждавшая ее пускаться в ход солдатские штыки против сельского духовенства и крестьян; необходимость, в которую были поставлены Христина¹ и камарилья, прибегнуть к штыкам против либералов, подобно тому, как либералы прибегали к ним же против крестьян; сложившаяся из всех этих прецедентов традиция — таковы были причины, которые придали революции в Испании военный, а армии—преторианский характер. До 1854 г. революция всегда брала свое начало в армии. Даже в 1854 г. первый толчок все еще исходил от армии»... Но в 1856 г. революция утратила свой военный характер, армия сражалась

против восставшего народа. «Это значит, что настал конец революционной миссии испанской армии»².

Анализируя поражение баррикадной борьбы в Мадриде и других городах в 1856 г., Маркс отмечает измену буржуазии народу. Он указывает, что хотя буржуазия питает отвращение к военному деспотизму, но, как только она начинает борьбу против этого деспотизма, на сцену выступают рабочие, и буржуазия отступает под защиту пушек как будто ненавистного деспотизма. «Европейской буржуазии дается таким образом ныне урок в том смысле, что она должна либо сдаться политической силе, которую она ненавидит, и отказаться от преимуществ современной промышленности и торговли и основанных на них общественных отношений, или пожертвовать привилегиями, которые современной организацией производительных сил общества, в основном, присвоены одному только классу. Замечательно и неожиданно, что этот урок получен из опыта даже в Испании»³.

¹ Королева (регентша), правившая в 1832—1840 и 1844—1854 гг.

² К. Маркс. «Революция в Испании». К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 48—49.

³ Там же, стр. 44.

Таковы были предпосылки революции 1868 г. В сентябре 1868 г. группа умеренных конституционалистов организовала военное восстание против феодально-монархического правительства. Это восстание, поддержанное широкими народными массами (которые руководили республиканцы-федералисты), превратилось в революцию. Испания оказалась в руках восставших. Династия Бурбонов пала. Королева Изабелла бежала во Францию. 8 октября 1868 г. было организовано временное правительство.

Новое правительство, во главе которого стал маршал Серрано (умеренный монархист, отставной любовник королевы, один из руководителей сентябрьского восстания), провозгласило в своих декларациях верховную власть нации, свободу религии и обучения, свободу печати. Оно объявило себя врагом абсолютизма и клерикализма. На деле же партии, ставшие у власти: прогрессисты, либералы и радикалы, стремились к тому, чтобы революция закончилась только переменой династии и не повлекла за собой социальных реформ.

Правительство монархиста Серрано распустило вооруженные корпуса республиканских волонтеров, возникшие во время сентябрьской революции. Восстание сопротивлявшихся разоружению волонтеров в Андалузии было подавлено.

Правительство старалось отвлечь пролетариат и крестьянство от классовой борьбы против помещиков и буржуазии, оно хотело, чтобы революционная энергия масс ограничилась антиклерикальной борьбой. В сентябре 1868 г. запылали монастыри. Правительство издало приказы о запрещении ордена иезуитов, о ликвидации большинства монастырей.

14/II 1869 г. открылись учредительные *кортесы* (парламент), избранные всеобщей подачей голосов. Громадное большинство в кортесах составляли сторонники конституционной монархии. Кортесы постановили восстановить наследственную монархию, но приняли новую, более либеральную конституцию, впервые в Испании провозгласившую свободу всех вероисповеданий.

Конституция 1869 г. была встрече-

на враждебно как республиканцами, так и реакционерами. Республиканцы, обманутые в своих надеждах на республику, взялись за оружие. Восстали и так называемые *карлисты*, бывшие сторонниками абсолютной «национальной» королевской власти и возвращения католической церкви всего ее бывшего могущества. Претендентом на престол они выставили дон Карлоса VII (из другой ветви дома Бурбонов, представлявшей интересы наиболее реакционных кругов). Эти восстания были подавлены правительственными войсками.

В 1871 г. престол был передан сыну итальянского короля Амедею. Амедей начал управлять как конституционный король, составляя министерство из парламентского большинства.

Но Амедей был крайне непопулярен. Против него были ультрареакционная старая знать, желавшая возвращения к старому режиму, и революционно настроенные народные массы, жаждавшие республики и крупных социальных перемен.

С 1872 г. в Андалузии началось крестьянское движение против крупных феодалов-помещиков: поджоги помещичьих домов, нападения на имения. На сцену выступил и рабочий класс.

2

После сентябрьской революции 1868 г. было восстановлено право союзов. Испанские рабочие впервые получили право союзов в 1839 г. В 1853 г. право союзов было правительством ограничено, но рабочее движение разрасталось. В 1855 г. в Барселоне имела место первая в Испании всеобщая забастовка протеста против правительственных репрессий. Бастовало 40 тыс. рабочих. На Брюссельском конгрессе I Интернационала присутствовал делегат от нелегальных рабочих организаций Барселоны. К 70-м годам в Испании было сильно влияние анархистов. Бурно возникавшие рабочие организации попадали под их влияние. В конце 1868 г. в Испанию прибыл итальянец Фанелли, друг Бакунина и деятель «Международного альянса социалистической демократии» (тайной анархической организации,

Антиклерикальная демонстрация в Мадриде. Демонстранты сжигают портрет папы римского Пия IX и религиозные эмблемы. 1871 г.

данной Бакуниным внутри I Интернационала). Фанелли создал в Мадриде и Барселоне основные ячейки испанской секции Интернационала. Обе ячейки примкнули к бакунистам. В июне 1870 г. происходил I съезд испанской секции Интернационала, избравший федеративный совет.

Парижская коммуна дала дальнейший толчок росту рабочего движения в Испании. В 1871 г. в стране имело место более 50 стачек, в большинстве революционных. Испанская секция Интернационала насчитывала уже более 1000 членов, охватывая не только городских, но и сельскохозяйственных рабочих. Перепуганная буржуазия прибегла к репрессиям. 17 января 1872 г. парламент объявил испанскую секцию Интернационала вне закона, но она продолжала существовать негласно и расти.

История I Интернационала характеризуется борьбой марксизма за гегемонию в рабочем движении, борьбой против прудонистского мелкобуржуазного социализма, тредюнионизма, ласальянства и бакунистского анархизма.

Бакунин ожесточенно боролся против Маркса, требуя воздержания рабочего класса от политической борьбы, сводя роль пролетарской партии к выступлению против всякого государ-

ства, в том числе и против диктатуры пролетариата, бакунисты считали, что в каждом городе и селе должны быть созданы самостоятельные, автономные коммуны, и утверждали, что Парижская коммуна осуществила федералистический принцип.

Маркс и Энгельс, подвергнув беспощадной критике теорию и практику бакунизма, показали его теоретическое убожество, его реакционность, скрывавшуюся под ультралевыми фразами. Бакунизм, содействуя политической пассивности пролетариата, помогал буржуазии.

Борьба против бакунистов привела к расколу, к исключению их на Гаагском конгрессе (1872 г.) из Интернационала, после чего бакунисты организовали свой «антиавторитарный» Интернационал.

Маркс и Энгельс внимательно следили за ходом событий в революционной Испании, за деятельностью испанской секции Интернационала и старались вырвать ее из-под влияния бакунистов. Не даром Энгельс даже был одно время секретарем I Интернационала по делам Испании¹.

Приехавший в Испанию в 1871 г. сторонник Маркса Поль Лафарг вел

¹ «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». Петербург. 1908.

борьбу против бакунистов. В июне 1872 г. из мадридской секции были исключены 9 сторонников Маркса (Пабло Иглезиас, Хосе Меса и др.), требовавших роспуска секции Альянса. Исключенные вскоре (осенью) создали Новую мадридскую федерацию. В своем отчете генеральному совету Интернационала Фр. Энгельс писал 31/X 1872 г.: «Орган Новой мадридской федерации «Емансипасион», лучший, пожалуй, журнал Интернационала, в каждом номере своем критикует Альянс... Его теперешний редактор Хосе Меса, без сомнения, самый выдающийся человек среди наших в Испании по характеру и таланту и поистине один из лучших вообще»¹.

Но хотя федерации нескольких городов высказались против бакунистов, громадное большинство членов испанской секции пошло за бакунистами.

Причиной этого было то, что Испания, как мы уже указывали, являлась страной с большим количеством обнищавших, деклассированных, разорявшихся крестьян и ремесленников.

Социальной базой анархизма были крестьянская беднота, сельскохозяйственный пролетариат и городские рабочие, распыленные по мелким предприятиям и находившиеся под влиянием мелкобуржуазного окружения. Все эти массы привлекала анархистская идея «свободных коммун».

Поэтому созданная после Гаагского конгресса Новой мадридской федерацией испанская секция Интернационала скоро распалась (летом 1873 г.).

Она созвала съезд только один раз — 5 мая 1873 г.

3

В конце 1872 г. произошел ряд организованных федералистами восстаний за республику, продолжалось восстание на о. Кубе (испанской колонии), начавшееся еще в 1868 г. под лозунгами независимости Кубы и освобождения рабов. Количество стачек также было значительно.

¹ См. «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.», стр. 77. Петербург. 1908.

11 февраля 1873 г. король Амедей, не имевший прочной социальной базы и боявшийся, чтобы его не постигла участь Людовика XVI, вынужден был отречься от престола.

Так бесславно окончилась попытка либеральных дворян ликвидировать революцию путем установления конституционной монархии.

Кортесы на другой же день после отречения Амедея провозгласили республику. Было избрано новое министерство, составленное из радикалов (правящей партии до провозглашения республики, теперь об'явившей себя сторонницей централизованной республики) и республиканцев-федералистов. В правительство вошли виднейшие деятели федералистов: Кастелляр, Пи-и-Маргаль, Фигерас (ставший премьер-министром) и др., но уже через 12 дней федералисты, пользовавшиеся поддержкой широких масс (и известных слоев рабочих), заставили радикалов уйти из правительства, а кортесы (среди которых радикалы составляли большинство) 22 марта самоликвидировались.

Страна была охвачена революционным возбуждением. Происходили митинги, демонстрации, создавались политические клубы. Росло рабочее движение. Испанская секция Интернационала вышла из подполья и значительно увеличила количество своих членов. Сильное брожение было в армии. Солдаты не доверяли монархически настроенным офицерам.

В мае 1873 г. снова происходили выборы в учредительное собрание (кортесы). Республиканцы-федералисты одержали на выборах очень крупную победу: из 413 депутатов было 310 федералистов, 57 «непримиримых» федералистов (кантоналистов), 8 членов Международного общества (Интернационала), 10 независимых, 20 радикалов и 8 консерваторов (монархистов)².

Бакунисты «много лет проповедывали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса. Они твердили, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство, этот ис-

² «Русские ведомости» от 12/V 1873 г.

Бой испанских войск с повстанцами в долине реки Рио-Гондо на Кубе. 1870 г.
Рис. из журн. «Всемирная иллюстрация».

точник всякого зла, и что именно поэтому принять участие в каких-либо выборах — преступление, заслуживающее смертной казни»¹. Но так как рабочие требовали действия, бакунистам пришлось принять участие в выборах в кортесы. Энгельс дал следующую характеристику деятельности анархистов в этой области:

«...было решено, что Интернационалу, как ассоциации, во все не следует заниматься политической деятельностью, но что члены Интернационала, каждый за свой страх, могут действовать, как им угодно, и примыкать ко всякой партии, к какой им заблагорассудится, — в силу их пресловутой автономности! Каков же был результат применения этого нелепого учения? — Таков, что огромная масса членов Интернационала, включая анархистов, приняла участие в выборах без программы, без знамени, не имея собственных кандидатов, и, таким образом, способствовала тому, что избраны бы-

ли почти исключительно буржуазные республиканцы»².

Энгельс отмечал, что так как в выборах в учредительное собрание участвовали главным образом расколовшиеся на два крыла республиканцы-федералисты и рабочая масса, то если бы вожди пролетариата были действительно активны, в «кортесах безусловно образовалось бы меньшинство, достаточно сильное для того, чтобы при каждом голосовании определять исход дела между тем и другим крылом республиканцев»³.

8 июня 1873 г. учредительные кортесы провозгласили федеративную республику. Премьер-министром был избран лидер левых федералистов Пи-и-Маргаль, ученик Прудона. Левое и правое течение федералистов были в равном числе представлены в его министерстве. Разногласия о территориальных размерах штатов приняли серьезный характер. Федералисты соглашались на автономию только крупных провинций, кантоналисты же требовали автономии гораздо более мелких подразделений—к а н т о н о в.

¹ Ф. Энгельс «Бакунисты за работой» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 109. 1933.

² Энгельс цитирует доклад Новой мадридской федерации, представленный Женевскому конгрессу).

³ Там же, стр. 110.

Пи-и-Маргаль пытался добиться компромисса с «непримиримыми». «Среди официальных республиканцев Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознавшим, что республике необходимо опираться на рабочих. Он представил тотчас же и программу мероприятий социального характера, которые можно было немедленно осуществить и которые должны были не только принести непосредственную выгоду рабочим, но последствия которых побуждали бы рабочих к дальнейшим шагам и, таким образом, должны были по крайней мере привести в движение социальную революцию»¹.

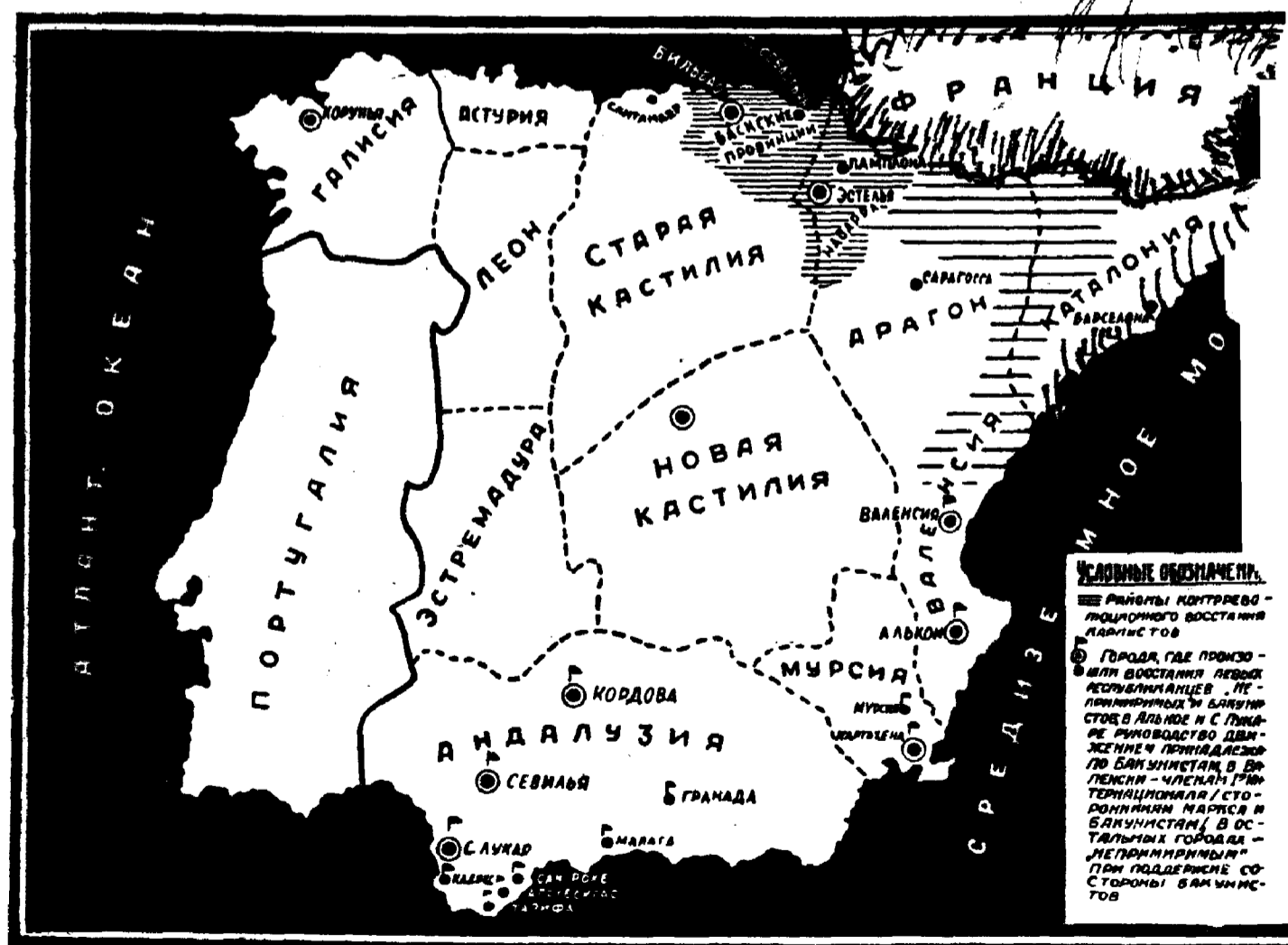
Так как в Испании еще не могло быть и речи о немедленном полном освобождении пролетариата, пролетариат должен был использовать республику и все те преимущества, которые она давала, для развития своей самостоятельной борьбы. Поэтому Энгельс считал, что на том этапе наиболее приемлемым было правительство Пи-и-Маргаля. Но «непримиримые» не пошли на компромисс с Пи-и-Марга-

¹ Ф. Энгельс «Бакунисты за работой», стр. 112.

лем, они дали ему бой по вопросу автономии кантонов.

Если федералисты отражали интересы средней буржуазии, интеллигенции, то кантоналисты — «непримиримые» — отражали интересы пролетарской мелкой буржуазии, рабочего полупролетариата, интеллигенции и части крестьянства.

Как раз в этот период поднял против крупных помещиков крестьяне. Аграрное движение приняло широкий размах в Эстремадуре и Галазии, в областях, где крестьянство было наиболее обездолено, было много батраков и где помещики принадлежали громадные латифунды. Крестьяне принуждали землевладельцев подписывать акты отречения их земельной собственности, ломали заборы, ограждавшие помещичьи владения. Они заявляли, что вся земля составляет общественную собственность, и начали раздел помещичьей земли. Размах крестьянского движения вынудил буржуазных республиканцев-федералистов принять аграрную реформу. Учредительное собрание приняло закон о праве арендаторов на частичный выкуп земли.

Карта Испании 1873 г.

помещиков. Но этот же закон давал помещикам право выселять крестьян-арендаторов. Эта жалкая реформа оставила крестьянство абсолютно равнодушным к буржуазной республике. «Непримиримые» воспользовались недовольством на местах и возглавили начавшиеся волнения. Под давлением правых федералистов Пи образовал новое правительство, в которое были включены только два левых федералиста. Кортесы предоставили правительству право объявления осадного положения. В знак протеста против введения осадного положения более 50 «непримиримых» демонстративно покинуло кортесы.

3 июля был принят проект новой конституции, составленный Кастеляром (лидером правого крыла федералистов) по образцу конституции США. Согласно этой конституции, республика состояла из 13 автономных штатов (т. е. автономными являлись только крупные области).

Тогда «непримиримые» в союзе с бакунистами приступили к захвату власти на местах и к созданию независимых кантонов. В течение нескольких дней они захватили важнейшие города Андалузии (Севиля, Малага, Гренада, Кадикс, Кордова, Альжесирас и др). Каждый город объявлял себя суверенным кантоном и учреждал революционную хунту (правительственный комитет). За Андалузией последовали провинции Мурсия и Валенсия (города Мурсия, Картахена, Валенсия, Алькой). В Севилье были провозглашены введение 8-часового рабочего дня, конфискация церковного имущества и земель помещиков, уменьшение наполовину квартирной платы.

В Алькое восстанием руководили бакунисты. Алькой стал резиденцией федеральной комиссии бакунистов в Испании. 7 июля рабочее собрание в Алькое постановило начать всеобщую стачку. Стачка перешла в восстание. 20 часов продолжалось сражение между вооружившимися рабочими и сторонниками правительства. На одной стороне—до 5000 рабочих, на другой—жандармы в ратуше и вооруженные буржуа в забаррикадированных домах на рынке. Жандармы капитулировали. Забаррикадированные дома

были сожжены восставшими рабочими.

Рабочие стали в Алькое господами положения. Был организован Комитет общественного спасения, т. е. революционное правительство. Развитие борьбы снова заставило бакунистов пойти против своих принципов.

Несмотря на то что бакунистский Альянс на своем конгрессе в Сент-Имье 15/IX 1872 г. постановил; что «всякая организация политического, так называемого временного и революционного, правительства может быть только новым обманом и для пролетариата была бы так же опасна, как и все ныне существующие правительства»,—в состав правительства в Алькое вошли видные бакунисты.

Кроме Алькоя, еще в одном городе бакунисты стали у власти, создав вопреки своим анархическим принципам революционное правительство: в Сан Лукар де Баррамеда (у Кадикса, в Андалузии).

Итак, в июле все важнейшие города Андалузии, Мурсии и Валенсии находились в руках повстанцев.

В Барселоне бакунисты ограничились всеобщей стачкой. Бакунистам удалось удержать Барселону от участия в кантональном восстании, «а Барселона была единственным городом, присоединение которого к движению могло оказать рабочему элементу, везде игравшему в нем видную роль, сильную поддержку, а вместе с тем и надежду овладеть в конце концов всем движением. Кроме того с присоединением Барселоны победа была бы почти обеспечена... Непримиримые были в Барселоне достаточно бессильны, а члены бакунинского Интернационала, пользовавшиеся там в то время еще очень большим влиянием, воспользовались всеобщей стачкой как предлогом для того, чтобы уклониться от восстания»¹.

Войдя в революционные правительства, бакунисты, вместо того чтобы осуществлять революционную диктатуру, занимались изданием никому ненужных законов. Вместо того чтобы руководить «непримиримыми», они плелись у них в хвосте.

Пи-и-Маргаль был еще у власти и вел переговоры с руководителями «не-

¹ Энгельс «Бакунисты за работой», стр. 113, 118.

примиримых», намереваясь привлечь их представителей в состав министерства. «Зачем же,—писал Энгельс,—«непримиримые» открыли военные действия, прежде чем переговоры были прерваны? ... Одно несомненно: господа «непримиримые» стремились прежде всего как можно скорее осуществить федеративную республику, чтобы овладеть властью и тем множеством правительственных постов, которые должны были быть учреждены в отдельных кантонах. Кортесы в Мадриде слишком долго тянули с раздроблением Испании, стало быть, надо было взяться самим за дело и провозгласить повсюду самостоятельность кантонов». Бакунисты же «помогли придать ему (этому движению.—С. Л.) характер федералистической раздробленности, они осуществили, насколько это было возможно, свой идеал анархии». Они «заседали теперь во всех революционных правительствах городов Андалузии, — но везде в меньшинстве, так что непримиримые—могли делать что им угодно. В то время как эти последние держали в своих руках политическое и военное руководство,—от рабочих отделялись пышными фразами или резолюциями о мнимо-социальных реформах самого нелепого и бессмысленного рода, которые вдобавок оставались лишь на бумаге. Когда же бакунистские вожди требовали действительных уступок, они встречали бесцеремонный отказ. Перед корреспондентами английских газет «непримиримые» вожди движения сочли наиболее важным указать, что у них нет ничего общего с этими так называемыми интернационалистами и что они не несут за них никакой ответственности; вместе с тем они заявили, что держат под строжайшим полицейским надзором, как главарей Интернационала, так и всех эмигрантов Парижской коммуны. Наконец, в Севилье... во время сражения с правительственными войсками непримиримые стреляли также и в своих бакунистских союзников»¹.

Это восстание, указывал Энгельс, имело шансы на успех, если бы им разумно руководили, если бы повстан-

цы разных городов действовали совместно и прибегли к наступательной тактике. «Так нет же. Федерализм непримиримых и их бакунистского охвостья в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления»².

4

19 июля 1873 г. кортесы избрали премьером Сальмерона (ученого юриста), правого федералиста, который составил кабинет из правых федералистов и начал решительную борьбу против повстанцев.

В Андалузию и Мурсию были отправлены карательные экспедиции под начальством генералов-монархистов: одна—под начальством генерала Павия—в Андалузию, другая—под начальством генерала Мартинеса Кампоса—в Валенсию и Картахену. Ядро карательных экспедиций образовали собранные со всей Испании жандармы и старые солдаты, среди которых еще не была расшатана дисциплина.

На правительство Сальмерона с надеждой взирали теперь не только правые республиканцы, но и монархисты—конституционалисты. Войска Павия менее чем в две недели покорили Андалузию (к 10 августа).

26 июля армия Мартинеса Кампоса начала атаку Валенсии. При расколе испанского Интернационала (в 1872 г.) те, которые оставались верны ему, оказались в Валенсии в большинстве, и новый испанский федеральный совет (антибакунинский) был перенесен в этот город. В революционной хунте, как и среди добровольцев Валенсии, преобладали рабочие. Рабочие, шедшие за бакунистами, и интернационалисты—противники бакунизма—действовали совместно. Английские газетные корреспонденты «отзывались о валенсийских повстанцах с уважением... они восхваляли мужественную дисциплину валенсийцев, царящий в городе порядок и предсказывали продолжительное сопротивление и упор-

¹ Энгельс «Бакунисты за работой», стр. 117—118.

² Там же, стр. 119.

ную борьбу. Они не ошиблись. Валенсия, ничем не защищенный город, выдерживала атаки дивизии Кампоса с 26 июля до 8 августа, т. е. дольше чем вся Андалузия, вместе взятая»¹.

Город Мурсия был взят без боя. Овладев Валенсией, Мартинес Кампос двинулся на Картахену, но взять ее оказалось нелегко. Картахена, защищенная сплошным валом и фортами, была одной из сильнейших крепостей Испании.

Иностранные военные суда вмешались в военные действия, став на сторону мадридского правительства и помогая захвату судов повстанцев. 30 июля были захвачены одним германским и одним английским военными судами два фрегата картыхенских повстанцев — «Альманса» и «Виттория». Германское военное судно захватило военный пароход «Вихиланте», выходивший из картыхенского порта.

Американцы тоже вмешались в борьбу. В конце июля испанский фрегат «Вилья де Мадрид» покинул порт Барселоны и, подойдя к Кадиксу, поднял красный флаг и присоединился к восставшим, осаждавшим в это время арсенал. Тогда американский фрегат заявил фрегату «Вилья де Мадрид», что потопит его, если тот даст хоть один выстрел по Кадиксу.

Мадридское правительство объявило блокаду картыхенского порта. 14 августа картыхенское «временное правительство испанской федерации» объявило кантон Мурсии и порт Картахены на военном положении.

Картыхенские повстанцы сделали в августе попытку двинуться к Мадриду, но были отбиты осаждающими недалеко от Картахены. Картыхенский флот производил нападения на приморские города в поисках жизненных припасов и денег. Чтобы усилить ряды повстанцев, картыхенское правительство освободило из тюрьмы около 1800 каторжников.

В конце 1873 г. началась бомбардировка, которая почти совершенно разрушила город. Несколько месяцев продолжалась осада Картахены. Все население города участвовало в борьбе. На батареях наравне с мужчинами служили женщины.

¹ Энгельс «Бакунисты за работой», стр. 120—121.

Провозглашение республики в Испании в июне 1873 г. Рис. из англ. журнала «Graphic».

Премьер-министром был в это время лидер правого крыла федералистов Кастеляр, пришедший 7 сентября на смену Сальмерону. Кастеляр, прозванный «испанским Тьером», добивался, «чтобы Испания имела правительство, которое отличалось бы от монархического только названием»². Поэтому он добился от кортесов отсрочки принятия конституции.

Между тем в стране продолжалось революционное брожение, продолжалось и восстание на Кубе.

С другой стороны, начали снова активно выступать карлисты. Их отряды держали в своих руках большую часть баскских провинций и Наварры, они бродили по Каталонии и Валенсии, появлялись и в других провинциях. Карлисты с невероятной жестокостью убивали пленных, разрушали железные дороги, останавливали и грабили поезда. Карлисты сумели использовать в своих интересах национальное движение басков, а также отчасти каталонцев и валенсийцев: они обещали восстановление их средневековых вольностей. Большая часть

² Письмо русского посланника в Мадриде канцлеру кн. Горчакову 4/XII н. ст. 1873 г. («Красный архив», стр. 32. 1931).

крестьян-басков, обманутая этими посулами, поддерживала карлистов. Объясняется это в основном тем, что в провинциях басков относительная слабость товарных отношений, не ставившая крестьян в зависимость от крупных центров, замкнутость крестьянского хозяйства и разобщенность определяли отсталость, невежество крестьянства, власть мелких помещиков, кулачества и попов.

Сам претендент на испанскую корону Дон Карлос летом 1873 г. появился в Испании и избрал своей столицей городок Эстелью (в Наварре). Очень крупную роль в восстании играли священники, которые принимали участие в боях. Большую поддержку оружием, боевыми припасами, деньгами, волонтерами карлисты получали из Франции и Англии.

Кастеляр своей реакционной политикой прокладывает путь монархии. Когда 2 января 1874 г. снова собрались кортесы, большинство их проголосовало против правительства Кастеляра. Тогда войска реакционного генерала Павия разогнали кортесы.

Буржуазия, испугавшаяся размаха революции, вступила в союз с военной и поставила у власти монархиста Серрано. 3/1 1874 г. маршал Серрано стал диктатором Испании. В созданный им кабинет министров вошли вожди прежних прогрессистов и радикалов. Правительство заявило, что остается в силе конституция 1869 г., за исключением пункта относительно монархической формы правления, что исполнительная власть наделена диктаторскими полномочиями, что она не приступит к созыву кортесов до полного умиротворения страны. В этот же день была запрещена испанская секция Интернационала. Рабочее движение подверглось свирепым преследованиям. Республика существовала только на бумаге. Целый год продолжалась военная диктатура Серрано, не удовлетворившая, однако, ни республиканцев, ни монархистов.

29 декабря 1874 г. генерал Мартинес Кампос произвел пронунсиаменто (военный переворот) близ Валенсии и провозгласил королем Альфонса, сына Изабеллы. Прочие генералы присоединились к нему. Правительство не сопротивлялось. Серрано, командо-

вавший в это время армией против карлистов, прислал поздравительную телеграмму. Династия Бурбонов была восстановлена.

Альфонс XIII стал королем. Власть перешла к консерваторам (альфонсистам). После долгой борьбы правительство Альфонса разгромило карлистов. Оно примирилось с духовенством, и духовенство снова стало могущественной силой в жизни Испании. Прежние вольности («фуэрос») басков были окончательно уничтожены.

Восстание на Кубе было ликвидировано только в 1878 г. Принятая избранными в 1876 г. кортесами конституция установила конституционную монархию и сильно ограниченное избирательное право. Эта конституция явилась некоторой уступкой буржуазии. Рабочее движение было загнано в подполье. Испания осталась страной с сильными пережитками феодализма, отсталой в промышленном и культурном отношении.

«От так называемых принципов анархии, свободной федерации независимых групп и т. п. не остается ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горсти солдат покорять почти без сопротивления один город за другим... бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример того, как не следует делать революцию»¹.

Этими словами Энгельс характеризует роль бакунистов в потерпевшей поражение революции. Слова эти особенно актуальны для данного этапа борьбы испанского пролетариата, перед которым стоит задача руководства перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В наши дни испанские анархисты, прикрывающиеся ультрареволюционной фразеологией, играют роль важнейшего тормоза и дезорганизатора пролетарской революции. Их путчистская и одновременно реформистско-соглашательская тактика приводит к поражениям пролетариата. Когда ра-

¹ Энгельс «Бакунисты за работой», стр. 124.

Национальная гвардия по приказанию генерала Павия разгоняет кортесы. Мадрид 2 января 1874 г. Рис. из журн. «Всемирная иллюстрация».

бочие в вооруженных боях захватывали города, анархисты мешали им создать революционные органы власти. Об'ективно испанские анархисты оказались защитниками капиталистического общества. Во время вооруженного восстания в октябре 1934 г. анархисты всадили нож в спину восставшим рабочим, отказавшись участвовать во всеобщей стачке и восстании и тем самым помогая фашизму подавить восстание.

И совершенно прав тов. Эрколи, когда он в своей статье «Марксизм и бакунизм», говоря о последних революционных событиях в Испании, пишет:

«Испанская революция может победить при условии преодоления влияния анархизма в рабочей среде, беспощадной борьбы с его мелкобуржуазными

традициями, при условии сплочения испанского пролетариата под знаменем марксизма-ленинизма, и по этому пути и ведет его под руководством КИ молодая, но успешно развивающаяся компартия Испании.

Современный опыт испанской революции ярче всего показывает, как велики заслуги Маркса и Энгельса, которые предвидели развитие «ультра-революционного» бакунизма к контр-революции, предостерегали против него рабочий класс, разоблачали мелкобуржуазную сущность бакунизма, беспощадно боролись против него, мешали его движению вперед и в конечном счете разгромили его»¹.

¹ М. Эрколи «Марксизм и бакунизм» («Коммунистический интернационал» № 290, 10 октября 1934 г.).

Ц. Бобровская

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ

1

«Наиболее отчеканенный тип профессионального революционера» — такова краткая и многоговорящая характеристика, данная Свердлову В. И. Лениным.

Яков Михайлович Свердлов родился в 1885 г. в Нижнем Новгороде (Горький) в семье еврея-ремесленника, владельца небольшой граверной мастерской. Одиннадцати лет Яша Свердлов — мальчик, с раннего детства обращавший на себя внимание стойкостью характера и недетской пытливостью ума — поступил в Нижегородскую гимназию. Затхлая атмосфера казенной гимназии царского времени, само собой, ничего, кроме скуки, в богато одаренном ребенке вызвать не могла, и маленький гимназист Свердлов, сидя на уроках, потихоньку зачитывался книгами, не имевшими отношения к школьным занятиям.

Эти книги давали то, чего не могла дать гимназия, которую Свердлов, дотянув кое-как до 4-го класса, не без удовольствия покинул, чтобы стать на собственные ноги. 15 лет он поступает работать в аптеку, куда перебирается из родительского дома и жить, а квартиру родителей использует лишь в случаях, когда ему это требуется для нелегальной революционной работы, которой он к тому времени уже стал заниматься.

Дело происходит в 1900—1901 гг., когда пролетарские центры России, а в их числе и Нижний Новгород с Сорновым, на заводах которого уже тогда

насчитывалось около десяти тысяч квалифицированных рабочих, начали жить интенсивной политической жизнью: рабочее движение в России стало принимать массовый характер.

В. И. Ленин, отзываясь тогда на выступление рабочих Обуховского завода, в Петербурге (Обуховская оборона, жестоко подавленная), писал в «Искре»¹, в статье «Новое побоище»: «Повидимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы... Нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу.

Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. И стократ заслуживает название героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи».

Яков Свердлов и был тем героем, который уже тогда свою молодую жизнь посвятил борьбе не на жизнь, а на смерть «с защитниками и оберегателями гнусного порядка».

Осенью 1901 г. организуется нижегородский комитет РСДРП, по поручению которого юноша Свердлов разворачивает интенсивную работу по пропаганде в рабочих кружках, по агитации, по организации тайной типографии для печатания партийной литературы, а весной 1902 г. он является одним из организаторов политической демонстрации по случаю похорон умершего в Нижнем поднадзорного студента Рюрикова.

По делу о демонстрации Свердлов тогда впервые попадает в тюрьму, по выходе из нее он неизменно находит-

¹ Ленин, Т. IV, стр. 114.

ся в поле зрения царской охранки, которая на первых порах присваивает ему кличку «Малыш».

По инициативе нижегородского комитета организуется сормовский комитет РСДРП, который проводит в мае 1902 г. двухтысячную рабочую демонстрацию под лозунгом «Долой самодержавие!» После демонстрации происходят аресты сормовских активистов, и Яков Свердлов направляется нижегородским партийным комитетом в помощь сормовской организации. Он восстанавливает в Сормове переставшие функционировать в связи с арестами пропагандистские кружки, при его помощи возобновляются рабочие сходки, на которых он выступает с яркими агитационными речами.

Когда осенью 1903 г. до нижегородской и сормовской партийных организаций доходит весть, что на II съезде РСДРП произошел раскол, Свердлов без колебаний становится на позицию Ленина и ведет энергичную борьбу с меньшевиками, а также с примиренческими настроениями в партийных организациях Нижнего и Сормова. Эта кипучая деятельность Свердлова в конце 1903 г. обрывается арестом (вторым по счету).

После двух—трех месяцев тюремного заключения (точный срок сидения в тюрьме на сей раз документами установить трудно) Свердлов на основании высочайшего повеления подвергается двум годам надзора полиции¹.

2

Обстановка широко развертывавшихся накануне первой русской революции классовых битв побудила Якова Свердлова к переходу на нелегальное положение, ибо легальность и гласный надзор полиции связывали по рукам и ногам: мешали революционной работе.

Ярким показателем той внутренней силы, которую в себе чувствовал 18-летний Свердлов, служат дошедшие до нас в материалах департамента полиции строки из его перехваченного охранкой письма к товарищу². Сооб-

¹ Дело департамента полиции за 1904 г. № 2764.

² Дело № 1276 за 1905 г. о мещанине Якове Свердлове. Особый отдел департамента полиции.

щая товарищу о том, что он ушел из-под надзора полиции, нелегально перебрался на партийную работу в северный ткацкий район, сначала в Ярославль, а затем в Кострому, где и поселился в качестве профессионала-революционера, Свердлов, между прочим, писал:

«Иногда жаль Нижнего, но все же я доволен, что уехал, ибо там я не мог расправить крылья, а я думаю, они у меня имеются; там учился работать, сюда же приехал ученый и имею широкое приложение всех своих сил».

В этот период обостреннейшей борьбы Ленина и большевиков с меньшевиками (борьба за созыв III съезда) северный ткацкий район — русский Манчестер, как его называли тогда, — явился опорой большевиков, опорой Ленина. Но и здесь, так же как и в других районах, в сильной степени чувствовалось несоответствие между размахом рабочего движения и малым количеством квалифицированных, революционно выдержанных партийцев, которые сумели бы помочь этому движению уложиться в большевистские организационные формы.

Свердлов же по самой своей природе был большевиком-организатором, вот почему он мог здесь развернуться, вот почему он так радуется возможности расправить свои крылья, которые, он чувствовал, у него имеются.

Однако долго поработать Свердлову и в северном ткацком районе не пришлось, ибо не дремали ни царская охранка, ни жандармерия. Рабочий век профессионала-большевика в одной местности обычно измерялся не годами, а в лучшем случае месяцами, а то даже и неделями, после чего приходилось перекочевывать в другой город обширной «матушки России».

Искусно избегнув ареста в Костроме, Свердлов для продолжения революционной работы перебирается в Казань, где концентрирует свое внимание на большом, с 4000 рабочих, Алафузовском заводе.

После расстрела петербургских рабочих 9 января 1905 г. громкий голос Свердлова здесь отчеканивает большевистские лозунги, которые выслушиваются с затаенным дыханием и подхватываются массами, здесь он говорит о

необходимости четкой формулировки не только экономических, но и политических требований.

Помимо агитационной работы по завоеванию рабочих и солдатских масс, а также масс студенчества, на долю Свердлова в Казани выпала нелегкая задача — внести большевистскую четкость как в идеологическое состояние местной парторганизации, так и в организационное, ибо организация эта до появления Свердлова не примыкала открыто ни к большевикам, ни к меньшевикам.

Кроме того одной Казанью революционная деятельность Свердлова в этот период не ограничивается: по поручению Центрального комитета партии он выезжает в Нижний, в Сормово, а в августе 1905 г. он уже на Урале¹, среди десятков тысяч горняков.

На Урале перед Свердловым раскрылись особо широкие возможности выявления своего таланта крупнейшего организатора. В «Материалах по истории уральской большевистской организации», в статье Быкова, читаем: «Революция 1905 г. дала возможность развить самую широкую агитацию как в районах Екатеринбурга (теперь

¹ Отношение № 1058 от 23 июня 1905 г.: «Известный департаменту полиции по кличке «Малыш» был встречен в Перми случайно находящимся там агентом введенного мне отдела».

Я. Свердлов, гимназист.

Свердловск.—Ц. Б.), так и по другим уральским городам. Непродолжительный легальный период был использован на укрепление организаций, на установление прочных связей с заводами, на создание боевых дружин для защиты от черной сотни. Во всей этой работе огромнейшая заслуга принадлежит тов. Андрею (партийная кличка Свердлова.—Ц. Б.), сумевшему за короткое время объединить ряд организаций, наладить технику и поставить на должную высоту большевистскую пропаганду и агитацию».

Другой автор, Борис Иванов, рассказывает, как Свердлов, непрерывно выступая в это время на митингах, завоевывает авторитет любимого вождя масс, как даже на устраиваемых меньшевиками и социалистами-революционерами митингах массы неизменно избирали Свердлова председателем, даже в его отсутствие: «Буря гремела: «Андрея, Андрея!..» Андрея разыскивали, привозили, и смелая речь его плавно и убедительно звучала в толпе, не желавшей больше выслушивать никаких речей противников большевизма и принимавшей большевистские резолюции. Таким образом, Свердловым было сорвано множество меньшевистских, эсеровских и анархистских митингов».

Когда после подавления московского декабрьского восстания по всей стране прокатилась волна неслыханных репрессий, жестоко поплатились за свою революционную отвагу и уральские рабочие. Среди немногих активистов, уцелевших от разгрома, в числе которых, на счастье, уцелел и Свердлов, уныния и подавленности не наблюдалось. Немедленно началась кипучая деятельность по восстановлению партийной работы при невероятно более трудных условиях. Тот же Борис Иванов, вспоминая о работе Свердлова на Урале в 1906 г., пишет²: «Жил Свердлов на Урале на 10—12 рублей в месяц. Когда он отдыхал, — никто сказать не мог. Небольшого роста, щупленький, со смолистой шапкой густых черных волос на голове, в простых сапогах, шагает Михалыч с собрания на собрание и везде, где он появляется, своим зычным — не по росту — голосом вливает во всех бод-

² Сборник Пермского истпарта 1923 г.

рость и уверенность. Благодаря его железной энергии и организаторским способностям ему удалось объединить вокруг уральского большевистского бюро крупнейшие партийные организации—Перми, Екатеринбурга, Уфы. Под твердой и умелой рукой Михалыча недавно разгромленная, распыленная организация была полностью восстановлена, оформлена, приобрела организационную стройность, крепкую спаянность и устойчивость. Были созданы губернские комитеты. Партии удалось покрыть Урал бесчисленным множеством заводских партийных организаций».

Под непосредственным руководством Свердлова оформилась первая областная большевистская уральская партийная организация.

Несмотря на исключительное умение конспирировать Свердлов и здесь не избег ареста, ибо жандармерии к тому времени удалось насадить в партийной организации провокаторов и один из них, некий Ботимов, выдал Свердлова, указав, что тот поручил ему, Ботимову, заведывание складом оружия.

Вместе со Свердловым были летом 1906 г. арестованы десятки лучших активистов пермской большевистской организации, в том числе жена его и товарищ по партийной работе Клавдия Тимофеевна Новгородцева.

Был сострянпан громкий процесс, в ожидании которого Свердлов и его товарищи провели в предварительном заключении полтора года. Затем, они были судимы казанской судебной палатой, и Свердлов был приговорен к двум годам крепости.

Все эти годы, как в предварительном заключении, так и отбывая срок наказания, Свердлов много читал, работал над собой, усиленно занимался революционной теорией, которая, он знал, столь необходима для революционной практики, ждущей его по выходе на волю.

3

И в период упадка революционного движения Свердлов умел ставить перед рабочими массами великие задачи пролетарской революции, а это и было необходимой предпосылкой для того,

Жандармский снимок Я. Свердлова. 1902 г.

чтобы «...расширить основу движения, втянуть в него большие массы, вдохнуть в них то настроение беззаветной революционной борьбы, которое всегда вело угнетенные массы к победе над врагами»¹.

Просидев три с половиной года в тюрьме, Свердлов по выходе на волю не дал себе ни минуты передышки. Он нелегально приехал в Москву и начал собирать партийные силы как в Москве, так и в Центральном промышленном районе.

Свердлов делает отчаянные попытки восстановить Московский комитет партии и областное партийное бюро, но попытки эти очень быстро прерываются арестом (четвертым по счету) на нелегальном заседании МК.

По московскому делу Свердлов после трех месяцев тюрьмы высылается в Нарымский край, откуда вскоре бежит².

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 267.

² Копия секретного рапорта томского уездного исправника от 6 ноября 1910 г.

Этот первый свой побег из ссылки, за которым потом следует ряд других, Свердлов совершает в июле 1910 г. Он обосновывается в Петербурге, живя по паспорту мещанина города Кунгура, Пермской губернии, Михаила Георгиевича Пермякова.

Ввиду постоянных провалов в Петербурге Центральный комитет советов «Андрею» в сношение со старыми партийными работниками Петербурга не входить и быть возможно конспиративнее.

В Петербурге Свердлов действительно вел себя крайне осторожно и лишь в начале октября был взят охранкой под наблюдение под кличкой «Махровый» («Малыш» стал «Махровый». — Ц. Б.).

В Петербурге Свердлов так же, как раньше в Москве, занялся собиранием большевистских сил, укреплением нелегальной большевистской организации, что в тот момент было исключи-

Я. Свердлов в нарымской ссылке.

тельно трудным делом, ибо приходилось вести отчаянную борьбу с меньшевиками-ликвидаторами. Всеми силами укрепляя нелегальную партийную организацию, Свердлов одновременно старался максимально использовать и легальные возможности: он руководил большевистской частью социал-демократической фракции Государственной думы, ее выступлениями как с думской трибуны, так и перед рабочими-избирателями на предприятиях, он старался обеспечить большевистское руководство в предполагавшемся в тот момент к изданию фракцией Думы периодическом органе печати.

В октябре вновь последовал арест. Бывший «Малыш», теперь «Махровый», был сослан обратно в Сибирь, но не в прежнее место жительства, а поглубже, в остяцкое селение «Максимкин яр», куда почта приходила всего два раза в год.

Об обстановке, в какой приходилось жить Свердлову в этой местности, дают очень красочное представление следующие строки из его письма к тов. Новгородцевой: «Максимка, где я проживаю, является остяцкой столицей своего рода. Сюда на вешнего и осеннего Николу с'езжаются со всех юрт по реке и около нее. Во всех домах население увеличилось в 4—5 раз. Не избежал этой участи и дом, в котором я живу. Полно взрослых и ребят. Шум голосов больших, визг и вой маленьких не прекращаются ни днем, ни ночью уже двое суток. Почти все пьяны, а ты знаешь, как «симпатично» я отношусь к пьяным. Пишу поминутно отрываясь... Совершенно невозможно писать: стоят, глядят через плечо и обсуждают, почему так быстро бегают перо и почему так мало написано».

4

Период злейшей реакции между 1908 и 1911 гг., названный В. И. Лениным трехлетием разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства, пролетарского уныния и распада, подходил во второй половине 1911 г. к концу.

Опять, по выражению В. И. Ленина, потянуло к революции.

Шла деятельная подготовка к Праж-

Карточка Я. Свердлова в «Петербургской предварилке». 1910 г.

ской партийной конференции. Ленин озабочен мобилизацией руководящих большевистских сил, и прежде всего ему недостает двух крупнейших организаторов партии: недостает Сталина и Свердлова. Оба находятся в ссылке. Но в скором времени им обоим разными путями удастся бежать. Первоначальный план побега Свердлова был задуман так, чтобы плыть на лодке-душегубке по Оби до станции Нивалинск и там сесть на пароход «Тюмень», в машинном отделении которого были свои люди. Дело было поздней, холодной осенью. Лодка-душегубка опрокинулась, и Свердлов, цепляясь за края ее, проплыл так три километра, был замечен рыбаками и спасен. После этого «купанья» он, кое-как отогревшись, продолжает путь до парохода, где натывается на знавшего его полицейского. Свердлова снимают с парохода и водворяют на прежнее место жительства.

Через короткое время после неудачи с побегом к Свердлову приехала его жена, тов. Новгородцева, с ребенком, и власти, решив, что Свердлов, обзаведясь семьей, «остепенится», уменьшили за ним надзор... Однако «мирный семьянин» Свердлов через месяц бежит и на сей раз удачно, так

как, помимо ослабления надзора, все необходимое для побега (паспорт, адреса, деньги) привезла тов. Новгородцева.

Будучи после Пражской конференции кооптированным членом Центрального комитета партии, Свердлов развивает в Петербурге большую работу, в первую очередь в думской фракции, поддерживая постоянную связь с В. И. Лениным и И. Сталиным, которому Ленин поручил руководить легально выходившей тогда газетой «Правда».

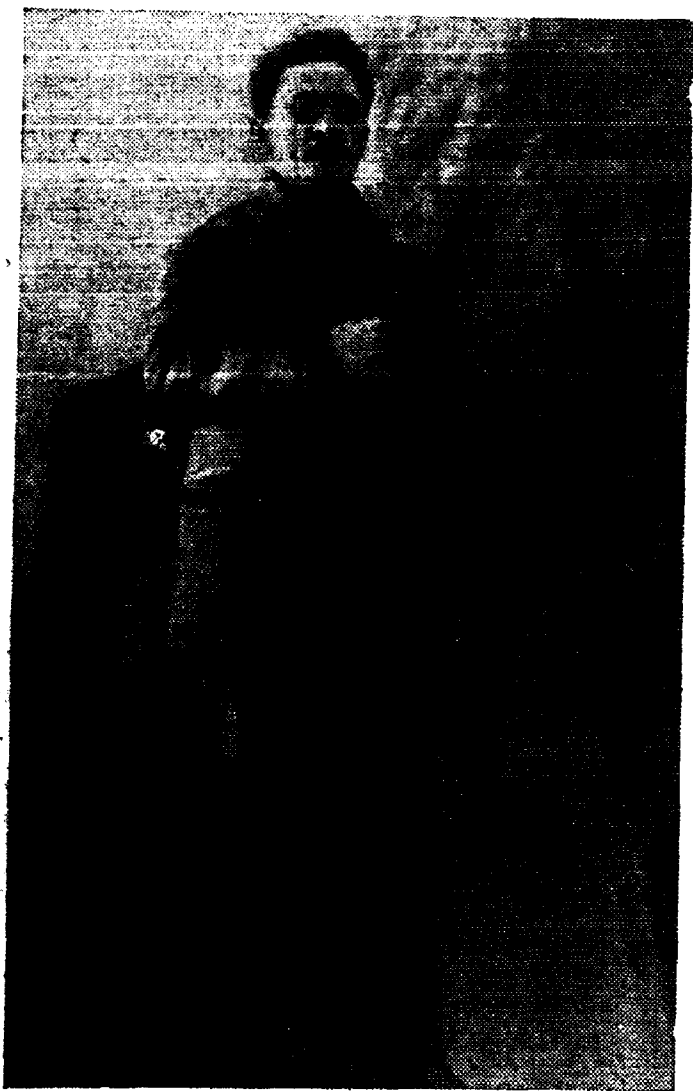
Как известно, до приезда товарищей Сталина и Свердлова ни в «Правде», ни во фракции Государственной думы не наблюдалось нужной большевистской четкости в работе, и только лишь с их приездом во фракции произошло окончательное размежевание с меньшевиками. «Правда», руководство которой до того В. И. Ленин не переставал упрекать в расплывчатости, в нечеткости линии по кардинальным вопросам борьбы, была поставлена на большевистские рельсы.

Несмотря на соблюдаемую Свердловым сугубую конспирацию, когда он день и ночь сидел взаперти в квартире большевика, члена думской фракции—Бадаева, избавиться от ареста и

на сей раз ему не удалось, ибо, как известно, царский департамент полиции имел своего агента и внутри большевистской фракции в лице депутата Малиновского. Этим провокатором в руки жандармов были переданы те, кто более всего нужен был революции: товарищи Сталин и Свердлов.

Свердлов попал в тюрьму—Кресты, со всей своей семьей: с женой Клавдией Тимофеевной Новгородцевой и сыном Андреем. Этот арест Свердлова произошел в 1913 г., когда волны русской революции вздымались все выше и выше и в Петербурге накануне войны 1914 г. дело дошло до баррикад. Но пришла война, временно наложившая свою кровавую руку на все живое. Царское правительство загнало попавших к нему в плен Сталина и Свердлова в такое место, которое Свердлов следующим образом описывает в своем письме к сестре:

«Дорогая Сарра! Следующее мое письмо будет снова занумеровано. Теперь пишу лишь налету пару строк. Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 10 верст севернее полярного круга.

Я. Свердлов выступает на митинге.

Только двое будем на станке, и при нас два стражника. Надзор усилили, от почты оторвали. Последняя раз в месяц доставляется через ходока, который часто запаздывает, практически не больше 8—9 почт в год. Все же лучше, чем на «Максимкином яру». Прошу посылать все по старому адресу, товарищи будут переправлять. Джугашвили за получение денег лишен пособия на 4 месяца. Деньги необходимы ему и мне»¹. Дальше идут подробности, как эти деньги пересылать, что они нужны каким-то кредиторам и т. д. Ясно, что все эти кредиторы приведены в письме только для видимости, на самом деле речь идет о помощи Свердлову и Сталину, необходимой им для побега. Но бежать ни Свердлову, ни Сталину не удалось. Они вынуждены были оставаться в ссылке до самой Февральской революции.

Несмотря на отдаленность своей ссылки Свердлов поддерживает самую крепкую связь не только с ссыльными большевиками, рассеянными по огромным сибирским просторам, среди которых он пользуется общепризнанным авторитетом, но и с В. И. Лениным, с заграничным большевистским центром партии.

Через отдельных товарищей Свердлов связался с рядом местных партийных организаций, что дало ему возможность не отрываться от текущих революционных событий. Вот почему, когда с наступлением мировой войны головы многих и многих затуманиваются шовинизмом, когда вожди II интернационала открыто предают, Свердлов, находившийся на расстоянии многих тысяч километров от центра, правильно ориентируется в обстановке, не сходит с ленинских позиций. Свердлов в это время выступает против оборонцев перед ссыльными, и доклады его рассылаются отдельным товарищам. А когда до Свердлова доходят вести о Циммервальдской, а затем Кинтальской конференциях, о первом объединении интернационалистов, он в своих лекциях и докладах проводит идеи левого Циммервальда—превращение империалистической войны в войну классовую. Он излагает тактику и

¹ Дело департамента полиции № 1276.

стратегию гражданской войны и диктатуры пролетариата.

5

Наступил 1917 год. До сибирской ссылки дошла радостная весть о падении самодержавия. Свердлов едет в центр революционных событий. Для этого ему приходится проехать на лошадях 2000 км по льду готового вскрыться Енисея. Он направляется на свой любимый Урал, где на первом же областном партийном съезде он, хорошо известный старым уральским рабочим «Андрей», становится центральной, руководящей фигурой и съезда и всей уральской областной организации. В апреле 1917 г. уральская парт-организация посылает своего «Андрея» на всероссийскую большевистскую партийную конференцию, на которой он избирается членом Центрального комитета и, по указанию В. И. Ленина, оставляется секретарем ЦК в Петрограде. В самом Петрограде Свердлов концентрирует всю свою опромную революционную энергию, свой богатейший опыт организатора на вопросах завоевания масс. В качестве одной из форм охвата масс большевистским влиянием на самом предприятии были выдвинуты в то время фабрично-заводские комитеты. И Свердлов организует I петроградскую конференцию фабзавкомов, на которой он избирается в президиум, и руководит всей ее работой.

Незадолго до июльских дней Свердлов пишет:

«Настроение в Питере напряженное до крайней степени, достаточно выступить какой-нибудь одной мастерской на каком-нибудь заводе, как взволнуется все рабочее и солдатское население столицы. Посему мы последнее время только и делаем, что тушим разгорающийся пожар, ибо в данный момент считаем нецелесообразным переход к непосредственному действию»¹.

Когда же в июльские дни массы все же вышли на улицу, Свердлов, несмотря на то что считал это выступление преждевременным, был среди масс, во главе масс. Именно в эти дни буржуа-

¹ Из переписки Я. М. Свердлова. «Печать и революция», стр. 72—73. 1924 г.

Ленин и Свердлов на открытии памятника Марксу и Энгельсу на площади Революции в Москве. 1918 г.

зия наградила его прозвищем «Черный дьявол».

После июльских дней в связи с бешеной травлей Ленина среди большевистского руководства не было единомыслия по вопросу о том, следует ли Ленину скрываться или явиться на суд Керенского. Сталин вместе со Свердловым настаивали и настояли на том, чтобы Ленин оставался в подполье.

В августе Свердлов занят подготовкой VI съезда РСДРП(б), который должен был состояться в полулегальной обстановке, а потом, после того как В. И. Ленин все настойчивее и настойчивее стал напоминать, что «кризис назрел», Свердлов председательствует 23(10) октября на историческом заседании Центрального комитета нашей партии, на котором всеми голосами, кроме голосов Зиновьева и Каменева, принимается ленинская резолюция о вооруженном восстании и захвате власти. На этом же заседании Свердлов вместе со Сталиным, Дзержинским,

Я. Свердлов в последние годы жизни.

Бубновым и Урицким избирается в практический центр по организационному руководству восстанием.

Затем, в самые дни восстания Свердлов несет службу связи, входит в повстанческую комиссию Центрального комитета, наблюдает за Временным правительством и его распоряжениями, поддерживает связь с Петропавловской крепостью, рассылает шифрованные телеграммы, распоряжения и т. д.

В результате героической борьбы победа одержана. Правительство Керенского сметено. Вся власть переходит в руки Советов и 21(8) ноября Свердлов избирается председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов после того, как Каменев за предательскую и дезорганизаторскую деятельность был снят с этого поста.

В условиях победившей пролетарской диктатуры, на руководящей работе общегосударственного масштаба в качестве секретаря Центрального комитета во всю ширь разворачиваются исключительные организационные способности Я. М. Свердлова. Деятельность Якова Михайловича в первый период пролетарской диктатуры, когда в обстановке открытых враждебных действий мирового империализма соз-

давалось и укреплялось государство пролетариата, В. И. Ленин охарактеризовал следующими словами:

«Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы, то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович...»

Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям,—эта работа будет теперь подсилу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек»¹.

Товарищ Сталин об этом периоде деятельности Свердлова писал следующее:

«Период 17—18 гг. был периодом переломным для партии и государства. Партия в это время впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть — власть Советов, власть рабочих и крестьян.

Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и Советами, обеспечить партии руководство, а Советам их нормальное развитие — такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией.

В партии не найдется людей, которые решились бы отрицать, что Я. М. Свердлов был одним из первых, если не первый, который умело и безболезненно разрешил эту организаци-

¹ И. Сталин «О Я. М. Свердлове». Статья товарища Сталина была написана для сборника Истпарта о Свердлове, но ввиду задержки выхода последнего из печати была ранее напечатана в № 11(34) «Пролетарской революции» за 1924 г.

онную задачу по строительству новой России»¹.

Вся указанная товарищем Сталиным грандиозная работа Свердлова в послеоктябрьский период была им проделана в чрезвычайно короткие сроки, ибо уже в марте 1919 г., возвращаясь с партконференции из Харькова в Москву и выступая на станциях перед массами, Свердлов схватывает жестокую простуду, сведшую его через несколько дней в могилу.

Яков Михайлович Свердлов прожил на свете всего 34 года, из коих целых 19 лет отдал делу пролетарской революции.

Сколько-нибудь подробное описание необычайно яркой, многогранной деятельности Свердлова не укладывается в рамки журнальной статьи. Здесь пришлось ограничиться лишь самым кратким изложением основных моментов этой славной деятельности, которая, по выражению В. И. Ленина, привела Я. М. Свердлова через нелегальные кружки, через нелегальную партию к посту первого человека в первой социалистической советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс. Несколько месяцев тому назад Москва склоняла траурные знамена пе-

ред гробом другого, такого же крупнейшего организатора широких пролетарских масс—тов. КИРОВА, погибшего от руки подлых подонков бывшей зиновьевской контрреволюционной группы. В связи с этим хочется привести заключительную часть речи В. И. Ленина от 18 марта 1919 г. на экстренном заседании ВЦИК по случаю смерти Я. М. Свердлова:

«...Но пролетарская революция сильна именно глубиной своих источников. Мы знаем, что на месте людей, беззаветно отдавших свою жизнь, положивших ее в этой борьбе, она выдвигает шеренги других людей, может быть, менее опытных, менее знающих и менее подготовленных в начале их пути, но людей, которые широко связаны с массами и которые способны на место ушедших крупнейших талантов выдвигать группы людей, продолжающих их дело, идущих по их пути, довершающих то, что они начали. И в этом смысле мы глубоко уверены, что пролетарская революция в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариев, из трудящихся крестьян, которые дадут то практическое знание жизни, тот, если не единоличный, то коллективный организаторский талант, без которого миллионные армии пролетариев не могут придти к своей победе»².

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 82—83.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 83.

Б. Вебер

«ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ» ДАВИДА ЛЛОЙД-ДЖОРДЖА

Томы I—II. Перев. с англ. И. Звавича. С предисл. Ф. А. Ротштейна. Москва. Соцэкгиз. 1934. 678 стр. 9 руб., перепл. 1 р. 50 к.

1

«В 1904 г., в тот день, когда было объявлено об англо-французском соглашении, я приехал... в ... имение лорда Розбери. Он встретил меня словами: «Я полагаю, что и вы так же, как и все остальные, довольны этим соглашением с Францией... В конце концов это означает войну». Этим эпизодом начинается Ллойд-Джордж свои мемуары, повествуя о событиях, явившемся одним из главных этапов подготовки войны. Не даром и самая глава носит зловещее название «Гроза собирается».

Какую же позицию занимал Ллойд-Джордж в условиях приближавшейся военной катастрофы? Как он сам расценивает ее теперь? Вот вопросы, которые прежде всего встанут перед читателем, знакомым с внешней стороной довоенной деятельности Ллойд-Джорджа. Ведь Ллойд-Джордж был родоначальником того, что Ленин так метко охарактеризовал его именем. «Ллойд-джорджизм» — это была «широко разветвленная, систематически проведенная, прочно оборудованная система лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания налево и направо любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»¹.

Эту сторону своей деятельности перед войной Ллойд-Джордж почти не освещает. О том, что представляла собой на словах политика либеральной буржуазии того времени, он предпочитает не вспоминать. Он слишком скомпрометировал себя в этом отношении, чтобы рассчитывать в наше время заработать что-нибудь на своем былом радикализме и на оказавшемся столь хрупким «пацифизме». Хочет он этого или не хочет, но в своих мемуарах автор вынужден обращаться к настроенному откровенно-империалистски читателю, показывая, что он не только не препятствовал, но всемерно способствовал подготовке Англии к войне.

В этом большой разоблачительный интерес мемуаров Ллойд-Джорджа. Мы уз-

наем из них, как этот величайший специалист по части «одурачивания масс»² несмотря на свой внешний «пацифизм» «никогда не противился какому-либо увеличению состава флота, которое могло бы увеличить безопасность страны» (стр. 36). Он указывает, что его пресловутая и так шумевшая «аграрная реформа», целью которой Ленин с удивительной пронизательностью считал подготовку новых военных авантюр³, действительно имела своей целью обеспечить хотя бы относительную независимость Англии в деле снабжения продовольствием на случай войны. Он с гордостью приводит характеристику, данную ему германским дипломатом того времени: «Теперешний канцлер казначейства в короткое время превратился из ультрарадикального... юриста в одну из руководящих и пользующихся уважением фигур в его партии и в кабинете. Он мыслит, как подобает империалисту, и поэтому его уважают также и юнионисты» (консерваторы) (стр. 40).

Но все это мелочи по сравнению с тем, что Ллойд-Джордж делает гвоздем довоенной главы своих мемуаров. Этим гвоздем является эпизод, на котором нельзя не остановиться подробнее, потому что он дает очень яркую характеристику фактического положения Англии накануне войны, главным же образом потому, что уж очень пикантны сообщаемые Ллойд-Джорджем данные.

«В 1910 г., — пишет Ллойд-Джордж, — мы стояли перед многими серьезнейшими проблемами. На горизонте показался грозный призрак безработицы. Наши соперники за границей быстро шли вперед и оспаривали у нас первенство на рынках мира... Наш рабочий люд толпился в грязных и бедных кварталах. Рабочие... проявляли все большее недовольство. По мере того, как мы попадали во все большую зависимость от заграничных продуктов питания, посевная площадь в Англии сокращалась. Сельская жизнь умирала, и мы оказались лицом к лицу с опасностью сверхиндустриализации. Чрезмерное злоупотребление спиртными напитками подрывало здоровье и трудоспособность значительной части населения. Ирландский вопрос отравлял наши отношения с Соединенными штатами Америки. Борьба вокруг конституции (реформа палаты лордов, ирландское самоуправление. — Б. В.) угрожала революцией в Ирландии. Между тем темные тучи заметно скоплялись над континентом Европы. Великие нации лихорадочно вооружались для борьбы, в которую они могли быть вовлечены видимыми или невидимыми узлами, интересами или симпа-

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 311.

² Ленин. Т. XVI, стр. 167.

³ Там же, стр. 107.

тиями. Были ли мы готовы ко всем грозным возможностям?» (Разрядка наша.— Б. В.) (стр. 52).

Для того чтобы окончательно подготовиться «ко всем грозным возможностям», не кто иной, как «радикал» и «демократ» Ллойд-Джордж выдвинул проект фактической ликвидации парламентаризма. «Всякому проникательному человеку было ясно, что партийная и парламентская система не могла справиться с этими задачами», и потому Ллойд-Джордж «настаивал на объявлении перемирия между партиями с целью добиться сотрудничества руководящих государственных деятелей различных партий в разрешении наших национальных проблем» (стр. 52—53). И первое место среди этих проблем автор проекта перемирия между партиями отводит военной подготовке — основному мотиву перемирия.

«Если бы этот проект был осуществлен,—пишет он на стр. 54,—то к 1914 г. мы располагали бы 1—1½ миллионами обученных военному делу солдат, годных для действующей армии тотчас же после объявления войны... Эти соображения постоянно приходили мне на ум, по мере того как продолжалась война, и всегда вызывали во мне сожаление о «великом отказе» 1910 года» (стр. 54—55), т. е. о том, что проект был отвергнут.

Консерваторы отвергли тогда предложение Ллойд-Джорджа, потому что Ллойд-Джордж еще был им нужен для того, чтобы проделывать, как выражается Ленин, «игру: перед народом для выборов, в официальных выступлениях»¹. Ведь это ни в какой мере не меняло сути того, что так ясно видел Ленин еще в то время и в чем так наглядно сейчас изобличает сам себя Ллойд-Джордж: «На деле в настоящей своей политике (они и, в частности, Ллойд-Джордж) идут вместе с безусловно антидемократическими правительствами и партиями, с октябристами разных оттенков и разных национальностей»².

«Буржуазный пацифизм дышит на ладан»,—говорил на XVII съезде партии товарищ Сталин. И поэтому особенно характерно, что Ллойд-Джордж считает несвоевременным поддерживать легенду о своем мнимом пацифизме до войны. Об этом он предпочитает говорить вскользь, мимоходом—на всякий случай. Однако ответственность за войну он на себя не принимает. Он подчеркивает, что лишь благодаря его решительному выступлению в 1911 г., напугавшему Германию, война тогда была избегнута. Если бы его примеру последовал в 1914 г. тогдашний английский министр иностранных дел Грей, войны, быть может, удалось бы избежать.

И Ллойд-Джордж объявляет Грея чужли не единственным виновником того, что Англия вступила в войну.

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 321.

² Там же.

2

Как известно, после заключения перемирия Ллойд-Джордж победоносно провел избирательную кампанию под демократическим лозунгом «Повесить кайзера».

Сейчас времена переменялись, и бывший парламентский прокурор «избирательной виселицы», испытывающий достаточно явное тяготение к фашистскому режиму в Германии, рядится в мантию великодушного и нелюбопытного адвоката. «Хвастливый кайзер менее всего хотел европейской войны», равно как и «слабый и простоватый, но искренний (?) русский царь» (стр. 65).

Но уже совсем никакой ответственности за войну, по Ллойд-Джорджу, не несут заправила британского империализма: «Финансовые и торговые круги лондонского Сити были категорически против нашего вмешательства в войну» (стр. 71). Да и вообще «было бы глупой и невежественной клеветой называть эту войну «войной банкиров»: люди денег тряслись от страха перед перспективой войны» (стр. 77).

Кто же в таком случае хотел войны, в чьих интересах она была? В интересах армии континентальных государств, «ничтоже сумняшеся», отвечает автор. Но армия далеко не была одинокой в своем стремлении к войне: «Народные массы были во власти военной лихорадки. В каждой столице народ требовал войны» (стр. 71).

А между тем сам Ллойд-Джордж констатирует, что немедленно же после начала войны с невероятной быстротой «обе палаты парламента провели после нескольких часов обсуждения мероприятия, предоставлявшие исполнительной власти неслыханные дотоле полномочия. Большинство этих мероприятий было тщательно продумано в спокойные годы мира многочисленными подкомиссиями Комитета имперской защиты». И Ллойд-Джордж восхищается этой «замечательной организацией», утверждая, что это служит «достаточным ответом тем, кто обвиняет либеральное правительство в неподготовленности к возможной войне» (стр. 80). Да, действительно: приводимые Ллойд-Джорджем факты с полной несомненностью доказывают, что либеральное правительство энергичнейшим образом готовило войну.

3

Первая, собственно военная, глава мемуаров—«Финансовый кризис»—начинается с раздела, носящего гордый заголовок «Как мы (т. е. попросту Ллойд-Джордж.— Б. В.) спасли Сити». Здесь Ллойд-Джордж особенно подчеркивает, в какой степени все меры, проводившиеся им как канцлером казначейства (министром финансов), осуществлялись «в тесном контакте с Сити», с привлечением «наи-

более видных банкиров и коммерсантов» (стр. 97). Хотя глава и содержит несколько демагогических ноток (не без явного фашистского привкуса!) в стиле: «растерянные и крикливые финансисты» (стр. 98), «финансисты в панике—отнюдь не герои» (стр. 101),—основное ее содержание сводится к следующему: «Я рад был тому, что мое участие в выработке правительственной политики встретило сочувствие и завоевало доверие той части финансового и делового мира, которая до сих пор не очень доброжелательно относилась к моей деятельности» (стр. 104).

«Среди тех, к кому я обратился за советом,—рассказывает в этой связи Ллойд-Джордж,—был лорд Ротшильд. Мои прежние встречи с ним отнюдь не располагали нас друг к другу. Лорд Ротшильд возглавлял оппозицию против моего плана пенсии престарелым и против моих бюджетных предложений в 1909 г. (в то время этот бюджет демагогически называли «революционным бюджетом».—Б. В.). Я напал на него в таких выражениях, к которым до тех пор не привык глава великого дома Ротшильдов... Я пригласил лорда Ротшильда в министерство финансов для переговоров. Он тотчас же явился. Я обратился к нему: «Лорд Ротшильд, у нас были с вами кое-какие политические неприятности». Он прервал меня: «Г-н Ллойд-Джордж, теперь не время вспоминать об этом. Чем я могу вам помочь?» (стр. 104).

В то время как проводимая Ллойд-Джорджем «смелая политика правительства» в финансовой области «позволила лондонскому Сити продолжать работу, выполняя свою роль... центра всей империи—ее сердца и души» (стр. 104), в остальных, неподведомственных Ллойд-Джорджу сферах все шло, по его словам, «из рук вон плохо». Военное ведомство находилось во власти «реакционных традиций». Политику правительства в целом Ллойд-Джордж характеризует как «недальновидную».

Эта критическая часть мемуаров Ллойд-Джорджа, на которой мы не имеем возможности остановиться подробно, несомненно, очень интересна. Она поктыывает, с каким трудом капиталистическая Англия, захваченная свойственным империализму загниванием и паразитизмом, раскачивалась в обстановке войны. Этим объясняются в значительной степени колоссальная инертность, неподвижность, тупость, рутинность, бюрократизм, блестящие образцы которых дает Ллойд-Джордж в своих характеристиках английских политических деятелей (прежде всего военного министра Китченера—героя кровавых карательных экспедиций в колониях).

Критикуя всех остальных, Ллойд-Джордж рекламирует себя. Эта самореклама имеет актуальнейшее значение. Ллойд-Джордж явственно намекает на сходство между тяжелым положением Англии тогда и сейчас, когда шестой год

продолжается экономический кризис. И поэтому, когда он цитирует свое собственное письмо 1915 г., в котором сказано: «Ничто не может помочь такому положению, кроме назначения энергичного, бесстрашного человека, который встал бы во главе нового министерства, такого человека, которого не мог бы обольстить или обмануть ван-Доноп (генерал, видный чиновник военного министерства) или напугать кто бы то ни было другой» (стр. 193),—он намекает на то, что и сейчас спасти положение может «сильный человек»—Ллойд-Джордж. И Ллойд-Джордж подробно освещает обстоятельства своего прихода к власти во время войны.

4

Он приводит письмо одного из главных консервативных лидеров—Болдуина, написанное ему, Ллойд-Джорджу, тогда еще члену либерального кабинета: «Оставляя совершенно в стороне вопрос о волнениях среди рабочих, я должен сказать, что положение представляется мне крайне неудовлетворительным; и если вы не возьмете в свои руки дело организации технических ресурсов страны в интересах военного снаряжения, то я не думаю, чтобы можно было ожидать улучшения» (стр. 150—151).

Тем же припевом кончается другое («замечательное», по отзыву Ллойд-Джорджа) письмо к нему, на этот раз с фронта: «Надо устранить это безобразие. У вас есть смелость и сила воли десятерых. Пусть вам будет дано больше власти» (стр. 165).

Кампания, которую Ллойд-Джордж вел против правительства, зиждилась на требовании полной милитаризации производства и подчинения рабочих военной дисциплине. Ибо, подчеркивает Ллойд-Джордж, война застала Англию «в состоянии острейшего со времени подавления восстания якобитов¹ политического конфликта. Мы стояли лицом к лицу с перспективой братоубийственной войны, которая раздробила бы страну на несколько враждебных группировок подобно тому, как это было в годы великих гражданских войн... Все указывало на возможность кровавой борьбы на политической арене. Еще недавно политические и религиозные вопросы решались на британских островах силой оружия. Никогда нельзя с уверенностью сказать, что это не повторится вновь... Что могло случиться? Не было уверенности, что кровопролитие, раз начавшись, ограничится одной Ирландией. В самой Англии есть города, где трудно было бы поддерживать порядок... Человечество было слишком подготовлено к пролитию крови, как нам предстояло убедиться че-

¹ Приверженцы изгнанного в 1688 г. короля Якова II и его потомков. Дважды—в 1715 г. и в 1845 г.—устраивали восстания.

рез несколько дней» (стр. 169—170). Итак, Ллойд-Джордж вынужден признаться, что не народ требовал войны, а одной из причин вступления в войну было стремление войной задушить революцию!

Ллойд-Джордж подчеркивает, что с точки зрения национального единства были несомненные преимущества в том, что к моменту обьявления войны у власти стояло либеральное, а не консервативное правительство» (стр. 172). «Многие консерваторы хотели войны,—знаменательно признает Ллойд-Джордж,—они приняли войну с энтузиазмом», «в их поддержке войны были нотки восторга», и—характерно! — именно для них, по словам Ллойд-Джорджа, либеральное правительство у власти в начале войны «было приятным совпадением, о котором они не смели и мечтать» (стр. 171). Ибо «стоявшее у власти правительство пользовалось поддержкой рабочей партии» (стр. 172. Разрядка наша. — Б. В.).

В том, какое решающее значение имело это обстоятельство, Ллойд-Джордж отдает себе отчет полностью: «Это обеспечило поддержку крупных рабочих организаций... Если бы рабочая партия была враждебна войне, войну нельзя было бы успешно вести. Если бы рабочая партия оставалась равнодушной, победы удалось бы достигнуть с большим и с большим трудом. Самые выдающиеся и самые влиятельные вожди тредюнионов содействовали победе во время войны. Без их помощи победа не была бы достигнута» (стр. 172).

Эта благодарность Ллойд-Джорджа своим ближайшим союзникам — насквозь продажному, насквозь обуржуазившемуся руководству рабочей партии — исторический приговор над рабочей партией.

Первая часть задачи была тем самым выполнена, и Ллойд-Джордж мог скинуть значительную часть либеральных одежд, опостылевших ему еще за 4 года до войны. На очереди стояли другие методы. Либералы должны были отступить или перестать быть либералами даже в самом скромном смысле слова. Ллойд-Джордж предпочел второе и воспользовался плодами исподволь подготовлявшегося им, как мы видели, переворота, пока лишь частичного (сам он целомудренно предпочитает называть его на благопристойном парламентском жаргоне «политическим кризисом в мае 1915 г.»).

5

Ллойд-Джордж достаточно откровенно указывает, в каком направлении намечались перемены, когда сообщает, что «значительное недовольство — не только у консерваторов — вызывало управление министерством внутренних дел, возглавлявшимся Мак-Кенной». «В условиях, когда вся страна представляла собой военный лагерь и арсенал», либеральный министр внутренних дел «формально (по мнению

Ллойд-Джорджа) выполнял свои обязанности в этой области, явно показывая свое внутреннее несогласие с духом тех распоряжений, которые ему приходилось делать». «В народе (?! — Б. В.) просыпалась тревога» по поводу «установленного Мак-Кенной снисходительного режима. Война — дело беспощадное, и в условиях войны нельзя проводить чересчур тонкие различия. В народе (?! — Б. В.) справедливо полагали, что война — не время для того, чтобы рисковать национальной безопасностью в интересах педантической справедливости» (стр. 173).

Как видим, под флагом того, что «война — дело беспощадное», спекулируя на шпиономании, на огромных потерях на фронте и на беспомощности перед лицом «тевтонской опасности», Ллойд-Джордж прямо ставил вопрос о неприкрытой диктатуре, не связанной «педантической справедливостью».

Из рассказа Ллойд-Джорджа о самом правительственном перевороте видно, что переворот произошел не в результате парламентского поражения, а под непосредственным (хотя и закулисным) давлением военщины, которую Ллойд-Джордж высокопарно называет воплощением «проснувшейся в народе тревоги». Адмирал лорд Фишер, возглавлявший аппарат морского министерства (под политическим главенством Черчиля), выдвинувший в свое время предложение уничтожить германский флот без обьявления войны, демонстративно подал в отставку. Отставка Фишера, «лишавшая страну услуг самого выдающегося морского специалиста, явилась спичкой, которая зажгла пожар, раздутый всеобщим недовольством. Так ушло правительство, при котором началась война», — эпически повествует Ллойд-Джордж (стр. 175).

Для характеристики методов, при помощи которых все это осуществлялось, достаточно указать на то, что его превосходительство «благородный лорд» не побрезгали при этом написать анонимное письмо (стр. 177). Пружинной всей интриги был, по собственным показаниям, сам Ллойд-Джордж. Премьер Асквит был поставлен им перед совершившимся фактом, когда с консерваторами все уже, по существу, было обделано. Немудрено, что в этих условиях Асквитом «решение было принято с почти невероятной быстротой», ибо фактически уже и решать-то было нечего: оставалось или подчиниться или уйти в отставку. «В течение какой-нибудь четверти часа мы пришли к убеждению, что либеральное правительство должно уйти в отставку и быть заменено коалиционным правительством» (стр. 177). «Мы» — это: в одной комнате лидер консерваторов — «Бонар-Лоу, который в течение многих лет был моим личным другом и поддерживал со мной более дружеские отношения, чем это обычно бывает между политическими противниками, принимающими деятельное участие в партийной распре», — чистосердечно сознается Ллойд-Джордж; лидер либера-

лов Асквит—в другой комнате; и бегающий между обоими аппаратами автор мемуаров.

Такова данная Ллойд-Джорджем картинка «парламентаризма» и «демократии» в действии.

«Самые назначения были результатом своеобразного „торга между партиями» (стр. 178), — с удивительным цинизмом распространяется по данному поводу Ллойд-Джордж. Сам он при этом выторговал себе то, чего непосредственно добивался в качестве ближайшей цели: министерство военного снаряжения, которое должно было послужить ему трамплином для следующего прыжка. Его час пробил также и в другом отношении: консерваторы на этот раз не возражали против того, что он сидел с ними бок о бок в одном кабинете. Унижение 1910 года было заглажено. Политическая тенденция стала фактом в самом буквальном, недвумысленном, официально признанном виде. «Великий мастер мелкого политиканства»—Ллойд-Джордж разоблачил себя—как могло казаться тогда, когда еще неизвестна была его дальнейшая эволюция,—до последнего предела.

Свою деятельность в качестве министра военного снаряжения Ллойд-Джордж излагает настолько пространно и обстоятельно, что у читателя не остается никакого сомнения в том, что соответствующие главы преследуют совершенно конкретную и определенную практически-политическую цель. Достаточно прозрачно Ллойд-Джордж намекает на то, что, справившись с задачей мобилизации английской промышленности во время войны, он в свое время спас Англию от поражения и является сейчас единственным кандидатом в спасители Англии от подтачивающего и раз'едающего ее жизненные устои экономического кризиса и от грозящей ей революции.

«Я шел на чрезвычайно рискованное политическое предприятие,—рекламирует себя в этой главе Ллойд-Джордж.—Существовали многочисленные поводы для серьезных конфликтов с организованными рабочими по вопросам рабочего законодательства, рабочего времени, зарплаты, ограничения текучести и, что было всего серьезнее, насчет того, что я называл «разводнением», т. е. смешением квалифицированного и неквалифицированного труда. Здесь мы затрагивали один из самых чувствительных нервов тредюнизма» (стр. 183).

Цель, как видим, выражена достаточно широко и достаточно ясно: цель эта—не чужб-инное, как опять-таки «парламентская» формулировка программы всестороннего наступления на пролетариат.

Для осуществления этой программы нужен был соответствующий аппарат. В качестве основного достоинства «министерства солидного и мирного индустриализма», как игриво выражается Ллойд-Джордж (стр. 190), он подчеркивает то, что это министерство было ярко

выраженным министерством империалистов. «К счастью,—отчитывался он в парламенте,—к нам на службу пришли люди, занимающие весьма значительное место в деловом мире... Некоторые из них заведывали очень крупными концернами, и фирмы, с которыми они были связаны, большей частью, если не всегда, платят им жалованье, которое государство не в состоянии платить» (стр. 192).

«Министерство не было бюрократическим аппаратом»,—с гордостью неоднократно повторяет Ллойд-Джордж. «Оно работало все время в самом тесном сотрудничестве со всеми теми отраслями промышленности, которые были связаны с его деятельностью. При министерстве были созданы совещательные комитеты, представлявшие данную отрасль промышленности». «Наша промышленность,—заключает он,—была превращена в крупное общественное предприятие» (стр. 384).

Как видим, это «крупное общественное предприятие» представляло идеальную, по тем временам, форму объединения монополистического капитала страны, возглавлявшегося подлинным «комитетом по заведыванию делами буржуазии» в составе непосредственных, прямых представителей этой самой буржуазии, в лице ее наиболее выдающихся воротил и под руководством «умнейшего и солиднейшего, не мелко-буржуазного, а крупно-буржуазного»¹, «всемирно-опытного, всемирно-искусного Ллойд-Джорджа»². Сращение предпринимательского и правительственного аппарата достигло здесь своего предела, выразилось в непосредственно осязаемой форме совмещения в одних и тех же лицах предпринимательских и правительственных функций по линии одной и той же отрасли промышленности. Так сам Ллойд-Джордж снова опровергает свое же утверждение, что война 1914 г. не была «войной банков»!

Но Ллойд-Джордж и здесь нашел выход: «докладывая» о деятельности своего министерства на бристольтском конгрессе тредюнионов, Ллойд-Джордж, к вящему удовольствию жизнерадостных профбюрократов, заявил: «Я видел резолюции, которые принимаются время от времени на с'ездах тредюнионов (смех) относительно национализации промышленных предприятий страны. Мы это сделали (рукоплескания и смех)» (стр. 226). Итак, Ллойд-Джордж осуществлял «национализацию».

К чему на практике сводилась «национализация» и как она осуществлялась, Ллойд-Джордж рассказывает весьма поучительно: «Выпавшая на мою долю работа была не из тех, которые делаются за письменным столом... Важно было обеспечить добрую волю рабочих и их

¹ Ленин. Т. XXV. стр. 224—225.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 26.

готовность к дальнейшему повышению производительности труда и связанному с этим смешению кадров¹. Я знал, что рабочий вопрос будет одной из главных трудностей. Поэтому.. я объехал районы, где были сосредоточены машиностроительные заводы для возбуждения энтузиазма к производству военного снаряжения» (стр. 193).

Как сам Ллойд-Джордж относился к этому «энтузиазму», видно из того, что его помощником по этой части был некто Стевенсон («впоследствии лорд Стевенсон»), перенесший, по словам автора, «свой опыт по организации в стране торговых предприятий известного завода шотландского виски на дело организации и распространения в провинции не менее пьянящего духа патриотизма» (стр. 189).

«Безусловно, самой трудной задачей в рабочем вопросе, — признает Ллойд-Джордж,—было обеспечение сотрудничества рабочих в срочном деле производства снаряжения при одновременном прикреплении рабочих к определенному предприятию, при повышении интенсивности труда и непрерывности работ, запрещении забастовок и особенно при ослаблении профсоюзных правил, которые должны были открыть возможность широкой замены квалифицированных рабочих неквалифицированными и значительного использования сверхурочного труда в случаях крайней необходимости» (стр. 216). И этой задачи он, конечно, никогда не добился бы своими—скорее показательными—агитационными турне, равно как и «королевским поощрением рабочих», заключавшимся в том, чтобы поудить короля «лично общаться с ними, пожимать им руки и непосредственно обращаться к их патриотизму и гражданскому чувству» (стр. 230). Для этого нужно было применить другие, более сильные средства.

6

Говоря о выборе этих средств, Ллойд-Джордж указывает: «Во время обсуждения первого проекта закона о защите королевства, представленного 26 февраля, было сперва предложено включить статью, запрещающую под угрозой уголовного преследования забастовки и локауты на предприятиях, занятых производством военных материалов, и устанавливающую принудительный арбитраж в случае каких-либо конфликтов. Я решил, однако, посмотреть, что можно сделать для достижения этой цели путем добровольного соглашения с тредюнионами» (стр. 216).

¹ Предоставление неквалифицированным рабочим работы, ранее предоставлявшейся квалифицированным, что встречало сопротивление со стороны последних ввиду фактически понижавшихся таким образом расценок.

Социал-предатели не обманули надежд Ллойд-Джорджа, и 19 марта 1915 г. между правительством и представителями тредюнионов в лице Гендерсона и Мосеса было заключено так называемое «казначейское соглашение», содержавшее пункт об установлении «порядка арбитража, заменяющего забастовки» (стр. 218). В обмен на это полное разоружение пролетариата тредюнионы получали лишь неопределенное обещание ограничения предпринимательских прибылей.

Ллойд-Джордж чрезвычайно красочно, со свойственным ему огромным демагогическим талантом, описывает обстановку заключения этого соглашения. Самая интересная часть—переживания Бальфура, которого Ллойд-Джордж «просил... участвовать в совещании». Нельзя не привести этого отрывка: «Ему (Бальфуру) не раз приходилось выступать на собраниях с большим участием рабочих, но это был первый опыт совместного заседания с ними на равных основаниях. До сих пор только он разговаривал с ними, теперь они говорили с ним. На его лице было комическое выражение растерянности и удивления... Он был удивлен, увидев, что рабочие представители так хорошо умеют говорить. Они кратко и ясно сформулировали свои пункты, не тратя слов и времени. С другой стороны, в их манере и тоне была нотка агрессивности... Некоторое время он был совершенно подавлен и сохранял полное молчание. Даже после того, как они ушли, он не сразу пришел в себя...

Это было знамение, впервые появившееся в той части неба, где на протяжении четверти века он светил один, и крайняя близость этого знамения возбуждала беспокойство...» (стр. 216—217).

Вот для чего нужны Бальфурам Ллойд-Джорджи: уж если даже Гендерсон и Мосес «со товарищи» нагнали такого страха на «породистого» джентльмена! Знает себе цену Ллойд-Джордж—«первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие угодно, даже «рреволюционные» речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим... Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно!»².

Сделка, заключенная с тредюнионами, вела к полному разоружению пролетариата социал-шовинистскими лидерами тредюнионов. 23 июня Ллойд-Джордж внес соответствующий билль (законопроект). Билль «касался улажения трудовых конфликтов, запрещения локаутов и забастовок, контроля над предприятиями... и ограничения их прибылей, надзора за рабочими этих предприятий и их награждения орденами (!); он предусматривал также создание в порядке добровольной мобилизации отряда рабочих по производству снаряжения, находящегося в распоряжении министерства и направ-

² Ленин. Т. XIX, стр. 311.

ляемого на работу туда, где являлась в том особенная нужда», т. е. попросту штрейкбрехерского отряда.

Одновременно с этим, при обсуждении с руководителями тредюнионов вопроса об обязательной службе на производстве военного снаряжения, Ллойд-Джорджем было указано, что если рабочая сила будет количественно недостаточна, «введение обязательной службы окажется неизбежным. Но... даже если нужное количество рабочих явится добровольно, все-таки билль должен включать полномочия на заключение с ними договоров в обязательном порядке и на поддержание дисциплины на предприятиях. Здесь также было достигнуто соглашение об учреждении специального суда по правонарушениям на предприятиях» (стр. 221).

Что же касается другой стороны, то еще раньше было разъяснено, что «передача в ведение государства... этих предприятий не означает, что их владельцы и руководители будут просто удалены, а на их место будет поставлен какой-нибудь адмирал или генерал. Предприятия будут управляться попрежнему, за исключением того, что они будут целиком обращены на производство снаряжения...» (стр. 217).

Такова была «национализация» по ллойд-джорджевски, для завершения которой не хватало только генералов. Ллойд-Джордж проговаривается о том, каковы были реальные результаты «национализации»: «Условия труда в большинстве существующих предприятий были тяжелы и примитивны, не было заботы о здоровье и благополучии рабочих... Тяжесть труда была, конечно, значительно усилена в связи с военными нуждами. Рабочее время увеличилось, в помещениях наблюдалось значительное скопление рабочих. Создание новых и расширение старых предприятий совершались на скорую руку...» Условия труда женщин «были часто даже хуже условий мужского труда» (стр. 247).

Едва ли, как в этом уверяет Ллойд-Джордж, что-либо существенно изменилось от того, что он создал в своем министерстве секцию охраны труда (с крупным предпринимателем во главе), которая «стала на путь осторожной политики, предпочитая не принуждать фирмы, а воспитывать их в духе желательности проведения мероприятий по охране труда их служащих» (стр. 247).

Вот как описывает эту «воспитательную» работу сам Ллойд-Джордж: «Некоторых предпринимателей приходилось убеждать, что одна сломанная чашка и кувшин холодной воды—оборудование, недостаточное для 300 рабочих; что рабочие, занятые усиленным, тяжелым трудом, должны получать чистую питьевую воду, а не подвергаться риску тифозного заболевания от питья воды, предназначенной исключительно для производственных нужд» (стр. 243). Однако эти «убеждения», конечно, ни к чему не приводили, и при таких условиях никакие

«соглашения» не могли помешать тому, что «забастовки все учащались» (стр. 219) и «волнения в промышленности... быстро росли» (стр. 220). Их основную особенность отмечает сам же Ллойд-Джордж: «Беспорядки не создавались тредюнионами и их официальными представителями. Последние добросовестно придерживались своего соглашения с правительством» (стр. 227).

7

Один из эпизодов нараставшего протеста, развивавшегося вопреки социал-шовинистическому, предательскому руководству, изложен у Ллойд-Джорджа довольно конкретно в связи с движением фабрично-заводских старост (шоп-стюард): «Эти старосты избирались рабочими данной фабрики или мастерской для представления жалоб администрации. Они считали, что должны оправдать свое существование, выискивая нарушения, на которые не обратил внимания местный секретариат тредюниона. Постепенно это сделалось ужасным поводом для беспорядков в главных областях производства снаряжения. Глазго был одним из худших районов, и волнения среди рабочих серьезно нарушали производство, особенно сдачу тяжелых орудий» (стр. 227).

Ллойд-Джордж рассказывает, как в сопровождении Гендерсона он прибыл в Глазго, как ему удалось установить здесь контакт с одним из вождей, Давидом Кирквудом, впоследствии министром лейбористского правительства; как рабочие были «особенно раздражены против г. Гендерсона, и ему пришлось особенно плохо», причем только Кирквуд спас положение. Что интересней всего: Ллойд-Джордж здесь же показывает, что в рабочем движении появились новые вожди. «Был еще другой оратор,—пишет Ллойд-Джордж,—который показался мне природным дикарем. Он стал прямо против меня с устрашающим видом и сжатыми кулаками и говорил угрюмым, сердитым голосом... Впоследствии мне пришлось встречаться с г. Галлахером, коммунистом, чьи манеры были вполне приличны и голос мягок, но который, по моему глубокому убеждению, должен был оказывать самое пагубное влияние на рабочих» (стр. 228).

Отметив, что «посещение оказало, по крайней мере, временно успокаивающее действие», Ллойд-Джордж добавляет: «Но через несколько недель произошли новые волнения, и тогда пришлось прибегнуть к мерам строгости: некоторые из руководителей были высланы, против других было возбуждено преследование» (стр. 228).

Рабочие Глазго, где Ллойд-Джорджа вскоре после этого освистали, и где он едва спасся при помощи полиции, выделялись лишь в том отношении, что причинили ему «особенно много беспокойства». «Но значительные волнения обструк-

ционного характера имели место также в Ньюкестле, Шеффилде и других областях». Ллойд-Джордж был достаточно умен, и ему «было ясно, что нельзя будет наказывать всех... если бы серьезные действия... разбились о массовое сопротивление квалифицированных рабочих» (стр. 225). Ллойд-Джордж целиком обязан Гендерсонам, Томасам, Кирквудам и другим, им подобным, тем, что это массовое сопротивление окончилось поражением рабочих. Именно на этом фронте «самые выдающиеся и самые влиятельные вожди тредюнионов содействовали победе во время войны», и именно поэтому «без их помощи победа не была бы достигнута» (стр. 172). «Когда дом охвачен пожаром, вопросы установленного порядка и прецедентов, вопросы этикета, сроков, разделения труда должны отпасть» (стр. 194). Эта циничная формула оправдывала все!

8

Итак, мы видим, что обнаруживаемые Ллойд-Джорджем за последнее время симпатии к Гитлеру имеют довольно глубокие внутренние мотивы. Ллойд-Джордж умнее английского плакатного фашиста, чернорубашечника Мосли. Умнее и опаснее. Поэтому он обходится без примитивного плагиата вроде пресловутой рубашки. Существо дела от этого не меняется: «Буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии» (Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии). Сейчас уже это очевидно настолько, что даже такой прирожденный демагог до мозга костей, как Ллойд-Джордж, выступает с открытым забралом и доказывает, что он всегда был сторонником «твердой власти».

Вот почему мемуары Ллойд-Джорджа — своеобразный аттестат максимальной зрелости на право занятия руководящего положения в условиях фашизации Англии. Это определенная актуальная программа, продолженная им в его нынешних предвыборных маневрах (см. «Известия» № 36 от 10 февраля 1935 г., ст. П. Лапинского «Старый шут Маммон и старый шутник из Уэльса»).

Возможны ли более ясные доказательства тому, что не «несвежая устрица», съеденная неким Перси Иллингворсом (секретарем парламентской фракции либералов) и приведшая его к смерти, не «гнилой моллюск на годы отравил и ослабил всю либеральную партию» (стр. 495), как в этом хочет уверить кого-то Ллойд-Джордж! Ведь сам же он говорит: «1914 год был катастрофой для либерализма» (стр. 496).

«С тех пор прошло 20 лет, — и, явно намекая на теперешнее «Гигантское отчаяние» (так с прописной буквы пишет «Таймс»), Ллойд-Джордж рекомендует следующий выход из того экономического тупика, в который зашла Англия: «Когда зовут специалистов на консилиум к тяжело больному, то было бы безумием для родных, а со стороны пользующего врача даже преступлением считаться в большей степени с политическими взглядами приглашаемых специалистов, чем с их способностью помочь больному и вырвать его из когтей болезни» (стр. 497). Ибо «угрожает ли обществу опасность наводнения, пожара или войны — во всех этих случаях действует тот же инстинкт... Этот инстинкт проявляется прежде всего в готовности работать вместе с каждым, кто желает и умеет вокарабкаться по лестнице, пустить в ход пожарную кишку или как-либо иначе бороться с огнем» (стр. 496). И на этом именно пути, карабкаясь на эту лестницу, постепенно сближаются Ллойд-Джордж и Гитлер.

«Господствующие классы капиталистических стран уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто-террористическим методам сохранения своей диктатуры.

Опять, как и в 1914 году на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне» (Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии).

И. И. П.
Кабинет в Горьком

· НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПАРТИИ. «Пролетарская революция» № 5.

В вышедшей недавно пятой книге журнала «Пролетарская революция» (март 1935 г.) помещены новые, представляющие большой интерес историко-партийные материалы.

В передовой статье «От оппозиции к контрреволюции» тов. Ярославский на конкретном историческом материале освещает весь пройденный Зиновьевым и Каменевым предательский путь. Это путь от штрейкбрехерства в Октябрьские дни 1917 г., когда Зиновьев и Каменев выдали Родзянке и Керенскому решение партии о вооруженном восстании, до террористического акта 1 декабря 1934 г. — гнусного убийства выдающегося вождя рабочего класса тов. Кирова презренными подонками зиновьевской оппозиции из «ленинградского центра», находившимися под идейным и политическим руководством контрреволюционного «московского центра» во главе с Зиновьевым, Каменевым и др.

Тов. Ярославский приводит в своей статье факты и из дооктябрьской истории партии, показывающие, как Зиновьев и Каменев в наиболее тяжелые моменты борьбы Ленина за укрепление большевистской партии обнаруживали оппортунистические шатания и вели интриганскую политику против своего учителя.

Яркой иллюстрацией оппортунистических шатаний Зиновьева и Каменева и их интриганства против Ленина служит приводимый в следующей статье—статье тов. Рыклина—эпизод 1909 г.

В архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина, как сообщает тов. Рыклин, хранится письмо члена ЦК социал-демократии Польши и Литвы Варского, адресованное Главному правлению польской социал-демократии (письмо на польском языке, датировано 20 ноября 1909 г.). Из этого письма Варского мы впервые узнаем об инциденте, происшедшем в редакции издававшегося в Женеве «Социал-демократа».

В состав редакции «Социал-демократа» входили от большевиков Ленин, Зиновьев, Каменев, от меньшевиков — Мартов и от польской социал-демократии — Варский.

Ленин на заседании редакции предложил поместить в «Социал-демократе» как мнение всей редакции свою статью «О методах укрепления нашей партии и ее единстве», в которой отстаивалась необходимость сохранения самостоятель-

ности большевистской фракции. Ленин требовал от Мартова и редактируемого им «Голоса социал-демократа» открытой борьбы с ликвидаторством.

Против статьи Ленина выступили Варский и Мартов. Окончилось это заседание редакции тем, что Ленин заявил о своем выходе из редакции «Социал-демократа». И вот после заседания Зиновьев и Каменев за спиной Ленина ведут переговоры с Варским, сообщают последнему явно ложные сведения «о наличии среди большевиков многочисленного (?) крыла, требующего роспуска большевистского центра», жалуются, что «дипломатия (!!) Ленина переходит всякий предел», и т. п.

В годы реакции борьба с ликвидаторством была борьбой за жизнь революционной партии рабочего класса. На это значение борьбы с ликвидаторством со всей силой указывал товарищ Сталин в своем письме к Ленину из сольвычегодской ссылки в 1910 г. В «Письме с Кавказа», опубликованном в июне 1910 г. в № 2 «Дискуссионного листка» (приложение к «Социал-демократу») и в корреспонденции из Петербурга в сентябре 1911 г. (№ 23 «Социал-демократа») Ленин рекомендовал сталинскую корреспонденцию всем тем «кто дорожит нашей партией». «Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить» — писал Ленин о статье Сталина (т. XV, стр. 217).

И в этот один из самых тяжелых периодов борьбы Ленина и Сталина за партию, Зиновьев и Каменев, как это показывают приведенные неопровержимые факты, готовы были пойти на компромисс с меньшевиками ценой ликвидации самостоятельной большевистской партии, ведя бесстыдную, интриганскую игру против Ленина.

В статье Д. Баевского «Большевики в Циммервальде» освещается на основе впервые публикуемого материала из архива Института Маркса—Энгельса—Ленина, борьба Ленина (большевиков) за создание III интернационала.

В рецензируемой книге «Пролетарской революции» напечатаны новые ленинские документы: письма Ленина представителям большевистского течения в социал-демократии Латышского края. Эти письма Ленина относятся к периоду 1913—1914 гг., когда фракционная борьба между большевиками и меньшевиками в рядах латышской социал-демократии достигла чрезвычайного обострения. Письма сопровождаются подробной исторической справкой старого латышского большевика Я. Берзина.

Г. Крамольников печатает свои воспоминания о первых шагах партийной работы и учебы Сергея Мироновича Кирова (Томск, 1904).

К тридцатилетию первой русской революции Институтом Маркса—Энгельса—Ленина подготовлен сборник документов и переписки, относящихся к 1905 г. Большой интерес представляют впервые публикуемые в этом сборнике доклады делегатов III съезда большевистской партии. «Пролетарская революция» помещает статью тов. Крамольникова, в которой освещается значение этих новых документов, дающих чрезвычайно ценный материал для изучения жизни и деятельности большевистской партии в период первой русской революции.

А. Леонтьев и Л. Сегаль сообщают о подготовке издательством ИМЭЛ выпуска нового издания «Теорий прибавочной стоимости» К. Маркса и о извращениях «Теорий прибавочной стоимости», допущенных при издании Каутским.

Критический отдел содержит рецен-

зии на «Очерк истории ВКП(б)» Н. Н. Попова, «Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария», переиздание большевистской газеты периода 1900—1912 гг. «Звезда», издания местных испартов: «Первый год пролетарской диктатуры в Татарии» и «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях».

В библиографическом разделе дан перечень статей и документов Маркса, Энгельса, Ленина, впервые опубликованных в 1934 г., и библиографические материалы о бакинской стачке 1904 г.

В номере среди иллюстраций: группа подпольщиков томской организации РСДРП (в группе — С. М. Киров и В. В. Куйбышев) и прокламация 1905 г. «В венок убитому товарищу», в составлении которой участвовал С. М. Киров.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1905 г.

АПРЕЛЬ

- 1(19 марта) Начало всеобщей забастовки приказчиков в Иркутске.
Демонстрация детей в Двинске.
В Лодзи убит помощник полицеймейстера Шаталович.
На заседании харьковского юридического общества принята резолюция с требованием политических свобод и созыва Учредительного собрания.
- 2(20 марта) Попытка демонстрации в Варшаве на похоронах рабочего Гравера, умершего в тюрьме после голодовки; расстрел демонстрантов войсками. Демонстрация в Могилеве-губернском. Собрание делегатов петербургских конторщиков, бухгалтеров и счетоводов приняло конституционную резолюцию.
- 3(21 марта) Начало забастовок на Закавказской железной дороге.
Демонстрация в Ярославле.
Столкновение рабочих фабрики Паля, в Петербурге, с казаками.
Избиение бастующих рабочих казаками в Брянске.
Покушение на помощника могилевского полицеймейстера Мизгайло.
С'езд ветеринарных врачей в Москве принял резолюцию с требованием созыва Учредительного собрания.
- 4(22 марта) На фабрике Паля, в Петербурге, мастером Колянским убит рабочий Ф. Д. Алексеев и ранено несколько других рабочих.
- 5(23 марта) Однодневная забастовка протеста против расстрела демонстрантов 2 апреля (20 марта) в Варшаве.
Пироговский с'езд врачей в Москве принял резолюцию с призывом к борьбе совместно с трудящимися массами за Учредительное собрание, 8-часовой рабочий день, обеспечение трудящихся землей и пр.
- 6(24 марта) На Пироговском с'езде врачей в Москве организован всероссийский союз врачей.
Демонстрация учащихся в Тамбове.
- 7(25 марта) Демонстрация в Петербурге, на похоронах рабочего Ф. Д. Алексеева, убитого мастером Колянским.
Крестьянами сожжены дела ахутского сельского управления, Зугдидского уезда, Кутаисской губернии.
В Петербурге открылся всероссийский с'езд профессоров и преподавателей высших учебных заведений; принята конституционная резолюция, постановлено организовать союз.
Общее собрание Общества тружеников газетного и печатного дела в Петербурге приняло резолюцию с требованием созыва Учредительного собрания.
Манифестация учащихся в Полтаве, на генеральной репетиции патриотического концерта, устроенная при участии социал-демократов.
- 8(26 марта) Демонстрация протеста в Гродно по поводу избиения политических в тюрьме.
Сожжение крестьянами сельского управления в с. Гульрипше, в Абхазии. Сожжение полицейского управления в м. Очемчирах (там же).
- 9(27 марта) Демонстративное шествие рабочих на могилу Ф. Д. Алексеева в Петербурге.
Сожжение крестьянами сельского управления в с. Саракауло, Тионетского уезда, Тифлисской губернии.
Начало забастовки приказчиков в Нижнем Новгороде, демонстрация.
В Челябинске начались волнения среди солдат, продолжавшиеся три дня.
- 10(28 марта) Собрание крестьян в с. Уриатубани, Телавского уезда, Тифлисской губернии, постановило закрыть сельские управления и школы, устранить лесных сторожей и объездчиков, отобрать у помещиков подписку о передаче земли крестьянам и пр.
В Нижнем Новгороде началась забастовка пекарей.
- 12(30 марта) Большой митинг и демонстрация на Путиловском заводе, в Петербурге, по поводу несчастного случая на заводе.
Волнения рабочих на фабрике Виганда и на заводе «Двигатель» в Ревеле; избиты мастера.
Покушение на полицейского пристава Малыгина в Ревеле.
Указ об упразднении особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте и рескрипт на имя члена государственного совета И. Л. Горемыкина об учреждении под его председательством особого совещания по вопросу о мерах к укреплению крестьянского землевладения.
В № 14 «Вперед» напечатана статья Ленина «Революционная

- демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».
- 13(31 марта) Начало забастовки железнодорожных рабочих в Елисаветполе. Большой митинг в Гродно, организованный Бундом. Собрание крестьян селений Ванта, Бухати, Квемоходамени и Цинандали (в Грузии) постановило закрыть школы и сельские управления, устранить лесных сторожей и объездчиков, отобрать у помещиков подписку о передаче земель крестьянам и пр. Начало крестьянского движения в Осетии.
- 14(1) В Одессе убит полицейский пристав Ольшевский. Начало забастовки в Баку. Демонстрация в Гельсингфорсе. Демонстрация в Петербурге, на похоронах рабочих, погибших от несчастного случая 12 апреля (30 марта). Рабочий митинг и демонстрация в Сормове.
- 15(2) Начало забастовки портовых рабочих в Либаве. «Беспорядки» среди матросов в Петербурге; избит околоточный надзиратель. В Лодзи убит околоточный надзиратель Гайдовский; покушение на околоточного надзирателя Барановского; нападение на воинский патруль. Курское общество содействия начальному образованию приняло резолюцию с требованием созыва Учредительного собрания. Витебское общество сельских хозяев приняло конституционную резолюцию.
- 16(3) Демонстрация на Смоленском кладбище, в Петербурге, у могилы рабочего Ф. Д. Алексева; столкновение рабочих с полицией и казаками. Митинг на Богословском кладбище, в Петербурге, у могилы умершего после выхода из тюрьмы рабочего Б. Винокурова; демонстрация и столкновение с полицией. Демонстрация в Сормове на похоронах рабочего социал-демократа Девяткова. Рескрипт на имя иркутского генерал-губернатора гр. Кутайсова с поручением приступить к разработке вопроса о введении земских учреждений в Сибири.
- 7(4) Крестьяне с. Чирикова, Балашовского уезда, Саратовской губернии, приняли приговор, составленный в духе программы с.-р. Академия наук направила в комиссию Кобеко резолюцию с требованием свободы печати.
- 18(5) Суд над И. П. Каляевым в особом присутствии сената; Каляев приговорен к смертной казни. В иркутской судебной палате началось вторичное рассмотре-
- ние дела о «романовском протесте» в Якутске; демонстрация в Иркутске, сопровождавшаяся избиением демонстрантов. Манифестация в Двинске по поводу суда над Каляевым. В Петербурге открылся Всероссийский съезд журналистов, принята конституционная резолюция и постановлено организовать союз писателей. Указ «о льготах сельскому населению по возврату продовольственных и по обсеменению долгов».
- 19(6) Харьковское медицинское общество присоединилось к резолюциям Пироговского съезда.
- 20(7) Начало забастовки железнодорожных рабочих и служащих в Баку. Манифестация в Могилеве, организованная Бундом. В Иркутске состоялось чествование защитников по делу «романовцев»: Зарудного и Беренштама. Иркутская городская дума приняла конституционный адрес. Столкновение крестьян с казаками близ м. Очемчиры, в Абхазии. Ярославское общество врачей присоединилось к резолюциям Пироговского съезда. Заседание харьковского общества грамотности, выступали социал-демократы, принята политическая резолюция; на улице после заседания публика была избита казаками. Симбирская и ставропольская городские думы приняли петиции о созыве Учредительного собрания.
- 21(8) Начало всеобщей стачки булочников в Москве, организованной московским комитетом РСДРП; демонстрация. Крестьянская демонстрация в Сванетии; убит социал-демократ Геловани, которому были устроены торжественные похороны. Столкновение рабочих с казаками в Пинске. В Белостоке начались избиения евреев казаками, продолжавшиеся два дня. Избиение толпы полицией в Одессе. Женский митинг в Тенишевском училище, в Петербурге; принята с.-д. резолюция.
- 22(9) Демонстрация в Кишиневе. Указ об учреждении временных уездных комиссий «для определения лиц, участвовавших в крестьянских волнениях, и убытков, ими причиненных, с обращением взысканий на все без изъятия движимое имуще-
- 23(10)

- 24(11) ство членов семьи и сельских обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы». Всеобщая забастовка прислуги в Тифлисе. Митинг в Ростове на Дону; принята с.-д. резолюция; после митинга публика была избита на улице полицией и казаками. Иркутское общество распространения народного образования приняло конституционную записку. В Петербурге состоялось собрание учредителей общества «Русское возрождение», ставившего своей целью содействие правительству в осуществлении «предначертаний рескрипта 18 февраля» и борьбу с террористами.
- 25(12) Начало забастовки волжских грузчиков в Самаре. В Лондоне открылся III съезд РСДРП, продолжавшийся до 10 мая (27 апреля) включительно. Манифестация в Риге.
- 26(13)
- 27(14) Рабочий митинг в Гомеле. Демонстрация в г. Соколке, Гродненской губернии. Демонстрация при проводах запасных на Дальний Восток в Ломже.
- 28(15) Столкновение рабочих с полицией в Ломже.
- 29(16) Демонстрация в м. Сморгони, Виленской губернии.
- 30(17) Указ «об укреплении веротерпимости». Еврейский погром в м. Дусятах, Ковенской губернии. В апреле происходило также крестьянское движение в Харьковской, Московской, Воронежской, Саратовской, Бессарабской, Тамбовской, Нижегородской, Пензенской, Таврической, Эстляндской и других губерниях. Бастовали грузчики в Са-

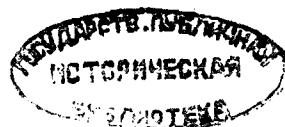
ратове и Риге. В Одессе два полка, отказавшись ехать на Дальний Восток, произвели разгром в казармах. Енисейская городская дума приняла конституционный адрес. Эриванская городская дума приняла петицию о созыве Учредительного собрания. Тифлисское дворянство приняло адрес с ходатайством о даровании автономии Грузии. Костромской комитет торговли и мануфактур составил записку о необходимости коренной реформы государственного строя.

В Женеве состоялась конференция революционных организаций России, созванная по инициативе Гапона. На конференцию явились делегаты следующих организаций: 1) редакции «Вперед» и БКБ РСДРП, 2) Бунда, 3) латышской социал-демократии, 4) армянской социал-демократии, 5) ПСР, 6) армянской революционной федерации, 7) грузинской партии социалистов - федералистов - революционеров, 9) белорусской революционной громады, 10) латышского с.-д. союза, 11) финляндской партии активного сопротивления. После ухода с конференции делегатов четырех с.-д. организаций приняты резолюции об Учредительном собрании, демократической республике, 8-часовом рабочем дне и переходе всех земель в руки трудящегося земледельческого населения.

Почти одновременно с открытием в Лондоне III съезда РСДРП в Женеве открылась конференция меньшевиков, созванная в противовес съезду.

В Москве организовался черносотенный «Союз русских людей».

Е. Мороховец

ОПЕЧАТКИ

В № 4 нашего журнала за 1934 г. на стр. 16 правая колонка, 16 строка снизу вместо «Под руководством «Правды» осенью 1913 г...» нужно читать «Под руководством «Правды» осенью 1912 г...»

В № 1—2 за 1935 г. на стр. 49 под клише ошибочно поставлена не та подпись. Следует читать: карикатура на русскую государственную думу (которая сопоставлялась с австрийским парламентом), напечатанная через 2 дня после кровавой демонстрации 5 ноября 1905 г. в Вене.

Редакция.

- 24(11) ство членов семьи и сельских обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы». Всеобщая забастовка прислуги в Тифлисе. Митинг в Ростове на Дону; принята с.-д. резолюция; после митинга публика была избита на улице полицией и казаками. Иркутское общество распространения народного образования приняло конституционную записку. В Петербурге состоялось собрание учредителей общества «Русское возрождение», ставившего своей целью содействие правительству в осуществлении «предначертаний рескрипта 18 февраля» и борьбу с террористами.
- 25(12) Начало забастовки волжских грузчиков в Самаре. В Лондоне открылся III съезд РСДРП, продолжавшийся до 10 мая (27 апреля) включительно. Манифестация в Риге.
- 26(13)
- 27(14) Рабочий митинг в Гомеле. Демонстрация в г. Соколке, Гродненской губернии. Демонстрация при проводах запасных на Дальний Восток в Ломже.
- 28(15) Столкновение рабочих с полицией в Ломже.
- 29(16) Демонстрация в м. Сморгони, Виленской губернии.
- 30(17) Указ «об укреплении веротерпимости». Еврейский погром в м. Дусятах, Ковенской губернии. В апреле происходило также крестьянское движение в Харьковской, Московской, Воронежской, Саратовской, Бессарабской, Тамбовской, Нижегородской, Пензенской, Таврической, Эстляндской и других губерниях. Бастовали грузчики в Са-

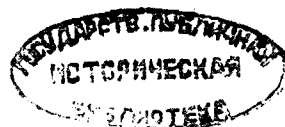
ратове и Риге. В Одессе два полка, отказавшись ехать на Дальний Восток, произвели разгром в казармах. Енисейская городская дума приняла конституционный адрес. Эриванская городская дума приняла петицию о созыве Учредительного собрания. Тифлисское дворянство приняло адрес с ходатайством о даровании автономии Грузии. Костромской комитет торговли и мануфактур составил записку о необходимости коренной реформы государственного строя.

В Женеве состоялась конференция революционных организаций России, созванная по инициативе Гапона. На конференцию явились делегаты следующих организаций: 1) редакции «Вперед» и БКБ РСДРП, 2) Бунда, 3) латышской социал-демократии, 4) армянской социал-демократии, 5) ПСР, 6) армянской революционной федерации, 7) грузинской партии социалистов - федералистов - революционеров, 9) белорусской революционной громады, 10) латышского с.-д. союза, 11) финляндской партии активного сопротивления. После ухода с конференции делегатов четырех с.-д. организаций приняты резолюции об Учредительном собрании, демократической республике, 8-часовом рабочем дне и переходе всех земель в руки трудящегося земледельческого населения.

Почти одновременно с открытием в Лондоне III съезда РСДРП в Женеве открылась конференция меньшевиков, созванная в противовес съезду.

В Москве организовался черносотенный «Союз русских людей».

Е. Мороховец

ОПЕЧАТКИ

В № 4 нашего журнала за 1934 г. на стр. 16 правая колонка, 16 строка снизу вместо «Под руководством «Правды» осенью 1913 г...» нужно читать «Под руководством «Правды» осенью 1912 г...»

В № 1—2 за 1935 г. на стр. 49 под клише ошибочно поставлена не та подпись. Следует читать: карикатура на русскую государственную думу (которая сопоставлялась с австрийским парламентом), напечатанная через 2 дня после кровавой демонстрации 5 ноября 1905 г. в Вене.

Редакция.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛ. СОРИН — Об изучении истории партии	1
К 30-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.	
А. СЕРЕДА — III съезд партии	9
Л. РЫКЛИН —II интернационал и III съезд РСДРП	19
ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	
И. РАЗГОН — Восстание на Кубани и в Черноморье и разгром Деникина	26
Ж. КОРДОНСКАЯ — Еврейские погромы на Украине в период деникинщины	37
Д. БОЙКО-ПАВЛОВ — Партизанская борьба в Приамурье (1919—1920 гг.) Воспоминания бывш. командующего партизанскими отрядами Приамурья и Сахалина	44
И. ШНЕЙДЕР —Революционное движение среди военнопленных в России 1915—1919 гг.	54
Г. ДРОНИН —Борьба за хлеб в Западной Сибири (Накануне и в первые месяцы после Октября)	62
ИЗ ИСТОРИИ СССР	
Б. ГРЕКОВ —Была ли древняя Русь рабовладельческим обществом?	69
Е. ГЕРМАН —На второй день после реформы 1861 г. (Крестьянские движения в Харьковской губернии)	76
В. АВЕРЬЕВ' И С. РОДИН —Кулацкие восстания в эпоху комбедов	86
СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ	
В. ВАСЮТИНСКИЙ — Оливер Кромвель	95
НОВАЯ ИСТОРИЯ	
С. ЛИВШИЦ — Испанская революция 1868—1874 гг.	109
БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ	
Ц. БОБРОВСКАЯ — Яков Михайлович Свердлов	122
БИБЛИОГРАФИЯ	
Б. ВЕБЕР — „Военные мемуары“ Давида Ллойд-Джорджа	132
М. С. — Новые материалы к истории партии. „Пролетарская революция“ № 5	140
Е. ШОРОХОВЕЦ — Апрель. Хроника событий 1905 года	142

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАКТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Л. Е. ФРУГ**, **Ф. Б. ФРУЖКИНА**.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **ЯНОШ**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 4-85-62. Прием в редакции от 10 до 3 дня

Уполномоченный Главлита № В-21241 Издательский № 370 Заказ № 889 Тираж 30.000

Материал сдан в набор 16/III—35 г. Подписан к печати 14/IV—35 г. 4¹/₂ бум. листа. 153904 зн. в бум. листе

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.